

Московский гуманитарный университет
Юридический факультет

**Организационные проблемы научной деятельности
и правовая политика государства в сфере науки
и ее реализация в Сибири**

Сборник статей Всероссийской междисциплинарной
научной конференции

Издательство Московского гуманитарного университета
2022

ББК 72.4
О-64

Рецензенты:

С. Д. Афанасьев, ведущий специалист Национального центра цифровой экономики Научно-образовательного центра компетенций ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», кандидат юридических наук;
А. Ю. Ишков, старший преподаватель Государственного академического университета гуманитарных наук.

Редакционная коллегия:

О. Д. Максимова, доктор юридических наук, доцент;
М. О. Окунева, кандидат юридических наук

О-64 **Организационные проблемы научной деятельности и правовая политика государства в сфере науки и ее реализация в Сибири.** Сборник статей Всероссийской междисциплинарной научной конференции / Отв. ред. О. Д. Максимова. — Москва, Изд-во Московского гуманитарного университета. 2022. — 174 с. — Текст: непосредственный.

Издание осуществлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, исследовательский проект № 21-011-43026 «Правовая политика Советского государства в сфере развития науки».

ISBN 978-5-907650-14-5

Сборник включает научные сообщения, с которыми выступили участники Всероссийской междисциплинарной научной конференции «Организационные проблемы научной деятельности и правовая политика государства в сфере науки и ее реализация в Сибири» 17 июня 2022 года в Московском гуманитарном университете.

Материалы конференции могут быть использованы преподавателями, аспирантами и студентами при преподавании и изучении курсов «Теория государства и права», «История государства и права России», «Философия», «Политология», «Культурология» и других учебных дисциплин, а также научными работниками, аспирантами, магистрантами и студентами в процессе научно-исследовательской деятельности, при написании научных, выпускных квалификационных и курсовых работ.

ББК 72.4

ISBN 978-5-907650-14-5

© Авторы, 2022

Предисловие

17 июня 2022 г. в Московском гуманитарном университете состоялась Всероссийская междисциплинарная научная конференция «Организационные проблемы научной деятельности и правовая политика государства в сфере науки и ее реализация в Сибири». Конференция была организована кафедрой теории и истории государства и права совместно с Институтом зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова и Местным отделением района Вешняки Восточного административного округа (Московский гуманитарный университет) Московского регионального отделения Ассоциации юристов России при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, исследовательский проект № 2–011–43026 «Правовая политика Советского государства в сфере развития науки».

Модератором конференции выступила доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета МосГУ, заведующая кафедрой теории и истории государства и права, руководитель научного коллектива исследовательского проекта «Правовая политика Советского государства в сфере развития науки» Ольга Дмитриевна Максимова.

В конференции приняли участие более 20 ученых, кандидатов и докторов наук различных специальностей из Москвы, Санкт-Петербурга, Барнаула, Кемерово, Омска, Якутска.

С приветственным словом к участникам конференции обратилась Анна Владимировна Костина, доктор культурологии, доктор философских наук, профессор, проректор Московского гуманитарного университета.

Поприветствовала участников также Татьяна Федоровна Ящук, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, отметив актуальность темы конференции и необходимость развивать научные связи между учеными различных регионов.

Открыл конференцию председатель организационного комитета кандидат географических наук, доцент, заместитель ректора по вопросам устойчивого развития арктических территорий, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Юрий Георгиевич Данилов. Его выступление было посвящено проблеме подготовки квалифицированных кадров для арктической зоны Российской Федерации.

Актуальнейшим проблемам оценки результативности научной деятельности в России в новых геополитических условиях был посвящен доклад доктора технических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Константина Константиновича Колина, главного научного сотрудника Института проблем информатики ФИЦ «Информатика и управление» РАН, директора Центра стратегических гуманитарных исследований Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета.

Татьяна Федоровна Яшук, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, член Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, выступила с докладом «Становление и развитие юридической науки и высшего образования в Сибири».

С докладом об опыте и лучших практиках в правовом регулировании научной и инновационной деятельности в сибирских регионах выступил Антон Александрович Васильев, доктор юридических наук, доцент, директор Юридического института Алтайского государственного университета, заведующий кафедрой теории и истории государства и права. Антон Александрович рассказал о проблемах, с которыми сталкиваются российские региональные власти в развитии научной деятельности на территории своего региона, а также о способах их решения.

Марина Анатольевна Кожевина, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России, выступила с докладом на тему «Развитие юридической науки в ведомственной системе высшего образования (на примере Омской академии МВД России)». В докладе было показано влияние опыта Омской академии МВД на организацию научно-исследовательской работы в ведомственных учебных заведениях системы МВД.

Участник научного коллектива исследовательского проекта «Правовая политика Советского государства в сфере развития науки» Дарьяна Дмитриевна Максимова, кандидат политических наук, и. о. заведующего кафедрой международных исследований института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного Федерального университета имени М. К. Аммосова выступила с докладом на тему «Освоение Арктики и развитие Северного морского пути с помощью дрейфующих станций». В своем выступлении докладчица подчеркнула интерес государств азиатского региона, в особенности Китая, к освоению и развитию Арктики и Северного морского пути, отметив перспективы совместной деятельности России и Китая.

Евгений Сергеевич Колганов, руководитель Межрегионального проектного офиса научно-образовательного центра «Север: территория устойчивого развития», рассказал в своем докладе об успешном опыте организации и деятельности НОЦ «Север».

Алмагуль Дауткановна Дюсюпова, кандидат юридических наук, доцент, член Российской Ассоциации международного права, представляющая Московский гуманитарный университет, выступила с докладом на тему «Правовая политика в сфере аграрных отношений в Сибири: состояние, проблемы, перспективы инновационной деятельности и науки», отметив глубокие исторические корни научных исследований как базы государственной аграрной политики в Сибири.

Зинаида Ивановна Корякина, доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Северо-Восточного Федерального университета им. М. К. Аммосова, заместитель декана по научной работе юридического фа-

культета СВФУ, рассказала об организационно-правовых основах регулирования и стимулирования научной деятельности в высшем учебном заведении, отметив те сложности, с которыми вузы сталкиваются в своей практике организации научно-исследовательской работы.

Марина Олеговна Окунева, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Московского гуманитарного университета, рассказала в своем докладе о взаимодействии Сибирского отделения Академии наук с партийными и государственными органами. Опираясь на архивные материалы, докладчица проанализировала практику взаимодействия СО АН СССР с центральными и местными партийными и государственными органами по различным вопросам организации научной деятельности.

Нюргун Иванович Сивцев, аспирант кафедры теории и истории государства и права Московского гуманитарного университета, выступил с докладом на тему «Исследование истории арктических районных прокуратур (на примере прокуратур Момского и Жиганского районов Якутской АССР)». Докладчик отметил ценность архивного материала местных архивов, практически не используемого исследователями.

С завершающим докладом «Правовые и организационные основы создания и деятельности Сибирского отделения Академии наук СССР (1957 – начало 1960-х гг.)» выступила доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета МосГУ, заведующая кафедрой теории и истории государства и права, руководитель научного коллектива исследовательского проекта «Правовая политика Советского государства в сфере развития науки» Ольга Дмитриевна Максимова.

В заключительном слове были подведены итоги конференции. Все участники единодушно отметили ценность таких межвузовских контактов и необходимость укрепления научных связей.

Организаторы благодарят всех докладчиков и слушателей за внимание к конференции и приглашают принимать участие в дальнейших научных мероприятиях кафедры.

Стратегические приоритеты государственной политики России в сфере науки в современных геополитических условиях

Strategic priorities of Russia's state policy in the field of science in modern geopolitical conditions

Колин Константин Константинович
*доктор технических наук, профессор,
Федеральный исследовательский центр
«Информатика и управление» РАН,
Московский гуманитарный университет
г. Москва, Россия
kolinkk@mail.ru*

Kolin Konstantin Konstantinovich
*Doctor of Technical Sciences, Professor,
Federal Research Center
"Computer Science and Control"
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow University for the Humanities
Moscow, Russia
kolinkk@mail.ru*

Аннотация: проведен анализ актуальных проблем России в сфере науки и определены стратегические приоритеты государственной политики в этой сфере на ближайшую перспективу. Показано, что такими приоритетами должны стать развитие научного потенциала страны и его эффективное использование для достижения национальных целей России. При этом необходимо использовать научный потенциал не только государственных, но также и общественных научных и образовательных организаций. Важной задачей является конверсия потенциала оборонной науки, в особенности, научных школ генеральных конструкторов оборонных систем. Необходимо также создать национальную систему оценки результативности научной деятельности, возродить отраслевую науку и государственную систему научно-технической информации.

Ключевые слова: государственная политика, конверсия оборонной науки, научный потенциал, система научно-технической информации.

Abstract: the analysis of the current problems of Russia in the field of science is carried out and the strategic priorities of state policy in this area for the near future are determined. It is shown that such priorities should be the development of the country's scientific potential and its effective use to achieve Russia's national goals. At the same time, it is necessary to use the scientific potential of not only state, but also public scientific and educational organizations. An important task is the conver-

sion of the potential of defense science, especially the scientific schools of general designers of defense systems. It is also necessary to create a national system for evaluating the effectiveness of scientific activities, revive branch science and the state system of scientific and technical information.

Keywords: state policy, conversion of defense science, scientific potential, scientific and technical information system.

Актуальность проблемы

В настоящее время в мире сложилась принципиально новая геополитическая ситуация. Многие аналитики оценивают ее как переломный период в развитии мировой цивилизации, который будет иметь судьбоносные последствия для ее будущего. Катализатором для развития этой ситуации стала специальная военная операция России на Украине. Она вскрыла многие истинные причины того противостояния стран Востока и Запада, которое продолжается уже многие десятилетия и сегодня вышло на новый уровень открытого многоаспектного противоборства. Наиболее сильно оно проявляется в геополитической, финансово-экономической, информационной и гуманитарной сферах. Однако, нарастает и угроза вооруженного конфликта между Россией и странами НАТО в результате событий на Украине, в районах Калининграда, Приднестровья и Черного моря.

Все эти процессы происходят на фоне нарастания угроз глобального экологического кризиса и изменений климата, которые принимают планетарные масштабы и становятся реальной опасностью для будущего мировой цивилизации. В то же время, полученные в последние годы достижения научно-технологической революции создают принципиально новые возможности для решения многих глобальных проблем современности, однако, они требуют адекватного их понимания и формирования научного мировоззрения интеллектуальной элиты общества [6, 10].

В этих условиях роль науки в стратегии дальнейшего развития цивилизации становится определяющей. Настоящая работа имеет целью проведение анализа современной геополитической ситуации и определение стратегических приоритетов государственной политики России в сфере науки на ближайшую перспективу.

Отличительные геополитические особенности новой мировой войны

Современная геополитическая ситуация является очень напряженной. Уровень этой напряженности продолжает нарастать, по мере успешного развития специальной военной операции России на Украине. Она была начата 24 февраля 2022 г. и стала исключительно важным событием новейшей истории для России и всего мирового сообщества.

Как известно, основными целями этой операции являются защита населения Донецкой и Луганской народных республик, которое в течение восьми лет подвергалось геноциду со стороны националистов Украины, а также демилитаризация и денацификация самой Украины. Однако, уже первые месяцы этой

операции показали, что проблема является гораздо более широкой, так как она связана с необходимостью противодействия возрождению фашизма, который сегодня поднимает голову не только на Украине, но также и в других странах – в Прибалтике, Германии и Польше.

Последнее является особенно удивительным, ведь от гитлеровского фашизма в Польше во время Второй мировой войны погибло более 6 млн. человек. Но об этом сегодня в этой стране уже не вспоминают, а уровень русофобии в ней зашкаливает и принял характер государственной политики. При этом, повсеместно уничтожаются памятники советским воинам, освободившим эту страну от гитлеровских захватчиков. А Лех Валенса, который ранее был президентом Польши, в своем интервью французскому новостному телеканалу недавно заявил, что Россию необходимо расчленить и «уменьшить число жителей России до 50 миллионов человек». Разве это не откровенный фашизм, который вновь поднимает голову в центре Европы?

Современный мир находится в состоянии *новой мировой войны*, которая ведется странами Запада против России и имеет гибридный характер, так как противоборство сторон осуществляется одновременно в геополитической, экономической, информационной и военной сферах. Основными противниками в этой войне являются, с одной стороны, коалиция стран Запада, которую возглавляют США, а, с другой стороны, Россия и ее геополитические союзники. В первую очередь, это Белоруссия и Китай. Другие страны пока занимают выжидательную позицию и оказывают России, главным образом, моральную и политическую поддержку, предпочитая не вмешиваться в процессы военного и экономического противоборства основных противников.

При обсуждении военных аспектов современной геополитической ситуации, очень важным является вопрос о характере новой войны, включая квалификацию этой ситуации. Многие специалисты убеждены, что эту ситуацию следует рассматривать не как региональный вооруженный конфликт, а как *начало военной фазы новой мировой войны*, которую страны Запада уже давно ведут против России. Так, например, Президент Сербии Александр Вучич в своем недавнем выступлении назвал конфликт на Украине «мировой войной, которую Запад ведет с Россией при помощи украинских солдат». И с этим мнением трудно не согласиться.

Несмотря на то, что боевые действия сегодня идут лишь на территории Украины и Донецкой народной республики, масштабы этой войны выходят далеко за пределы регионального вооруженного конфликта. Ведь эта война является гибридной. Поэтому противоборство воюющих сторон осуществляется одновременно в различных сферах – геополитической, экономической, информационной, военно-технической и гуманитарной. При этом, сегодня на стороне Украины выступают около 30 стран, которые, в той или иной мере, оказывают ей финансово-экономическую и военно-техническую помощь, а также информационную и геополитическую поддержку.

Наибольший вклад здесь сегодня вносят США, которые уже приняли специальную программу поставки на Украину современного оружия и боепри-

пасов, обучают украинских военных специалистов и даже снабжают украинскую армию разведывательной информацией о действиях российских войск, которую они получают при помощи системы космического наблюдения территории Украины.

Великобритания также активно действует в этом направлении. Она не только поставляет на Украину военную технику, но уже обучила 20 тыс. украинских специалистов ее боевому применению. До конца 2022 г. планируется обучить еще 10 тыс. таких специалистов. Готовит их сегодня и Канада.

В то же время, на стороне России в военных действиях на Украине сегодня принимают участие лишь две страны – это Донецкая и Луганская народные республики, которые уже признаны некоторыми странами на дипломатическом уровне. Другие геополитические союзники России все еще занимают выжидательную позицию и не оказывают нашей стране военной и военно-технической помощи. По сообщениям средств массовой информации, даже добровольцы из Белоруссии участвуют в боевых действиях на стороне Украины. А в боевых порядках союзных вооруженных сил России, Донецкой и Луганской народных республик добровольцев из других стран сегодня вообще нет. Хотя, ранее сообщалось, что такие добровольцы имеются во многих странах, а их количество может составить порядка 15 тысяч, пока о формировании международного добровольческого корпуса еще ничего не слышно. И очень жаль, так как его создание и участие на стороне России в военных действиях на Украине имело бы большой резонанс в международном информационном пространстве. Всем стало бы понятным, что миссия России по борьбе с неонацизмом понята и поддерживается многими другими странами.

Таким образом, учитывая особую важность информационных аспектов современной геополитической обстановки, представляется необходимым и актуальным дать правильное определение происходящему сегодня глобальному и многоаспектному международному конфликту. Ведь, уже давно и хорошо известно, что адекватное название того или иного явления является необходимым условием адекватного понимания его сущности. А без этого и реакция общества на это явление не сможет быть адекватной его сущности. Не зря же один из основателей европейской методологии науки Рене Декарт говорил: «Определите значения слов, и вы избавите человечество от половины его заблуждений».

Не понимать этого сегодня очень опасно, так как адекватные меры необходимо принимать безотлагательно. В критических ситуациях нужно действовать быстро.

Научные проблемы современной геополитики

Рассмотрим теперь научные аспекты современной геополитики. Нам представляется, что на первый план здесь должны быть выдвинуты проблемы новейшей истории, связанные с адекватным пониманием и оценкой причин и последствий Второй мировой войны, роли в ней гитлеровского фашизма и японского милитаризма, а также противоречивой и непоследовательной поли-

тики США и Великобритании в отношениях с Советским Союзом. Исключительно важные секретные документы, которые свидетельствуют о том, что стратегия холодной войны против нашей страны сформировалась Западом еще в период 1945–1950 годов, опубликованы в монографии профессора И. М. Ильинского «Главный противник» [4]. В ней показано, что таким противником для России была и остается сегодня коалиция стран Запада, которую возглавляют США. Эти документы необходимо знать для того, чтобы не было иллюзий в вопросах дальнейшей государственной политики взаимодействия России с этими странами.

Главный вывод, который делают современные аналитики из анализа процессов новейшей истории, состоит в том, что фашизм еще окончательно не побежден. Он вновь возрождается в тех же странах, где получил свое развитие в XX веке, и вновь вынашивает свои планы военной агрессии против России и других стран мира. Так, например, главные агрессоры Второй мировой войны – Германия и Япония – уже открыто объявили о планах своей новой милитаризации. При этом Канцлер Германии Олаф Шольц заявил, что, в связи с агрессией России на Украине, Германия снимает с себя ответственность за прошлые военные преступления и приступает к формированию собственной армии, которая станет самой мощной в Европе. А Япония прекратила переговоры с Россией о заключении мирного договора и также начала укреплять свои вооруженные силы.

Таким образом, проблема противодействия фальсификации истории Второй мировой войны становится в настоящее время одной из наиболее актуальных проблем исторической науки, которая должна получить высокий приоритет в государственной политике нашей страны не только в области научных исследований, но и в сфере культуры и искусства, а также в работе средств массовой информации.

Многое здесь сегодня нами упущено. Ведь эта фальсификация началась давно, и она настойчиво продолжается уже не одно десятилетие. Автору настоящей работы довелось убедиться в этом лично во время своей научной командировки во Францию в начале 90-х годов минувшего века. Тогда, по предложению военного атташе нашего посольства во Франции, я посетил военный музей в Нормандии, на месте высадки десанта Вооруженных Сил США, Великобритании и Канады в 1944 году, в период открытия «Второго фронта».

Этот музей создан американцами и представляет собой огромный купол, в котором выставлены многочисленные образцы военной техники Второй мировой войны: танки, самолеты, артиллерийские орудия. Кроме того, на многочисленных телеэкранах демонстрируются сцены высадки десанта. В кинозале музея, сразу на двух экранах, можно просмотреть документальный фильм о боевых действиях десанта и частей вермахта.

Я долго искал в этом музее информацию о боевых действиях Советской Армии. Оказалось, что для этого выделена всего одна комната площадью порядка 12 квадратных метров. В ней на стене были вывешены два известных в нашей стране военных плаката: «Родина-мать зовет!» и «Отстоим город Лени-

на!»). Кроме того, была представлена небольшая карта военных действий на территории Германии в 1945 году. На ней было показано, что их вели в этот период 240 дивизий Советской Армии, а страны Запада, включая Канаду, имели всего 44 дивизии. Тем не менее, современные граждане этих стран сегодня убеждены, что победу над фашистской Германией одержали именно они, а не Советский Союз, который также участвовал в этой войне, но в качестве помощника стран Запада.

Точно так же, молодые люди в современной Японии уверены, что атомные бомбы на их города Хиросиму и Нагасаки сбросили советские, а не американские бомбардировщики. Ведь США теперь являются не только геополитическими, но и военными союзниками Японии и уже давно имеют в этой стране одну из самых крупных военных баз.

Однако, наибольшие усилия в области фальсификации истории Второй мировой войны в последние десятилетия прилагались на Украине, в Польше, а также в странах Балтики, которые ранее входили в состав Советского Союза. В школьных учебниках этих стран данный период новейшей истории описан как российская оккупация, а пособничество гитлеровскому фашизму представлено как участие в войне за освобождение от этой оккупации и борьба за национальный суверенитет.

И эти усилия дали свои плоды – в этих странах выросло целое поколение молодых людей, которые не знают истинной истории своей Родины и глубоко убеждены, что Россия является ее врагом, так как именно она повинна во многих проблемах и сложностях национального развития этих стран. В последние годы аналогичные тенденции стали проявляться и в Казахстане, с которым Россию связывают узы многолетнего экономического и научно-технического сотрудничества. Сегодня там поднимается новая волна национализма и русофобии, которая не получает необходимого противодействия.

Все это свидетельствует о том, что роль исторической науки в решении геополитических проблем в последние годы в нашей стране явно недооценивалась. В современных геополитических условиях это недопустимо, и ситуацию в этой области нужно изменить самым решительным образом. Ведь научные знания сегодня необходимы не только для формирования адекватного мировоззрения, но это также и весьма эффективное оружие в информационной борьбе против фальсификации новейшей истории.

Наука и технологии в военном деле

В последние годы наука и технологии приобретают все большую значимость и в военном деле. Современная война, включая ее подготовку и характер ведения боевых действий, коренным образом отличается от того, какими они были ранее. Если в Первой мировой войне использовались, главным образом, сухопутные войска и стрелковое оружие, то уже Вторую мировую войну, вполне справедливо, называли «войной моторов», так как в ней широко применялись танки, бомбардировочная и истребительная авиация, а также боевые корабли и подводные лодки.

В современной войне основную роль играют высокоточное оружие, беспилотные авиационные системы различного назначения, а также артиллерийские и ракетные установки ближней и средней дальности, использующие средства целеуказания авиационного или космического базирования. Такие средства имеются на вооружении российской армии и весьма эффективно применяются в боевых действиях на Украине. Мало того, в ближайшие годы ожидается создание новых средств высокоточного оружия, которое по своей боевой эффективности будет сопоставимо с тактическим ядерным оружием.

Так, например, появилась информация о том, что для новой российской баллистической ракеты стратегического назначения «Сармат», которая поступит на вооружение Российской армии уже в 2022 году, разработана неядерная боевая часть большой мощности, способная поражать хорошо укрепленные опорные пункты противника. Эта боеголовка, весом порядка 9 тонн, представляет собой заряд барристического действия, при взрыве которого создается температура порядка 3 тыс. градусов. При такой температуре сгорают даже металлические конструкции военных объектов.

Появление такого оружия качественно изменяет военный потенциал России, которая получает возможность обеспечить свою национальную безопасность посредством проведения политики «неядерного сдерживания» своих противников.

Этому способствует также и созданный в нашей стране гиперзвуковой комплекс «Кинжал», который уже принят на вооружение и обладает уникальными боевыми возможностями. Он создавался в качестве системы для уничтожения военных кораблей противника. Одной такой ракеты достаточно для того, чтобы потопить эсминец, а четыре ракеты уничтожают авианосец с вероятностью 98%. Однако, первое боевое применение этого комплекса на Украине показало, что он способен поражать также и подземные военные объекты на глубине до 60 м. При этом, защититься от этого оружия практически невозможно, так как ракета пикирует на цель с высоты порядка 14 км с такой скоростью, что средства ПВО просто не успевают на нее среагировать.

Тот факт, что Россия уже имеет такое новое неядерное оружие, а у наших противников его пока нет, надежно гарантирует безопасность нашей страны на ближайшие годы.

В настоящее время Россия является мировым лидером в области создания и использования военных средств *радиоэлектронного противодействия*, которые способны подавлять работу систем управления военной авиации и беспилотных летательных аппаратов противника. Эти средства уже успешно используются на Украине и показали высокую эффективность.

При этом, работа по созданию новых видов вооружений, как в нашей стране, так и в других странах, продолжается. Так, например, появились публикации, свидетельствующие о возможности создания различных видов оружия на новых физических принципах. В первую очередь, здесь нужно отметить исследования в области разработки боевых оптических и гравитационных лазеров космического базирования. Создание таких средств может радикальным обра-

зом изменить существующий паритет в области стратегических вооружений, что приведет к повышению рисков новой мировой войны.

Многие экономически развитые страны (США, Китай, Великобритания и Россия) сегодня активно ведут исследования и разработки в области искусственного интеллекта, которые обязательно найдут свое применение и в военном деле. Все это свидетельствует о необходимости повышения эффективности развития в России фундаментальной и прикладной науки, а также обеспечения соответствующей ориентации системы высшего инженерного и военного образования. К сожалению, изменения здесь происходят слишком медленной, и это одна из актуальных проблем государственной политики России в сфере науки и образования.

Научные аспекты государственной политики в области энергетики, экологии и проблем изменения климата

Перечисленные выше проблемы являются взаимосвязанными, и поэтому они требуют для своего практического решения междисциплинарного комплексного подхода. Современный мир переживает кризис углеводородной энергетики. Эта проблема является настолько острой, что активно обсуждается не только на научных конференциях, но также и занимает значительное место в программах телевизионных передач и в публикациях средств массовой информации.

Суть проблемы состоит в необходимости отказа от широкого использования углеводородных энергоносителей, которое негативно влияет на среду обитания человека и содействует потеплению климата, что чревато глобальными бедствиями. В настоящее время человечество еще не готово перейти на альтернативные источники энергии, хотя исследования и разработки в этой области в последние годы ведутся во многих странах и являются важной частью их государственной политики своего развития. Лидером здесь является Западная Европа, где уже выполнен ряд крупных национальных и международных энергетических программ.

В долгосрочной перспективе эта энергетическая стратегия является правильной. Но сегодня еще не создано необходимых технологий для хранения больших запасов энергии, а также высокоэффективных способов ее генерации в местах потребления, что приводит к потерям при передаче энергии от мест генерации к удаленным пользователям. Однако, ситуация в этой области может радикально измениться уже в ближайшие годы. Так, например, появилась информация о том, что создана экспериментальная установка, которая позволяет получать энергию в любой точке нашей планеты без использования углеводородов. Генератором энергии в ней служит воздушно-водяная смесь, которая вращается с гиперзвуковой скоростью. При этом, источником энергии является окружающее установку пространство [1].

Это может показаться фантастикой, так как КПД установки превышает 600%, что противоречит известным законам физики. Но ведь эта установка работает, а ее изобретение защищено международным патентом, который полу-

чил российский ученый Ю. М. Бычков. Доклад об этом достижении и перспективах его использования в мировой энергетике был сделан в 2021 г. в России на научной конференции в Московском государственном строительном университете.

В настоящее время доктор технических наук, профессор Ю. М. Бычков работает в Германии, которая является мировым лидером разработок в области создания альтернативных источников энергии. Можно себе представить, что произойдет в этой области, когда открытый Ю.М. Бычковым принцип генерации энергии начнет широко использоваться в Германии, Западной Европе и, конечно же, в Китае. Тогда все современные нефтепроводы и газопроводы огромной протяженности будут просто не нужны. А их владельцы обанкротятся, так как перестанут получать деньги, которые должны окупить затраты на их создание и эксплуатацию.

Этот пример показывает, какую огромную роль имеет фундаментальная наука в настоящий период развития технологической революции. Здесь можно ожидать самых неожиданных и достаточно быстрых перемен, которые могут стать судьбоносными для всего мира. Своевременное прогнозирование таких перемен и должна обеспечить фундаментальная наука России.

Актуальные проблемы развития информационной науки

В последние годы в процессах жизнедеятельности общества все большее место занимает информационная сфера. Это является результатом развития современной глобальной информационно-технологической революции, которая создает для человека и общества принципиально новые возможности, а также новые проблемы, вызовы и угрозы [12]. Их изучение требует перехода на качественно новый, более высокий уровень фундаментальных и системных исследований, а также формирования целостной системы информационного образования. Концепция такой системы разработана в Институте проблем информатики ФИЦ ИУ РАН и уже опубликована в научной печати [11].

В этой Концепции показано, что приоритетными направлениями исследований информационной направленности на ближайший период должны стать следующие:

1. Исследования в области *философии информации*, направленные на изучение закономерностей проявления феномена информации в живой и неживой природе, в обществе, а также в сознании и организме человека [13]. В настоящее время Россия является мировым лидером таких исследований, а их результаты признаны мировым сообществом и практически используются в науке и образования России и других стран, например, в Китае [14]. Основная задача государственной политики России состоит в том, чтобы содействовать развитию этих исследований и более широко внедрять их результаты в систему образования нашей страны и других стран.

2. Системные исследования *процессов глобальной информатизации*, связанных с ними проблем цифровой трансформации общества и возникающих при этом новых возможностей, вызовов и угроз для человека и общества. Осо-

бую значимость здесь представляют исследования проблемы информационной безопасности, которая сегодня приобретает новое содержание и поэтому требует комплексного междисциплинарного подхода [9]. Результаты этих исследований крайне необходимы не только для специалистов информационного профиля, но также и для государственных деятелей, политических лидеров, преподавателей и научных работников образовательных учреждений, руководителей и специалистов промышленности, бизнеса и финансовых структур.

3. Исследования информационных аспектов природы человека и закономерностей проявления этих аспектов на физиологическом, психологическом и социальном уровне. Результаты этих исследований должны стать научной базой для решения многих прикладных и социально значимых проблем обеспечения жизнедеятельности человека. В первую очередь здесь нужно назвать проблемы медицины, экологии и обеспечения социально-психологической стабильности общества. Российская наука имеет здесь достаточно серьезный научно-методологический задел, который необходимо развивать и более эффективно использовать [7, 8].

В работе [11] показано, что совокупность уже имеющихся в нашей стране результатов информационных исследований открывает возможность для формирования достаточно целостной системы информационного образования, которая необходима для обеспечения эффективной и безопасной жизнедеятельности в глобальном информационном обществе. Структура предметной области этой системы представлена ниже в таблице 1.

Исследования глобальных проблем и их стратегическая значимость

Мировая цивилизация переживает системный кризис, обусловленный новыми вызовами и угрозами XXI века, а также современной парадигмой развития общества, которая уже не отвечает новым условиям его жизнедеятельности [5, 23]. Поэтому исследования глобальных проблем приобретают особую значимость не только для России, но и для всего мирового сообщества. В настоящее время Россия лидирует в области проведения таких исследований, а основным центром их организации является Факультет глобальных исследований МГУ имени М. В. Ломоносова.

За десять лет существования этого факультета, его ученым удалось сформировать новое научное направление исследований, которое получило название *глобалистики* [3]. Факультет стал центром консолидации российских и зарубежных ученых, работающих в данной области. Он регулярно проводит по этой проблематике крупные международные конгрессы, в которых участвуют более тысячи специалистов из различных стран мира, издает научный журнал «Мир глобализации», публикует научные монографии, а также статьи в российских и зарубежных журналах.

Структура предметной области системы информационного образования

Тематические разделы	Основные проблемы для изучения
Философия информации	Философская сущность информации. Информация в структуре реальности. Информационные законы глобальной эволюции. Информационная парадигма научного познания
Информатизация общества	История, состояние и тенденции глобальной информатизации. Информатизация общества как цивилизационный процесс. Особенности процесса информатизации в России
Информационные ресурсы общества	Основы теории информационных ресурсов. Мировые информационные ресурсы. Электронные библиотеки и архивы. Информационные ресурсы России. Образовательные информационные ресурсы
Информационный потенциал общества	Современная информационная инфраструктура. Средства информатизации. ИКТ-технологии. Суперкомпьютерные технологии. Средства и методы искусственного интеллекта. Интеграция технологий
Информационное общество	Концепция информационного общества. Окинавская Хартия. Новая структура общественного производства. Цифровая экономика. Электронное правительство и государство. Социальная эффективность информатизации. Информационная и кибербезопасность
Человек в информационном обществе	Новая структура занятости и новые информационные профессии. Проблема информационного неравенства. Интеллектуальная и когнитивная безопасность. Информационные болезни. Информационная культура личности и общества. Информационная экология
Становление информационной цивилизации	Концепция информационной цивилизации. Гибридное общество. Проблема сингулярности. Концепция трансгуманизма и ее социальные и гуманитарные последствия.

Мало того, в 2013 г., по инициативе российских ученых, была создана новая общественная научная организация – Международная академия глобальных исследований, Президентом которой был избран ректор МГУ академик РАН В. А. Садовничий.

Задача государственной научной и образовательной политики России в данной области сегодня состоит в том, чтобы сформировать новую общеобразовательную дисциплину «Глобалистика» и обеспечить ее изучение в системе высшего образования.

Кроме того, государство должно также содействовать созданию в российских университетах исследовательских и научно-образовательных центров изучения глобальных проблем. Один из них – *Центр стратегических гуманитарных исследований*, по инициативе автора настоящей работы, в 2020 г. создан в Московском гуманитарном университете. Другой центр – Аналитический центр стратегических исследований «СОК ОЛ» – создан в России в 2013 году и является независимой научной организацией. Он издает научно-аналитические журналы «Стратегические приоритеты» и «Военно-стратегический анализ», серию брошюр «Аналитические материалы», а также готовит и публикует научные монографии и статьи в научно-аналитических журналах России и других стран [15, 17, 21].

Наука о развитии цивилизаций и ее роль в решении проблем глобальной безопасности

Адекватное понимание общих закономерностей развития мировой цивилизации сегодня является необходимым условием оптимального выбора стратегии ее дальнейшего безопасного развития, а также для решения многих других проблем, обусловленных современным противостоянием культур Востока и Запада. Российская научная школа теории развития цивилизаций и изучения процессов их эволюции и взаимодействия занимает сегодня лидирующее положение в мировой науке и признана как в странах Востока, так и в странах Запада.

Центром компетенций в этой области является Международный институт Питирима Сорокина-Николая Кондратьева, Президентом которого является академик РАН доктор экономических наук, профессор Ю. В. Яковец. Этот Институт издает научный журнал «Партнерство цивилизаций», публикует научные монографии, а также учебные пособия по проблематике цивилизационного образования и регулярно проводит научные форумы и междисциплинарные дискуссии по актуальным проблемам развития, диалога и партнерства цивилизаций. Их главной целью является содействие развитию диалога и партнерства цивилизаций, как идеологической и научной основы их мирного сосуществования и сотрудничества в интересах решения общих глобальных проблем.

В 2013 г., по инициативе Президента этого Института Ю. В. Яковца, на его базе создана новая общественная научная организация «Ялтинский цивилизационный клуб». Ее основной целью является проведение системных исследований проблемы формирования партнерства цивилизаций в интересах обеспе-

чения глобальной безопасности. По этой проблематике издана серия коллективных монографий, в подготовке которых приняли участие многие ведущие российские ученые [18, 20, 22].

Хотелось бы особо отметить, что одна из первых коллективных монографий была посвящена перспективам развития БРИКС, этой новой организации международного сотрудничества, значение которой в последние годы сильно возрастает.

Большую помощь деятельности этого Клуба оказывают видные ученые и государственные деятели России. В их числе – Министр иностранных дел В. Лавров, ректор МГУ академик В. А. Садовничий, директор Института экономических стратегий А. И. Агеев и другие. Однако, нам представляется, что сегодня этого явно недостаточно для полноценного развития многоаспектных цивилизационных исследований. Такие исследования, учитывая их особую актуальность и стратегическую значимость, должны получить долгосрочную финансовую поддержку из средств государственных и международных фондов.

Проблема конверсии потенциала оборонной науки

В современных геополитических условиях проблема конверсии потенциала оборонной науки является для России особенно актуальной и стратегически значимой. Поэтому она должна рассматриваться как одно из наиболее приоритетных направлений государственной политики в сфере науки. В нашей стране этот потенциал сосредоточен, главным образом, в научных институтах Министерства Обороны РФ, в военных академиях и университетах, в высших военных училищах, а также в научно-исследовательских институтах оборонной промышленности.

О том, что этот потенциал достаточно высок и находится на современном мировом уровне, а в некоторых направлениях даже и превышает его, убедительно свидетельствуют наши успехи в создании целого комплекса новых видов вооружений и средств управления их применением. Эффективность этих средств доказана результатами военных действий в Сирии и на Украине, которые свидетельствуют о том, что их создание – это правильная и научно обоснованная стратегия обеспечения национальной безопасности России. Поэтому в ближайшие годы реализация этой стратегии будет продолжаться, и это позволит надежно гарантировать оборонную безопасность нашей страны при относительно низком уровне затрат на развитие ее оборонной сферы.

Проблема конверсии потенциала оборонной науки состоит в том, чтобы создать и эффективно использовать механизмы трансфера научно-технологических достижений оборонной науки в гражданскую сферу нашего общества для развития науки, технологий, промышленности и образования. С этой целью представляется целесообразным использовать опыт решения этой проблемы в СССР, а также в Китае, США и Великобритании. При этом очень важно повысить эффективность деятельности научных школ Генеральных конструкторов сложных оборонных систем. Автор настоящей статьи на личном опыте убедился в том, насколько это может оказаться значимым.

В период 1959–1989 гг. мне довелось принимать участие в создании двух крупных территориальных систем управления оборонного назначения. Одна из них обеспечила защиту воздушного пространства нашей страны и предотвратила ее массированную ядерную бомбардировку, которая планировалась США в период 60-х годов прошлого века.

Это удалось сделать в результате создания автоматизированной системы управления войсками ПВО страны, которая обеспечивала эффективное централизованное управление зенитными ракетными комплексами и истребительной авиацией и гарантировала уничтожение вражеских бомбардировщиков на дальних подступах к их боевым целям.

Эта система была создана в сжатые сроки именно потому, что для этого был использован потенциал оборонной науки. По решению Правительства СССР, для разработки и испытаний этой системы, к головному институту оборонной промышленности были прикомандированы 300 офицеров их военных инженерных академий страны, которые имели хорошую инженерную и научную подготовку. Достаточно указать, что в составе отдела разработки алгоритмов АСУ ПВО, где я работал, было 36 офицеров, из которых 11 имели ученые степени. При этом три специалиста имели степень доктора наук.

Это была научная школа Генерального конструктора АСУ ПВО страны Анатолия Леонидовича Лившица, деятельность которой позволила не только создать систему боевого управления войсками ПВО, но также и разработать теорию и методологию проектирования сложных автоматизированных систем, работающих в реальном масштабе времени [16, 19].

Создание крупных систем управления оборонного назначения представляет собой сложную проблему, в которой важны не только научные и технологические, но также и организационно-методологические аспекты. Это достаточно подробно показано в монографии доктора технических наук, профессора А. А. Зацаринного [2], которая посвящена истории создания систем связи и передачи данных военного назначения.

К сожалению, таких монографий сейчас очень мало, хотя это сегодня так необходимо для повышения качества инженерного и военного образования, а также повышения квалификации руководителей крупных государственных программ и проектов. Отечественный опыт успешной реализации крупных оборонных проектов сегодня вновь востребован, и поэтому он должен быть эффективно использован. С этой целью необходимо возродить отечественную практику создания в ведущих университетах страны Базовых кафедр, возглавляемых главными конструкторами сложных оборонных систем. Это позволит готовить необходимых специалистов современного уровня не только для военно-промышленного комплекса страны, но также и для других отраслей промышленности, в которых сего используются высокие технологии.

Заключение

В настоящее время наша страна переживает один из критически важных и опасных периодов своего развития. Развязанная против нее гибридная война со

стороны коллективного Запада имеет своей целью уничтожение России не только как геополитического и экономического конкурента, но и как суверенного государства. Экономические, политические и технологические санкции, а также настойчивые попытки вытеснения России из сферы международного научного сотрудничества, не оставляют нам другого выбора, кроме опоры на собственные интеллектуальные ресурсы. В этих условиях роль науки и технологий для обеспечения благосостояния населения нашей страны и ее национальной безопасности становится определяющей.

Сегодня России нужна новая государственная политика в научной сфере. Она должна быть направлена на сохранение, развитие и эффективное использование всего научного потенциала нашей страны, который имеется как в государственных, так и в общественных научных и образовательных структурах. Эта политика должна иметь характер комплексной мобилизационной стратегии, которую следует безотлагательно разработать и реализовать в течение ближайшего десятилетия под строгим контролем. При этом, финансовые вложения в сферу фундаментальной и прикладной науки должны быть адекватными поставленным целям, а кадровые перемены – достаточно быстрыми и радикальными.

Для перехода к такой стратегии необходимо осуществить следующие первоочередные мероприятия:

1. Разработать и принять Федеральный закон о научно-технологическом развитии России, в котором должно быть предусмотрено:

– существенное повышение социального статуса научных работников и обеспечение их деятельности на приоритетных направлениях развития и обороны страны;

– создание механизмов конверсии потенциала оборонной науки, сосредоточенного в военных исследовательских и образовательных учреждениях, а также на предприятиях оборонного комплекса;

– создание национальной системы оценки результативности научной деятельности научных и образовательных учреждений, а также отдельных ученых, которая должна стать важным инструментом государственного управления наукой;

- восстановление научного статуса Российской академии наук и возвращение ей государственных академических институтов и научных центров.

2. Создать Министерство науки и технологий РФ, основной задачей которого должно стать возрождение отраслевой науки, которая сегодня приобретает особую важность для обеспечения национальной безопасности.

3. Осуществить мобилизацию интеллектуального потенциала негосударственных научных организаций страны, включая общественные академии наук, которые должны получить государственные заказы и необходимую финансовую и правовую поддержку.

4. Создать в России новую систему информационного образования, содержание которого должно иметь опережающий характер и быть адекватным современным тенденциям становления информационной цивилизации.

5. Разработать и реализовать комплексную программу международного научного сотрудничества с теми странами, которые являются геополитическими союзниками России. Она должна предусматривать создание в этих странах научных, аналитических и образовательных центров, ориентированных на развитие приоритетных направлений науки.

6. Возродить государственную систему научно-технической информации, а также разработать программу поддержки издания научных и научно-образовательных журналов, которые необходимы для повышения общего уровня интеллектуального развития общества.

7. Радикальным образом изменить ситуацию в медиапространстве нашей страны для его ориентации на популяризацию передовых достижений науки и технологий, а также деятельности ведущих ученых России.

Нам представляется, что осуществление перечисленных мероприятий позволит преодолеть современную критическую ситуацию в отечественной науке и станет важным шагом на пути укрепления национальной безопасности России.

Список литературы

1. Бычков Ю. М. Инновационная ветроэнергетическая технология iWET // Вестник энергетики. 2019. № 25. С. 63–70.

2. Зацаринный А. А. Система обмена данными: люди, события, факты. М. : ТОРУС ПРЕСС, 2021. 516 с.

3. Ильин И. В., Урсул А. Д., Урсул Т. А. Глобальный эволюционизм: Идеи, проблемы, гипотезы. М.: Изд-во МГУ, 2012. 616 с.

4. Ильинский И. М. Главный противник. М.: МосГУ, 2006. 451 с.

5. Колин К. К. Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке. // Стратегические приоритеты. 2014. № 1. С. 6–30.

6. Колин К. К. Интеллектуальная безопасность – новая глобальная проблема XXI века // Стратегические приоритеты. 2019. № 3–4. С. 99–111.

7. Колин К. К. Информатизация общества и глобализация. Красноярск. СФУ. 2011. 52 с.

8. Колин К. К. Информационная антропология: поколение NХТ и угроза психологического расслоения человечества в информационном обществе // Вестник Челябинской академии культуры и искусств. 2011. № 4. С. 32–36.

9. Колин К. К. Информационная безопасность: новое содержание комплексной проблемы // Стратегические приоритеты. 2020. № 3–4. С. 55–62.

10. Колин К. К. Качество интеллектуальной элиты как проблема национальной безопасности России. // Ученый совет, 2022, № 3. С. 231–239.

11. Колин К. К. О проблеме формирования системы информационного образования в России в условиях цифровой трансформации общества. // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 2. С. 29–48.

12. Колин К. К. Проблемы информационной цивилизации: виртуализация общества. // Библиотековедение, 2002, № 3. С. 48–57.

13. Колин К. К. Философия информации и проблема формирования современного научного мировоззрения // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2013. № 1. С. 73–76.
14. Колин К. К. Философские проблемы информатики. М. : БИНОМ. 2010. 264 с.
15. Колин К. К., Кошкин Р. П., Кондрашов В. В., Когатько Д. Г., Луценко Л. М. Основы гуманитарного знания. Учебное пособие. Часть 2. М. : Изд-во «Стратегические приоритеты». 2017. 380 с
16. Колин К. К., Липаев В. В. Проектирование алгоритмов управляющих ЦВМ. М. : Советское радио, 1972. 344 с.
17. Колин К. К., Урсул А. Д. Информация и культура. Введение в информационную культурологию. М.: Стратегические приоритеты. 2015. 300 с.
18. Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Том 6. Перспективы становления интегральной цивилизации. М. : ИНЭС, 2010. 576 с.
19. Липаев В. В., Колин К. К., Серебровский Л. А. Математическое обеспечение управляющих ЦВМ. М. : Советское радио, 1972. 528 с.
20. Теория и стратегия становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций (Ялтинского мира – 2). В 2-х томах. М. : МИСК-ИНЭС. 2020.
21. Яковец Ю. В. Колин К. К. Стратегия научно-технологического прорыва России. М.: 2015. Сер. Аналитические материалы. Вып. 7. 51 с.
22. Яковец Ю. В. Новая парадигма теории, истории и будущего мира цивилизаций. Фундаментальная монография. М. : МИСК-ИНЭС, 2021. 564 с.
23. Weizaecker E., Wijkman A. Came On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. – Springer, 2018/ 220 p.

**Становление и развитие юридической науки
и высшего образования в Сибири**

**Establishment and development of legal science
and higher legal education in Siberia**

Ящук Татьяна Федоровна

*доктор юридических наук, профессор
заведующая кафедрой теории и истории государства и права
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
г. Омск, Россия
yashukomsu@mail.ru*

Yashchuk Tatyana Fedorovna

*Ph.D (Advanced Doctorate) in Law,
Head, Department of Theory and History of Law and State
Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russia
yashukomsu@mail.ru*

Аннотация: в статье рассматривается эволюция высшего юридического образования в Сибири. Выделены отдельные этапы данного процесса. Отмечены особенности и результаты каждого этапа. Установлена дискретность развития юридической науки и высшего образования в Сибири.

Формирование юридической науки и высшего юридического образования в Сибири происходило позднее, чем в европейской части Российской империи. Центрами юридической науки и образования выступали университеты. В конце XIX в. открыт юридический факультет Томского университета. Широко развиваться юридическое образование в Сибири стало во второй половине XX в. В большинстве крупных городов Сибири были открыты университеты с юридическими факультетами. Юридическая наука концентрировалась в университетах. Увеличилось число ученых, готовились молодые кадры, выделялись научные направления. Проблемой являлось отсутствие в Сибири научных учреждений юридического профиля.

Ключевые слова: история государства, история образования, юридические вузы, юридическое образование, юридическая наука, юридическое образование в Сибири, юридическая наука в Сибири.

Abstract: the article discusses the evolution of legal science and higher legal education in Siberia. The separate stages of this process are highlighted. The features and results of each stage are noted. The discreteness of the development of legal science and education in Siberia has been established.

The formation of legal science and higher legal education in Siberia took place later than in the European part of the Russian Empire. Universities acted as centers of legal science and education. At the end of the XIX century Faculty of Law of Tomsk University was opened. Legal education in Siberia began to develop widely in the second half of the 20th century. Universities with law faculties were opened in most large cities of Siberia. Legal science was concentrated in universities. The number of scientists increased, young cadres were trained, scientific directions were distinguished. The problem was the lack of legal scientific institutions in Siberia.

Keywords: state history, educational history, law schools, legal education, legal science, legal education in Siberia, legal science in Siberia.

Возникновение юридической науки и высшего юридического образования в Сибири относится к более позднему времени, чем в европейской части Российской империи. Выделение юридической научной и образовательной сферы также запаздывало по сравнению с другими отраслями. Первые научные изыскания в Сибири касались изучения ее природных богатств, обоснования возможностей и условий освоения. Такому подходу соответствовали и организационные решения. В 1877 г. был учрежден Западно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества (ЗСОИРГО) с центром в г. Омске. В его задачи входило изучение Западной Сибири и сопредельных с нею регионов Средней Азии и Западного Китая. С позиций современных классификаций наук проводимые исследования относятся к географии, геологии, истории, этнографии, статистики, археологии.

В начале XIX в. состоялось включение Сибири в университетское пространство. По указу императора Александра I от 24 января 1802 г. «Об учреждении учебных округов» создавался Казанский учебный округ, хотя собственно Казанский университет был основан в 1804 г. В состав округа вошла огромная территория, включившая всю восточную часть страны. В Казанском университете, как это было принято в период Российской империи, был открыт юридический факультет, который долго испытывал недостаток квалифицированных преподавательских кадров, имел небольшое число студентов, что в совокупности препятствовало научной активности, о чем пишут сами исследователи университетской истории [5, с.11].

Не вполне очевидна роль университета в подготовке юридических кадров для Сибири, можно предположить, что она не могла быть существенной. По данным на 1846 г. на юридическом факультете училось всего 57 студентов, устойчивый рост контингента наметился только в пореформенный период: к концу 1860-х гг. на факультете числилось 224 студента [15, с.18].

Практически сразу после развернувшегося на территории России учреждения университетов просвещенной общественностью Сибири и местными управленцами неоднократно поднимался и дебатировался вопрос о необходимости открытия «настоящего» сибирского университета. Иркутский историк В.Н. Казарин пишет, что с таким ходатайством в центральные органы обращал-

ся генерал-губернатор Западной Сибири П. М. Капцевич, идею активно поддерживал известный сибирский публицист и просветитель А. П. Шапов [7].

В качестве резиденции для размещения университета предлагались города Омск, Красноярск, Иркутск, но в итоге местом дислокации учрежденного в 1878 г. университета был выбран г. Томск. Занятия в университете начались только через 10 лет на единственном медицинском факультете. В 1891 г. Томский университет посетил, возвращаясь из поездки в Японию, Великий князь Николай Александрович. Прием, устроенный наследнику русского престола, прошел очень торжественно. Еще при подъезде цесаревич был встречен делегацией профессоров университета во главе с ректором В. Н. Великим и попечителем Западно-Сибирского учебного округа В. М. Флоринским. Мероприятия продолжились в самом университете. Как отмечалось, ректор В. Н. Великий «поднес Его Высочеству в изящном футляре диплом на звание почетного члена Императорского Томского университета» [11, с.48]. Можно считать, что император Николай II способствовал открытию юридического факультета. «В 1896 г. он распорядился предоставить Томскому университету из царских библиотек Зимнего и Аничкова дворцов весьма ценные книги, в т. ч. «Bibliogum Codex Sinaiticus». 23 октября 1897 г. Государственный Совет рассмотрел представление министра народного просвещения о проекте штатов юридического факультета, который 29 декабря того же года утвердил Николай II» [11, с.50]. В 1898 г., то есть через 20 лет после учреждения Томского университета и через 10 лет после начала работы медицинского факультета был открыт юридический факультет, что ознаменовало появление высшего юридического образования в Сибири. Даже с сегодняшних позиций темпы развития сибирского университета не кажутся слишком медленными, а применительно к реалиям конца XIX в. выглядят вполне обоснованными. Следует учитывать, что открытие юридического факультета было синхронизировано с распространением на территорию Сибири действия Судебных уставов, принятых в 1864 г., что резко повышало потребность в квалифицированных юридических кадрах.

Для полноценного и профессионального обучения будущих юристов требовалось укомплектовать штаты достойными профессорами и доцентами. С целью их привлечения и закрепления устанавливалось повышенное жалование, «по сравнению со своими коллегами, работавшими в университетах Европейской России – экстраординарные профессора имели оклад в 3000 руб., а ординарные в 4500 руб. в год» [12, с.18]. Несмотря на такие меры поддержки ряд кафедр длительное время оставались вакантными. Собственная заметная традиция воспроизводства научных кадров, когда талантливые выпускники оставались на кафедрах для подготовки к профессорскому званию, сложиться просто не успела. Отмечается, что факультет практически не работал в течение полутора лет в период первой русской революции, а последовавшие вскоре революционные события 1917 г. кардинальным образом повлияли на судьбу отечественного юридического науки и высшего образования.

Юридические факультеты университетов подлежали закрытию, а на их базе согласно постановлению народного комиссариата просвещения от 3 марта

1919 г. создавались факультеты общественных наук (ФОНы). По декрету СНК от 4 марта 1921 г. «О плане организации факультетов общественных наук российских университетов» ликвидировались также исторические и филологические факультеты университетов, обучающиеся на них студенты переводились на ФОНы.

Юридическому факультету Томского университета удалось проработать несколько дольше. В последние годы состав профессуры пополнился несколькими известными учеными, которые переехали из других российских университетов. Реорганизация факультета началась после восстановления советской власти в Сибири, а непосредственно ФОН создан в апреле 1920 г. [12, с.65]. В Томском университете даже в неблагоприятных условиях «фоновского» периода на юрико-политическом отделении старались сохранить и преподавать фундаментальные правовые дисциплины. В учебном плане на 1920/21 учебный год значатся политэкономия, введение в социологию, общая теория и история права, логика, история Рима, спецкурс по истории Сибири и практические занятия по истории Византии. Среди специальных дисциплин указаны государственное устройство, наука о внутреннем управлении, судебная медицина, частное право, история русского права, история русской философии, наука о преступлении и наказании, история права новых (европейских) народов, история германского права, судебное право, судебная психопатология, экспериментальная психология, история социально-политических учений [12, с.67–68]. Это оказался последний год обучения, который в некоторой степени основывался на дореволюционной образовательной традиции подготовки юридических кадров.

Сокращение сегмента высшего юридического образования продолжил Декрет СНК от 4 марта 1921 г. «О плане организации факультетов общественных наук российских университетов», согласно которому обучение юристов оставалось только в нескольких университетах. ФОН Томского университета был закрыт 26 июля 1922 г.

В итоге высшее юридическое образование в регионе перемещается в Восточную Сибирь. Конкретная дата образования Иркутского университета, а также дата начала его фактической деятельности вызывает определенные разногласия среди исследователей университетской истории. Различные интерпретации обусловлены недостатком сохранившихся документальных источников. Кроме того, учитывая, что организация университета происходила в условиях политической нестабильности, отсутствовала преемственность и логическая последовательность документооборота. В целом ученые сходятся во мнении, что занятия в университете начались в конце октября 1918 г. Таким образом, 2018 г. стал юбилейным для обоих старейших сибирских университетов: Томского и Иркутского. Первым исполняющим обязанности декана юридического факультета стал М. М. Агарков, который обучался в Казанском и Петербургском в университетах, проходил стажировку в Сорбонне.

В Иркутском университете удалось сохранить ФОН. В 1924 г. в рамках восстановления специализированного, а не объединенного с другими социальными и гуманитарными отраслями, юридического образования из ФОНа был

выделен факультет права и местного хозяйства. Отметим, что в Москве и Ленинграде создавались еще более профессионально ориентированные факультеты, а именно факультеты советского права. В отличие от «столичных» вузов в Саратовском и Иркутском университетах обучение будущих юристов и экономистов сосредоточивалось на одном факультете. История юридического факультета Иркутского университета, формирование научных школ хорошо отражено в ряде публикаций В. Н. Казарина [6].

До начала 1930-х гг., то есть до очередной крупной реорганизации высшего юридического образования, подготовка юристов в Иркутском университете улучшалась, становилась более профессионально ориентированной. Непосредственно после создания факультета права и местного хозяйства в его составе было выделены правовое отделение и отделение местного хозяйства. Первые два курса студенты обучались вместе, а затем распределялись по отделениям. В конце 1920-х гг. была внедрена специализация уже внутри правового отделения, в нем сформировали два цикла: судебный и административно-хозяйственный. Каждый цикл предусматривал свои дисциплины специализации [14, с. 288].

Согласно законодательству, учебные планы для факультетов и отделений, если они имелись в составе факультетов, определялись централизованно уполномоченным органом – Государственным ученым советом, подведомственным наркомату просвещения. Однако на местах университеты могли вносить некоторые коррективы, исходя из наличия преподавательских кадров и их научных предпочтений. Так, студентам-юристам Иркутского университета предлагались уникальные, не преподаваемые в других вузах следующие дисциплины: «Этнография туземных народностей Сибири»; «Экономическая география Сибири»; «Туземное право народностей Сибири»; «Национальное и советское строительство в Сибири» [13, с.438–439]. Можно предположить, что таким образом закладывалась научная традиция изучения обычного права коренных народов Сибири, их включения в правовое пространство российского государства. Это стало предпосылкой для формирования научной школы, в рамках которой проводятся серьезные исследования по данной проблематике [2, 3].

Выведение в 1930-е гг. правовой подготовки из университетов и сосредоточение ее в ведомственных вузах, подчиненных наркомату юстиции, крайне негативно отразилось на состоянии юридической науки и образования в Сибири. Выделенный из Иркутского университета Сибирский институт советского права был перемещен в Свердловск.

Восстановление юридического образования в Сибири началось в рамках реализации Постановления ЦК ВКП(б) 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране». В числе мер, призванных преодолеть отмеченные в постановлении недостатки, предусматривалось открытие в течение трех лет на территории СССР юридических факультетов в ряде университетов, где они работали раньше, учитывая и дореволюционный период. Это требование распространялось и на Томский университет. В его структуре факультет, объединивший обучение юристов и экономистов был открыт 1 сентября 1948 г.,

самостоятельный юридический факультет выделен в начале 1950-х гг. Длительный перерыв в юридическом образовании исключал прямую кадровую преемственность. Новый преподавательский состав формировался за счет выпускников советских вузов. В становлении и развитии юридического факультета особо отмечается роль А. И. Кима, выпускника аспирантуры Саратовского юридического института, занявшего пост декана в 1952 г., ставшего известным ученым в области государственного права.

Сходным образом происходило воссоздание юридического образования в Иркутском университете. В 1949 г. в нем было возобновлено обучение юристов: сначала оно осуществлялось на историко-филологическом факультете, а затем – на юридическом отделении факультета гуманитарных наук. В 1954 г. был воссоздан самостоятельный юридический факультет [8, с. 23]. Как и в Томском университете, преподавательский состав формировался за счет приглашения выпускников и молодых кандидатов наук из других вузов, прежде всего МГУ и ЛГУ. В 1956 г. факультет возглавил видный специалист в области советского государственного и административного права профессор Н. П. Фарберов.

Два факультета не могли в полной мере обеспечить необходимыми юридическими кадрами такой обширный регион, каким являлась Сибирь. Проблему пытались если не решить, то хотя бы сгладить за счет развития заочной формы. В 1937 г. создан Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ), который развернул широкую сеть филиалов. На территории Сибири такой филиал в 1939 году был создан в Новосибирске.

В дальнейшем заочное образование стало доминирующим в структуре юридической подготовки. По данным на 1967 г. из 60 тыс. студентов-юристов на дневном отделении обучалось 8 тыс., на вечернем – 10 тыс., на заочном – 42 тыс. человек [1, с. 14]. Выявленное соотношение оценивалось как ненормальное, поэтому постоянно заявлялось о необходимости увеличения доли студентов-очников, поскольку они, во-первых, подлежали обязательному распределению, и во-вторых, считались лучше подготовленными. Однако преодолеть перекосы в формах юридического образования не удалось до конца советского периода. В связи с этим, велся поиск наиболее рациональной организации заочного образования. В итоге в городах, где наряду с филиалами ВЮЗИ действовали юридические институты, филиалы реорганизовывались в заочные отделения этих институтов. Кроме того, в 1950 г. институты получили право создавать свои филиалы. В тех городах, где число студентов-заочников достигало 1000 человек, создавались территориальные факультеты ВЮЗИ или юридических институтов. Так, в 1963 г. Новосибирский филиал ВЮЗИ был реорганизован в Новосибирский факультет Свердловского юридического института.

Еще в довоенный период, учитывая ограниченную сеть юридических вузов, приказом Наркомата юстиции РСФСР от 2 октября 1939 г. ВЮЗИ разрешалось открывать на местах учебно-консультационные пункты (УКП) [4, с.31]. Однако широкое распространение они получили в 1950–60-е гг. В Сибири первым в 1955 г. был открыт Красноярский УКП ВЮЗИ, позднее он был передан в

состав Томского университета. В 1964 г. создан Омский У КП Новосибирского факультета Свердловского юридического института. На Алтае также первоначально появилась заочная форма юридического образования, организационно связанная с Томским университетом.

Деятельность У КП и заочных факультетов стали важной предпосылкой создания юридических факультетов. Сам факт их деятельности рассматривался как наличие минимальных условий при принятии официального решения о внутренней структуре вновь открываемых университетов. После организации Красноярского государственного университета в 1969 г. сюда были переведены студенты-юристы с заочного факультета Томского университета. В Омский университет (открыт в 1974 г.) переведены все студенты из У КП, а сам У КП закрыт. На работу в новый университет перешли преподаватели У КП, среди которых было несколько кандидатов юридических наук. Первым преподавателем-юристом университета, первым заведующим кафедрой теории и истории государства и права и первым деканом юридического факультета стал бывший директор У КП Альберт Иванович Петелин [16, с. 9].

Наметился экстенсивный рост высшего юридического образования. В 1968 г. на территории Сибири и Дальнего Востока действовало всего три юридических факультета с общим планом приема в 250 человек. В 1975 г. за счет открытия новых университетов с юридическими факультетами прием студентов только на дневные отделения был доведен до 650 человек [10, с.8]. К концу 1970-х на территории Сибири и Дальнего Востока насчитывалось уже 6 юридических факультетов университетов: в Томске, Иркутске, Красноярске, Владивостоке, Барнауле и Омске. На 1978 г. для юридических факультетов университетов Сибири и Дальнего Востока были установлены повышенные планы приема, эти вузы должны были зачислить 1/5 часть всех юристов-первокурсников РСФСР [9, с. 5].

Количественные показатели высшего юридического образования можно оценивать как необходимую базу, на которой могла развиваться юридическая наука. Высокая численность студентов требовала большого числа преподавателей. Это, в свою очередь, позволяло привлекать для преподавания одной дисциплины или нескольких, но близких по содержанию, нескольких специалистов. Кафедры становились профильными, объединяющими, как и в дореволюционный период, ученых, занимающихся близкой проблематикой.

Сложнее и медленнее шло оформление сугубо научных юридических подразделений. Первое и единственное подразделение такого рода – Проблемная научно-исследовательская лаборатория «Борьба с рецидивной преступностью» было открыто в Томском университете в 1972 г. Для этого потребовалось решение Государственного комитета по науке и технике [12, с. 174]. Можно считать, что централизация управления сферой науки и образования бюрократизировала процесс институционализации крупных, долговременных исследовательских направлений, поэтому пример с томской лабораторией оказался единичным и не тиражировался как удачный опыт.

При таком подходе основными научными центрами являлись университетские кафедры. В настоящее время университетская, факультетская и даже кафедральная история являются активно развивающимися векторами научного описания и анализа. В публикациях, отражающих научную деятельность юридических факультетов и отдельных кафедр, как правило, выделяются следующие показатели научной деятельности: 1) защиты диссертаций; 2) научные публикации (монографии, статьи, иные работы); 3) организация и участие в научных мероприятиях; 4) международные научные связи; 5) выполнение хоздоговорных работ; 6) научная работа студентов.

Следует отметить ряд факторов, ограничивающих развитие научной деятельности. Длительное время в университетах отсутствовали собственные диссертационные советы: первый был открыт в Томском университете в 1979 г. «Молодые» университеты не имели своих издательств, что затрудняло публикацию научных результатов. Ограниченным было централизованно выделяемое вузами число мест для обучения в аспирантуре.

При этом, как в дореволюционный, так и в советский период статус работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу, оставался высоким. Занятие научной деятельностью рассматривалось как творческий, свободный и социально поощряемый труд.

В целом развитие юридической науки и высшего юридического образования в Сибири представляло поступательный процесс, исключая период 1920–1940-х гг., что было типично для большинства территорий. Такой перерыв исключил непосредственную преемственность научной и образовательной традиции, сложившейся в дореволюционный период, в советскую практику. Наиболее продуктивным для юридической науки и образования стал период 1950—80-х гг. Он характеризуется положительной динамикой количественных и качественных показателей. Достижения этого времени стали основой для развития юридической науки и образования на современном этапе.

Список литературы

1. Алексеев Н. С., Шилов А. А. 50 лет советского высшего юридического образования / Н. С. Алексеев, А. А. Шилов // Правоведение. — 1967. — № 5. — С. 7–17.
2. Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.) / И. Л. Дамешек. — Иркутск : Оттиск, 2002. — 208 с.
3. Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX — начало XX века) / Л. М. Дамешек. Иркутск : Издательство Иркутского университета, 1986. — 165 с.
4. История Московской государственной юридической академии. — М. : МГЮА, 2006. — 65 с.
5. Казанские юридические школы: эволюция образовательных и научных традиций в современной юриспруденции / Под ред. И. А. Тарханова, Д. Х. Валеева, З. А. Ахметьяновой. — М. : Статут, 2016. — 512 с.

6. Казарин В. Н. Пять моделей юридического образования во втором Сибирском университете в условиях трансформации общества и государства (1918-1931 гг.) / В. Н. Казарин // Российский юридический журнал. — 2019. — № 1. — С. 137–151.

7. Казарин В. Н. Становление юридического образования в Иркутском университете: время, события, люди/ В. Н. Казарин // Сибирский юридический вестник. — 2008. — №1. — С. 3–13.

8. Лякутина Ю. П. История становления и развития юридического образования в Восточной Сибири (1918–1991 гг.)/ Ю. П. Лякутина. Автореферат... канд. ист. наук. — Иркутск, 2009. — 34 с.

9. Серафимов Л. А. Юридическое образование в вузах РСФСР/Л.А. Серафимов // Правоведение. — 1979. — №5. — С. 3–10.

10. Суворов Л. К. Юридическое образование в вузах РСФСР: проблемы и перспективы / Л. К. Суворов // Правоведение. — 1977. — №1. — С. 7–15.

11. Фоминых С. Ф., Сорокин А. Н., Некрылов С. А. Император Николай II и Томский университет/ С. Ф. Фоминых, А. Н. Сорокин., С. А. Некрылов // Былые годы. Российский исторический журнал. — 2013. — № 4 (30). — С. 45–52.

12. Юридическое образование в Томском государственном университете: очерк истории (1898–1990 гг.) / Под ред. В. Ф. Воловича. — Томск : Изд-во ТГУ, 1998. — 248 с.

13. Юридический календарь на 1929 г. — М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929. — С. 448 с.

14. Юридический календарь на 1930 г. — М. : Гос. юрид. изд-во РСФСР, 1930. — 304 с.

15. Юридический факультет Казанского университета: два века образования и науки. — Казань : Изд-во Казанского университета, 2004. — 180 с.

16. Юридический факультет Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского / сост. и общ. ред. Т. Ф. Ящук/ Т. Ф. Ящук. — Омск : Омский гос. ун-т, 2008. — 222 с.

**Кодификация законодательства о науке, научно-технической
и инновационной деятельности**

**Code of Laws on Science and Innovations of the Russian Federation:
Concept and Structure**

Васильев Антон Александрович

*доктор юридических наук, профессор,
директор юридического института,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права,
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»*

г. Барнаул, Россия

anton_vasiliev@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3122-531X>.

Vasiliev Anton Aleksandrovich

*Doctor of Law, Professor,
Director of the Institute of Law,
Head of the Department of Theory and History of State and Law,
Altai State University*

Barnaul, Russia

anton_vasiliev@mail.ru

ORCID : <https://orcid.org/0000-0003-3122-531X>.

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых докторов наук «Феномен научного права: российское и международное измерение» № МД-233.2021

Аннотация: в статье анализируется идея обособления научных концепций, направленных на изучение правового регулирования научной деятельности, подчеркивается актуальность проводимого исследования в том, что по состоянию на сегодняшний день отсутствует сбалансированное законодательное регулирование научной и инновационной деятельности.

Методы исследования. Методология исследования представлена общенаучными методами и специальными правовыми методами изучения. Так, логический метод позволил выделить предпосылки разработки кодекса законов о науке и инновациях. Исторический метод способствовал историко-юридическому анализу развития идеи формирования единого закона о научной и инновационной деятельности. Метод моделирования позволил сформировать оптимальную структуру проекта кодекса законов о науке и инновациях. С помощью формально-юридического метода проводился анализ действующего за-

конодательства и доктринальных подходов к правовому регулированию науки и образования.

Результаты и дискуссия. Авторы выделяют следующие предпосылки разработки кодекса законов о науке и инновациях: многочисленность и несогласованность действующих нормативных правовых актов о науке и инновациях; отсутствие единой идеологической основы для правового регулирования науки; повышения уровня научной разработанности научно-правовой сферы; учет специфики научно-технического правового регулирования; повышение значение исследуемой сферы правового регулирования; выработка зрелой государственной научно-технической политики.

Заключение. В заключение авторами предлагается структура кодекса законов о науке и инновациях, отмечается, что кодекс сможет занять достойное место в выработке идеологии развития и управления наукой в Российской Федерации.

Ключевые слова: наука, инновации, научное право, научно-технический прогресс, отрасль права, метод правового регулирования, кодификация, систематизация законодательства.

Abstract: the article analyzes the idea of separating scientific concepts aimed at studying the legal regulation of scientific activity, emphasizes the relevance of the ongoing research in that, as of today, there is no balanced legislative regulation of scientific and innovative activities.

Research methods. The research methodology is represented by general scientific methods and special legal methods of study. Thus, the logical method made it possible to highlight the prerequisites for the development of a code of laws on science and innovation. The historical method contributed to the historical and legal analysis of the development of the idea of forming a unified law on scientific and innovative activities. The modeling method made it possible to form the optimal structure of the draft code of laws on science and innovation. Using the formal legal method, the analysis of the current legislation and doctrinal approaches to the legal regulation of science and education was carried out.

Results and discussion. The authors identify the following prerequisites for the development of a code of laws on science and innovation: the multiplicity and inconsistency of existing regulatory legal acts on science and innovation; lack of a unified ideological basis for the legal regulation of science; increasing the level of scientific development of the scientific and legal sphere; taking into account the specifics of scientific and technical legal regulation; increasing the importance of the studied sphere of legal regulation; development of a mature state scientific and technical policy.

Conclusion. In conclusion, the authors propose the structure of the code of laws on science and innovation, it is noted that the code can take its rightful place in the development of an ideology for the development and management of science in the Russian Federation.

Keywords: science, innovations, scientific law, scientific and technological progress, branch of law, method of legal regulation, codification, systematization of legislation.

Идея обособления особой ветви юриспруденции, изучающей правовое регулирование отношений в сфере научной работы, была высказана еще в 1950-е гг. (Федькин И. Г) [14, с. 340]. Позже в 1970-е гг. проблема формирования особой отрасли законодательства о научно-техническом прогрессе была поднята В. А. Дозорцевым и И. А. Зениным [7, С. 112]. Наконец, М. П. Ринг выступал за формирование особой правового комплекса – права науки [11, с. 113]. При этом, в юридической науке на протяжении этих лет вплоть до распада СССР звучала идея принятия особого закона о науке, которому так и не было суждено появиться. Но, при этом нельзя не видеть успехи развития советской науки и эффективность государственного управления научной деятельности и в отсутствие закона о науке. Рискуем высказать мысль, что, несмотря на существование в современной России целой серии законодательных актов, состояние российской науки, а главное качество управления ею, оставляют желать лучшего. Видимо, качественное состояние науки связано не столько с нормативным обеспечением, сколько с государственной научно-технической политикой, ее целями, задачами, идеологией, кадровым составом регуляторов и как следствие финансовым обеспечением.

С другой стороны, слабое внимание правоведов к правовому регулированию научной деятельности, отсутствие системных доктринальных разработок права науки неизбежно сказывается на качестве правовых актов и в конечном итоге на состоянии научной деятельности. Свидетельством низкого качества научно-догматической проработки научного права выступает множество и противоречивость нормативных правовых актов в сфере науки, неоднократные попытки с 2014 г. принятия нового кодифицированного закона о науке, не увенчавшиеся успехом, откровенно слабый содержательный уровень законопроектов 2014 г. и 2019 г. [15, с. 60]. Так, новые проекты закона о науке не затрагивают одной из значимых сфер – порядка формирования государственной научно-технической политики. До сих пор нет четкого разграничения предмета регулирования в части соотношения научной и инновационной деятельности.

Законодательство о науке и инновациях в Российской Федерации за последние 30 лет никак не может приобрести стройный и системный вид. Наряду с устаревшим Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике в Российской Федерации» [5] действуют более 50 законодательных актов и более 200 подзаконных нормативных правовых актов только федерального уровня. Дважды предпринимались попытки разработать и принять новый закон о науке и научно-технической деятельности: в 2014–2018 гг. и 2019 г. Ни одна из попыток не увенчалась успехом [4, 5]. Складывается впечатление, что публичная власть стала использовать краткосрочные и среднесрочные инструменты поддержки науки и инноваций в форме государственных программ (подзаконных актов). Думается, что ключевая причина

провалов в подготовке обновленного закона о научно-технической и инновационной деятельности кроется в отсутствии обоснованной и продуманной государственной научно-технической политики. Закон о науке должен в первую очередь выражать идеологические установки государства в сфере научно-технологического развития [2, 3]. В новых геополитических условиях в принципе научно-технологический суверенитет России выходит на передний план и должен стать сердцевиной государственной политики в части обеспечения национальной безопасности.

Для юридической науки устаревший закон о научно-технической политике и слабый интерес к теоретической разработке как общих, так и специальных институтов научного права вовсе не поддается какому-то внятному объяснению. Ученых-юристов не заботит та часть законодательства, которая непосредственно затрагивает их статус и определяет правила осуществления научной деятельности.

Несмотря на панораму взглядов на природу научного права, нельзя не признать необходимости особого внимания к научной разработке системы правового регулирования в сфере науки, техники и инноваций. Правовое регулирование научной деятельности нуждается в адекватной научной основе, научно-теоретическом обосновании законодательства и практики его применения относительно научно-технической и инновационной деятельности. Тем более данный аспект важен в условиях бессистемности правового регулирования и отсутствия обновленного закона о науке [12].

Наряду с вопросом разработки нового закона о науке интерес представляет проблема формы данного правового акта. В классической форме речь идет о принятии федерального закона. Но по целому ряду причин назрела необходимость разработки кодифицированного акта – кодекса законов о науке и инновациях.

Еще раньше идею формирования единого кодифицированного акта в сфере науки как основы для научного права высказала В. В. Лапаева: «актуальные потребности социальной практики в ускоренном и целенаправленном развитии научно-технической сферы обуславливают необходимость выработки единой, взаимосвязанной, внутренне непротиворечивой системы законодательства о науке. Подобная система должна строиться на базе общих принципов налогообложения в сфере научной деятельности, защиты и охраны прав интеллектуальной собственности на результаты этой деятельности, соотношения сметного финансирования и конкурсного распределения средств, регулирования труда научных работников и т. д. Эти принципы следовало бы изложить в отдельном нормативном акте кодификационного характера и общеотраслевого (для науки) статуса. Таковую нагрузку мог бы взять на себя принципиально новый Федеральный закон «О науке...», в котором необходимо не только определить координирующие принципы законодательства о науке, но и соответствующим образом откорректировать те нормы гражданского, налогового, бюджетного, трудового и пр. законодательства, которые сейчас в недостаточной мере отражают специфику правового регулирования отношений, связанных с орга-

низацией и осуществлением научной деятельности, использованием ее результатов» [9, с. 13]. Совершенно точно заметила автор, что при полиотраслевом подходе к регулированию научных отношений не учитывается их специфика, что негативно сказывается на состоянии науки. Выработка единого подхода к регулированию отношений в сфере науки позволит принять во внимание нюансы научной деятельности и выстроить единообразие в механизме правового регулирования научных отношений, преодолеть раздробленность нормативных правовых актов [8, с. 37].

Среди предпосылок для разработки кодекса законов о науке и инновациях можно назвать:

1) наличие многочисленных взаимно несогласованных нормативных правовых актов по вопросам научно-технической и инновационной деятельности. С учетом отнесения вопросов науки и инноваций к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации количество законов превышает более 300, а подзаконных актов исчисляется несколькими тысячами документов. При этом, законодательство о науке выделено в отдельную рубрику в классификаторе отраслей законодательства, что требует тщательной систематизации данной отрасли законодательства. При этом, принципиальные положения законодательных актов в сфере науки и инноваций зачастую не коррелируют с подзаконными актами. Так, основополагающие документы о науке не предусматривают возможности создания особых условий для поддержки и развития молодых ученых, в то время как стратегические документы и подзаконные в поддержку молодых ученых усматривают один из приоритетов государственной научно-технической политике. Курс на развитие международного научно-технического сотрудничества существенным образом ослабляется наличием различного рода препятствий в интеграции российских и зарубежных ученых и соображениями защиты национальной безопасности в части режима передачи информации о технологиях и научных разработках в рамках экспортного контроля [1, с. 54];

2) наличие кодификации законодательства во многом зависит от выработки единой идеологии и концептуальных подходов в научно-технической политике. Разработка кодекса о науке и инновациях могла бы стимулировать разработку идеологических основ развития научно-технического комплекса в России;

3) кодификация той или иной сферы законодательства в значительной степени опирается на уровень научной разработанности соответствующей сферы законодательства в правовой науке. Нельзя сказать, что законодательство о науке обделено вниманием, но и серьезного интереса среди правоведов оно не вызывает. Возникла парадоксальная ситуация, юридической науке неинтересны вопросы состояния и совершенствования законодательства о науке, в том числе о правовой науке. При этом принимаемые управленческие решения в форме правовых актов серьезным образом влияют на состояние и правовой науки.

Так, политика в сфере управления государственной научной аттестацией в последние годы привела к резкому ослаблению кадрового потенциала юриди-

ческой науки в регионах России. Региональные юридические вузы практически потеряли возможность подготовки кадров высшей квалификации. Аналогичным образом показатели оценки университетов на основе публикаций в зарубежных базах цитирования без серьезного осмысления применения данного критерия в отношении гуманитарных областей знания привели правоведение к состоянию изгоя или профанации публикаций через механизмы платного выхода статей. Большинство ученых-юристов с национально ориентированными научными интересами оказались вне некой «мировой науки». При этом, общепринято считать, что юриспруденция преимущественно касается конкретных национальных правовых систем и порождает знание, востребованное в отдельно взятом государстве. Исключением составляет сравнительное правоведение, международное право, специальные юридические науки, всеобщая история государства и права и история правовых учений. Лишь санкционные решения против Российской Федерации в части закрытия доступа к зарубежным базам цитирования, наконец, поставили вопрос о разработке иной системы оценки результатов научной деятельности. Очевидно, что подобного рода решения в сфере управления наукой требуют подключения самого научного сообщества к их обсуждению и принятию. В не меньшей степени акты в сфере научно-технической политики нуждаются в юридической экспертизе соответствующих специалистов;

4) кодификация законодательства о науке позволила бы учесть специфику научной и инновационной деятельности, которая не принимается во внимание другими отраслевыми актами. Так, нуждается в специальном правовом регулировании статус и трудовые отношения с научными работниками, в том числе иностранными научно-педагогическими работниками. Требуется отдельная регламентации круг квалификационных требований к научным работникам, продолжительность действия трудовых договоров с ними и пр. Так, нормальной международной кооперации с зарубежными учеными мешает набор препятствующих требований: медицинские осмотры, отсутствие судимости и пр.;

5) статус кодекса повышает значение нормативного правового акта, придает ему дополнительную юридическую силу при конфликте с законами нижестоящего уровня;

6) кодекс законов о науке и инновациях может стать одной из предпосылок для выработки зрелой государственной научно-технической политики.

Безусловно, важное значение имеет содержательное наполнение такого кодекса законов о науке и инновациях. В первую очередь требует решения предмет регулирования кодекса законов о науке и инновациях. До сих пор среди экспертов и юристов нет ясности в отнесении к предмету законодательства о науке отношений в сфере инновационной деятельности [13, 6]. Действующий федеральный закон включил инновационную деятельность в сферу действия законодательства о науке.

Значительным образом на выработку единства в подходах к правовому регулированию и государственной политики в сфере науки и инноваций влияет разграничение компетенции по управлению наукой и инновациями между раз-

ными органами исполнительной власти на федеральном и региональном уровнях. Наука находится в сфере ведения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, а инновациями ведает Минэкономразвития Российской Федерации. Аналогично ситуация складывается в зеркальном отражении на уровне субъектов Российской Федерации. Соответственно, в большинстве регионов приняты отдельные законы о науке и инновационной деятельности. Тогда как на федеральном уровне вопросы инновационной деятельности были инкорпорированы в федеральный закон о государственной научно-технической политике.

По сути, академическая и университетская наука находится в ведении министерства науки и высшего образования России, а инновации в компетенции министерства экономического развития. Но, в самой цепочке от научной идеи, прототипа до продукта вне сферы прямого управления оказывается процесс передачи прав на технологии и их коммерциализация. Кроме того, такое развитие фактически приводит к отсутствию в рамках собственно науки стимулов и условий для выхода с инновационными решениями на производство.

В мировой практике успех показывает тесное сочетание науки и инновационного мышления с институтами поддержки инноваций. Так, Стэнфордский университет и Кремниевая Долина демонстрируют успешный опыт кооперации в рамках инновационной культуры мышления науки и бизнеса. Соответственно, полагаем, что наука и инновации должны входить в единый предмет регулирования.

В рамках общей логики построения кодифицированных актов структура кодекса законов о науке и инновациях может выглядеть следующим образом:

I. Общая часть кодекса, которая могла бы включить наиболее общие, принципиальные вопросы правового регулирования научной и инновационной деятельности. В общую часть кодекса законов о науке и инновациях могли бы войти такие разделы как:

1. Общие положения:

- принципы законодательства о науке и инновациях;
- основные понятия;
- состав и соотношение нормативных правовых актов в сфере законодательства о науке и инновациях;
- компетенция органов государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления;
- задачи и приоритеты государственной политики;
- перечень и порядок разработки стратегических документов и программ в сфере науки и инноваций

2. Субъекты научной и инновационной деятельности:

- правовой статус ученого (критерии научной квалификации, права, обязанности и ответственность ученых, научная этика);
- правовой статус изобретателя;
- система государственной научной аттестации (ученые степени, ученые звания, статус диссертационных советов, ВАК и пр.);

- статус научной организации (признаки научной организации, виды и пр.);
- государственные научные центры;
- университеты как субъекты научной и инновационной деятельности;
- статус Российской Академии Наук;
- инновационные компании;
- институты поддержки науки и инноваций (фонды, бизнес-инкубаторы, акселераторы и пр.);
- правовой статус различных форм кооперации науки, власти и бизнеса;

3. Объекты научно-технической и инновационной деятельности:

- круг объектов;
- порядок охраны прав на объекты научно-технической и инновационной деятельности;
- порядок передачи прав на объекты научно-технической и инновационной деятельности;
- правовой режим научного оборудования, порядок его использования;
- правовой режим научных установок мирового уровня (мегасайенс);
- правовой режим центров коллективного пользования;
- правовой режим научных коллекций.

II. Особенная часть:

1. Государственные гарантии и меры поддержки науки и научно-технической деятельности:

- круг мер поддержки науки и научно-технической деятельности;
- гранты, государственное задание и иные формы финансовой поддержки научной и научно-технической деятельности;

2. Государственные меры поддержки инновационной деятельности

- меры по стимулированию инновационной активности и изобретательского дела в образовательных организациях высшего образования;
- меры поддержки инновационных компаний (налоговые преференции, субсидии, гранты и пр.);
- система институтов поддержки инноваций (венчурные фонды, акселераторы, бизнес-инкубаторы, НТИ и др.).

3. Правовой режим научно-инновационных территорий (порядок и критерии создания, режим функционирования и управления, меры поддержки):

- наукограды;
- академгородки;
- технопарки;
- иные территории науки и инновационного развития (Сколково, Сириус и др.).

4. Государственная система научной информации:

- информационная система оценки результатов научной деятельности;
- институты научной информации;
- базы научных публикаций России.

5. Научная и научно-техническая экспертиза:
– принципы экспертизы;
– статус эксперта и экспертных организаций;
– порядок проведения экспертизы и обязательность учета результатов экспертизы.

6. Популяризация науки и научной деятельности:
– научно-просветительская деятельность;
– формы популяризации науки;
– меры государственной поддержки научно-просветительской деятельности.

7. Международное научное и научно-техническое сотрудничество
– принципы международного сотрудничества в сфере науки и техники;
– приоритеты международного сотрудничества России и зарубежных стран;

– формы международного научно-технического сотрудничества (научные проекты, научные мероприятия, обмен научно-технической информацией, академический обмен);

– порядок осуществления международного сотрудничества, координация международной деятельности субъектов научного права;

– международный трансфер, передача прав на технологии;

Заключительные и переходные положения

Принятие кодекса законов о науке и инновациях позволит систематизировать законодательство в научно-инновационной сфере, устранить противоречия нормативных положений и проводить единую государственную политику в сфере науки и инноваций. Что важно, кодекс сможет занять достойное место в выработке идеологии развития и управления наукой в Российской Федерации.

Список литературы

1. Аничкин Е. С. Формирование наднационального научного права как отрасли международного публичного права // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 2. С. 52–5.

2. Берг Л. Н. Основные этапы российской правовой политики в сфере научной деятельности // Политика и общество. 2014. № 10. С. 1155–1160.

3. Берг Л. Н. Проблемы законодательного обеспечения научной деятельности в России // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 1. — С. 25–31.

4. Габов А. В. Проект федерального закона о науке – новый формат правового регулирования научной и инновационной деятельности // Вестник Пермского университета. Сер. Юридические науки. 2017. Вып. 38. С. 385–399.

5. Грибанов Д. В. Изменения в федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» // Российский юридический журнал. 2011. № 6. С. 156–166.

6. Дидикин А. Б. Правовое регулирование инновационной деятельности в России. Монография. Новосибирск, 2014.

7. Дозорцев В. А., Зенин И. А. Организационно-правовые вопросы руководства наукой в СССР. М. : Наука. 1973. — 423 с.
8. Круглый стол по обсуждению проекта Федерального закона «О научной и научно-технической деятельности» // Управление наукой: теория и практика. 2019. Том 1. № 1.
9. Лапаева В. В. Законодательство о науке: история формирования и перспективы развития // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 3–14.
10. О науке и государственной научно-технической политике : федеральный закон от 23.08.1996 №127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 26.08.1996. № 35. ст. 4137.
11. Ринг М. П. Правовое регулирование научно-технического прогресса // Советское государство и право. 1972. № 2. С. 111–121.
12. Салицкая Е. А. Законодательное регулирование научной и инновационной деятельности: опыт субъектов РФ // Управление наукой и наукометрия. 2015. С. 111–137.
13. Третьяк Н. В. Правовое регулирование научной деятельности: проблемы и пути решения // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 3. С. 363–366.
14. Федькин Г. И. Правовые вопросы организации научной работы в СССР. М. : Госюриздат, 1958. С. 340–349.
15. Филь М. М. Законопроекты для науки: история и современность // Управление наукой: теория и практика. 2019. Том 1. № 2. С. 59–69.

**Развитие юридической науки в ведомственной системе
высшего образования (на примере Омской Академии МВД России)**

**Development of legal science in the departmental system of higher
education (de the example of the Omsk Academy of MIA of Russia)**

Кожевина Марина Анатольевна

*доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры теории и истории права и государства
Омской академии МВД России
г. Омск, Россия
kozhevina1@rambler.ru*

Kozhevina, Marina Anatolyevna

*Doctor of Law, Professor
Professor of the Department of Theory and History of Law and State
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Omsk, Russia
kozhevina1@rambler.ru*

Аннотация: в статье определяются основные направления юридической науки в системе высшего образования МВД России (ведомственной системе), в качестве примера рассматривается исторический опыт Омской академии МВД России в становлении как научного центра Сибири, выделяются и характеризуются основные события, раскрывающие специфику ведомственной науки.

Ключевые слова: юридическая наука, ведомственная наука, ведомственное образование, история юридической науки.

Abstract: the article defines the main directions of legal science in the higher education system of the Ministry of Internal Affairs of Russia (departmental system), as an example, considers the historical experience of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia in its development as a scientific center of Siberia, highlights and characterizes the main events that reveal the specifics of departmental science.

Keywords: legal science, departmental science, departmental education, history of legal science.

Сибирь – это не только большая часть территории Российской Федерации, приращение которой происходило постепенно, исторически, но это и значительная часть насыщенной событиями общественной, экономической, политической и культурной жизни современной России. И если первоначально Сибирский край воспринимался как богатый природными ресурсами административный придаток Российской империи, то постепенно экономическое и обще-

ственно-политическое значение этого огромного региона возрастало в силу кардинально меняющихся экономических, политических, а самое главное – социокультурных условий. Наиболее ярко роль Сибири в развитии этой жизни проявилась в советский период, когда наравне с классическими центрами образования и науки – университетами (Томск, Иркутск, Новосибирск и др.), появились образовательные организации, нацеленные на подготовку специальных кадров для отдельных ведомств и служб.

Понятия ведомственного образования и ведомственной науки в последние десятилетия прочно вошло в повседневный лексикон в силу того, что значительная часть высших учебных заведений, в том числе юридического профиля, не только заняли свою нишу в государственной образовательной системе, но и стали ведущими центрами образования и науки, демонстрируют высокий уровень подготовки профессиональных и научных кадров. В числе таких образовательных систем находится и система профессионального образования Министерства внутренних дел России. На начальном этапе советского периода ведомственные учебные учреждения являлись и общеобразовательными организациями, включенными в борьбу с неграмотностью и малограмотностью советских людей, однако постепенно с преодолением задач культурной революции, ведомственная система стала сближаться с государственной системой профессионального образования, а в послевоенный период интегрировалась с ней.

15 июня 1952 г. постановление Совета Министров СССР «О реорганизации учебных заведений Министерства государственной безопасности СССР» (на этот момент Министерство было объединенным МВД-МГБ) положило начало процессу активного вовлечения ведомственной высшей школы в общегосударственную систему юридического образования [2, с. 143]. Милицейское образование в качестве отрасли государственной системы профессионального юридического образования переходило от принципа обучения профессии милиционера к общим принципам подготовки юристов для системы МВД, таким образом преодолевалась ведомственная замкнутость и повышался уровень профессиональной образованности сотрудников органов внутренних дел (ОВД). Система становилась более открытой и доступной для внедрения новых образовательных технологий и многолетнего опыта гражданской системы подготовки специалистов. Вслед за этим решение в августе 1955 г. в МВД СССР широко обсуждался вопрос о состоянии и мерах улучшения подготовки кадров оперативных работников с высшим образованием. Конкретные действия были предусмотрены приказом министра от 20 августа 1955 г. «О состоянии и мерах улучшения подготовки кадров оперативных работников с высшим образованием и развитии научно-исследовательской работы в Высшей школе МВД СССР» [2, с. 145]. Последнее направление было связано с единственным на тот момент учебным заведением в системе МВД СССР, где выпускникам выдавался диплом с присвоением высшей квалификации юриста. Предлагалось организовать на базе Высшей школы (ныне Академия управления МВД России) подготовку научно-педагогических кадров для милицейских учебных заведений и активно использовать научный потенциал школы для подготовки научных кадров, тем

самым способствуя развитию научно-исследовательской работы в системе МВД СССР. Предложение имело принципиальное значение. Подготовка кадров милиции – специфическая деятельность, поэтому наличие любого высшего или среднего специального образования для педагогов ведомственных учебных заведений условие недостаточное, требовались педагоги и исследователи с юридическим образованием, знающие особенности деятельности ОВД. Вскоре были предприняты первые шаги в решении этого вопроса. В марте 1957 г. при Высшей школе МВД СССР организовали адъюнктуру по специальностям: административное право, исправительно-трудовое право, уголовный процесс и криминалистика. Приказом МВД СССР от 22 июня 1957 г. был регулирован вопрос оплаты труда руководящего и профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений, руководителей и научных работников НИИ учреждений МВД СССР, вовлеченных в работу подготовки научно-педагогических кадров, а приказом МВД СССР от 19 августа 1957 г. утверждалось Положение об аспирантуре (адъюнктуре) при высших учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях [2, с. 146].

В адъюнктуре могли обучаться лица не старше 40 лет, имеющие высшее образование по избранной специальности, стаж научной и педагогической деятельности или оперативной работы не менее трех лет, проявившие способности к научно-исследовательской работе. Совету Высшей школы МВД СССР предоставлялось право принимать к защите диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по указанным выше специальностям [1, с. 14]. Таким образом, было положено начало развитию системы подготовки научных кадров для системы МВД и развитию «милицейской» (ведомственной) науки.

Однако практика показала, что одного высшего учебного заведения для системы мало. Меняющиеся требования времени нацеливали систему расширить сеть вузов и средств подготовки научно-педагогических кадров. В последующие годы опыт Высшей школы был воспринят и приумножен. Примечательно, что вторая высшая школа милиции появилась в 1965 г. в Омске (ОВШМ) [2, с. 158]. Это событие знаковое и для системы МВД, и для Сибири, которая виделась как перспективный регион в развитии страны, поэтому центр подготовки специальных кадров, обеспечивающих правопорядок, был крайне необходим. Омская школа милиции с момента своего образования имела особый статус – была определена как общероссийский центр подготовки кадров милиции (полиции). Это единственное учебное заведение в системе МВД, имеющее столетнюю историю. Первая в Сибири милицейская школа союзного значения (создана в 1920 г. как курсы, затем школа подготовки среднего состава милиции) более чем за 100 лет подготовила свыше 65 тысяч специалистов. Она сыграла первостепенную роль в формировании ведомственной системы образования в Сибири, на базе ее филиалов и отделений создано и функционирует сегодня шесть высших учебных заведений Министерства [3, с. 60–61].

Сегодня это крупнейший учебно-научный центр России, его приоритетным направлением является подготовка кадров для правоохранительных органов страны и осуществление научных изысканий в области уголовно-правовых

и иных, востребованных в правоохранительной практике, научных знаний. Это единственная в Сибири ведомственная образовательная организация, на базе которой созданы диссертационные советы по шести юридическим научным специальностям, на протяжении последних десятилетий сложилось пять научных школ («Обеспечение интересов личности и государства в досудебном уголовном производстве»; «Уголовно-правовые и криминологические меры воздействия на преступность»; «Административно-правовое регулирование надзорной деятельности органов внутренних дел (полиции)»; «Проблемы правового регулирования, организации и тактики оперативно-розыскной деятельности»; «Онтология и аксиология права») и три научных направления («Теория и история права»; «Педагогическое»; «Историческое»), выходит два научных журнала «Научный вестник Омской академии МВД России» и «Психопедагогика в правоохранительных органах», рекомендованных ВАК Минобрнауки для опубликования результатов научных исследований, функционирует адъюнктура и докторантура. Этот статус определяет Омскую академию МВД России крупным научным центром не только в ведомственной системе образования, но и в системе юридического образования Сибири и всей страны [3, с. 142–151]. Поэтому опыт академии в контексте истории науки сибирского региона приобретает повышенное значение.

Заслуживают внимания несколько исторических сюжетов формирования Омской академии как научного центра. Во-первых, с созданием ОВШМ и в первые годы функционирования, определились основные организационные меры, обеспечившие условия для развития научно-исследовательской деятельности. 26 ноября 1965 г. был утвержден первый план научно-исследовательской работы школы, были приглашены молодые специалисты, из 21 человека – 18 кандидаты наук, заместителем начальника по научной работе назначен доктор юридических наук, профессор В. Г. Смирнов, в последующем начальник школы. За первые пять лет существования высшей школы защитили кандидатские диссертации 16 преподавателей [4, с. 57, 59, 64, 74, 66].

Во-вторых, были обозначены основные направления научных исследований. 1 ноября 1967 г. решением Совета ОВШМ определена комплексная тема научных исследований «Организация труда в органах милиции» и общешкольная тема «Борьба с преступностью среди несовершеннолетних». Как отмечалось в протоколе заседания Совета: «... в целях объединения тематики научной работы в школе». В 1970 г. Совет утвердил темы 35 кандидатских диссертаций, тем самым определил перспективы ведомственной юридической науки в Сибири [4, с. 64].

В-третьих, создавались условия для апробации научных результатов. В 1966 г. проведена первая в истории Омского высшего учебного милицкого заведения научная конференция «Развитие общественных и правовых наук». О состоянии научно-исследовательской работы свидетельствует и рост ежегодных научных публикаций: в 1966 г. их было 17, в 1967 г. – 46, в 1968 г. – 62, в 1969 г. – 98. С 1967 г. начинают регулярно выходить сборники научных трудов Омской высшей школы милиции. В период подготовки к

100-летию со дня рождения В. И. Ленина (1969–1970 гг.) был проведен конкурс на лучшую научную работу преподавателей. В числе отмеченных стали монография В. Г. Смирнова «Цели уголовного наказания» и учебное пособие В. Т. Томина «Задачи и принципы советского уголовного процесса», учебное пособие коллектива авторов «Советское уголовное право». Первые два автора в последующем ведущие ученые в области уголовного права и уголовного процесса [4, с. 64, 66].

Заметным событием в деятельности не только Омской школы, но и всей системы профессионального образования МВД СССР стало создание проблемной лаборатории. По меткому выражению ее руководителя профессора В. Т. Топина – «явление незаурядное». В 1972 г. ее силами было проведено в Центральном районе г. Омска полевое социологическое исследование совершения квартирных краж и потерпевших от них [5, с. 120.]. Опыт практической и исследовательской деятельности приобрели несколько десятков будущих сотрудников органов внутренних дел. Очевидным стал полезный урок совместного трудного научного поиска и практики в коллективе обучающихся и опытных наставников. Фактически, это событие положило начало развитию «молодой науки» в системе. Об этом говорят и последующие успехи молодых и именитых ученых, работавших в Омской высшей школе милиции в 1970–90-е гг.

Так с учетом специфики школы – подготовки кадров для уголовного розыска, в первую очередь в круг исследуемых проблем были включены вопросы теории ОРД и аспекты методики осуществления оперативно-розыскной деятельности. Появляются труды, с одной стороны, получившие широкое признание научной общественности, с другой, что для авторов работ было более значимым, адаптированные к учебному процессу. Особое место занимает пособие Ю. И. Веселова «Оперативно-розыскные меры в раскрытии преступлений» (Омск, 1976), которое до сих пор применяется в учебном процессе вузов МВД, в 1978–1979 гг. вышли в свет монография А. И. Левкова и П. М. Ануфриева «Использование средств специальной техники в работе уголовного розыска» и «Словарь жаргонных слов и выражений. Татуировки» Ю. А. Вакутина. Была определена и общая тема для ученых и обучающихся – «Основы раскрытия преступлений аппаратами уголовного розыска». Она объединила молодых и пытливых исследователей с опытными практиками –преподавателями [5, с. 123–124, 132]. В 1990-е гг. ученые этого направления были охвачены идеей создания оперативно-розыскного кодекса, которая трансформировалась в идею создания авторского проекта Закона РСФСР «Об оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел». После принятия Закона был подготовлен научно-практический комментарий к нему, который, по оценкам специалистов, является одним из лучших в России [4, с. 114].

Активное участие ученых Омской академии МВД России в законотворческой деятельности наиболее рельефно проявилось в постсоветское время, когда происходила широкомасштабная реформа в российском законодательстве, создавались новые кодексы, отвечающие запросам времени. Так собственный проект Уголовного кодекса Российской Федерации предложила группа ученых,

среди которых профессор А. И. Марцев, доценты М. П. Клейменов (в настоящее время доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации), А. М. Царегородцев и А. В. Иващенко. Профессор Ю. П. Соловей – один из авторов республиканского Закона «О милиции» (1991 г.) и Закона «О полиции» (2011 г.). К концу 1990-х – началу 2000-х гг. учеными академии было разработано 10 проектов нормативных правовых актов и выдано 43 экспертных заключения на законопроектные работы, а также разработаны региональные законопроекты для Омской области: «Комплексная программа борьбы с преступностью в городе Омске», «Положение об административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок и безопасность на территории Омской области», Закон Омской области «Об ограничении распространения и демонстрации эротической продукции» и др. Вместе с тем подготовлено 23 законопроекта и предложения по совершенствованию действующего федерального законодательства и законодательства субъектов Российской Федерации. Среди наиболее значимых законопроектных работ выделяются проекты законов «Об административной ответственности за правонарушения в сфере оборота служебного и гражданского оружия на территории Российской Федерации», «О применении мер непосредственного принуждения должностными лицами правоохранительных органов РФ», для региона – Устава Омской области, Кодекса Омской области «Об административных правонарушениях», Закона Омской области «О животном мире» и другие [4, с. 114, 115].

Такая масштабная правотворческая работа была обусловлена, тем что к этому времени отдельные научные коллективы трансформировались в научные школы. Среди них наибольшую известность имели школы: «Теоретические основы правового регулирования борьбы с правонарушениями» под руководством доктора юридических наук, профессора А. Н. Харитонова; «Правовое регулирование деятельности российской милиции» под руководством доктора юридических наук, профессора Ю. П. Соловья; «Криминологические и уголовно-правовые меры воздействия на преступность» под руководством докторов юридических наук, профессоров А. И. Марцева и М. П. Клейменова; «Уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные средства противодействия преступности» под руководством докторов юридических наук, профессоров В. В. Николука и В. А. Азарова [4, с. 115].

Научные школы сохраняли свою жизнеспособность за счет пополнения новыми молодыми кадрами ученых. В стенах Омской школы осуществлялась подготовка научно-педагогических кадров практически по всем специальностям юридической номенклатуры. Открытая в 1981 г. вторая в ведомственной системе образования адъюнктура, после некоторого перерыва, возобновила свою работу согласно приказу Госкомвуза России от 29 апреля 1994 г. и МВД России от 19 июля 1994 г., и сегодня продолжает готовить специалистов в области теории и истории права и государства, конституционного права, государственного управления, административного, муниципального, уголовного права и криминологии, уголовного процесса и криминалистики, теории оперативно-

розыскной деятельности не только для академии, но для вузов МВД России и Сибирского региона [4, с. 116].

На этом фоне в начале постсоветского периода ярко высветилась проблема научной аттестации ведомственных вузов. Затруднения были вызваны прежде всего отсутствием в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока специализированных советов по защите диссертаций по специальностям, востребованным системой правоохранительных органов, в том числе имеющих ограничительные грифы. Омская школа обладала научным потенциалом, необходимым для аттестации научно-педагогических кадров, поэтому приказом от 30 декабря 1997 г. Президиум ВАК России открыл совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальностям: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; 12.00.09 – уголовный процесс; криминалистика; теория оперативно-розыскной деятельности. Это был единственный за Уралом совет по защите диссертаций не только по открытым темам, но и по закрытой тематике. В состав диссертационного совета вошли 9 докторов и 6 кандидатов юридических наук. Он имел межрегиональный характер и включал докторов из ВНИИ МВД России (г. Москва), Волгоградского, Тюменского и Красноярского юридических институтов МВД России. Первая защита состоялась 20 января 1998 г. Таким образом, не только по формальным признакам, но и реально к началу 2000-х гг. Омская академия МВД России проявляла себя полноценным научным центром, способствующим развитию юридической науки в Сибири и в других регионах страны [4, с. 117].

Заключая, отметим, что Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации всей своей историей подтвердила свое историческое предназначение – будучи первой в Сибири ведомственной школой подготовки специализированных кадров, сначала средней, затем высшей квалификации, накопив уникальный образовательный и научный опыт, сохраняя традиции, в современности остается авангардом в юридической науке Сибири и России.

Список литературы

1. Академия управления МВД России: история и современность. М. : Академия управления МВД СССР, 1999. — 304 с. С. 14.
2. Кожевина М. А. История милицейского образования в Советской России: организация и правовое регулирование (1917–1991 гг.): монография. Омск : Омская академия МВД России, 2004. — 198 с.
3. Нас учили гордиться своей профессией. К столетию Омской академии МВД России. Омск, 2020. — 202 с.
4. Омская академия МВД России: Страницы истории. Омск : Омская академия МВД России, 2005. — 255 с.
5. Омская академия МВД России. 90 лет. Омск : Омская академия МВД России, 2010. — 208 с.

**Возможности научно-образовательного центра «Север:
территория устойчивого развития»
для технологического развития Сибири**

**Opportunities of scientific and educational center «North:
territory of sustainable development»
for technological development of Siberia**

Колганов Евгений Сергеевич

*руководитель межрегионального проектного офиса НОЦ «Север»
г. Москва, Российская Федерация
evg-kolg@yandex.ru*

Kolganov Yevgeny Sergeyeovich

*Head of Interregional Design Office of SEC «North»
Moscow, Russian Federation
evg-kolg@yandex.ru*

Аннотация: Научно-образовательный центр мирового уровня «Север: территория устойчивого развития» – площадка для ускорения трансфера технологий для науки, образования и бизнеса Северо-Востока России. Программа НОЦ «Север» насчитывает более 50 технологических решений, направленных на комплексное энергообеспечение и применение альтернативных источников энергии, рациональное природопользование в криолитозоне, эксплуатацию зданий и сооружений в криолитозоне, развитие биотехнологий и медицины, а также поддержание социальной устойчивости населения в Арктике.

Программа объединяет 10 образовательных учреждений, 19 научных институтов и 18 индустриальных партнеров. В условиях снижения уровня импортозависимости и достижения технологического суверенитета подобного рода проекты позволяют привлечь внимание к отечественной науке и создать новые виды эффективного взаимодействия внутри нашей страны.

Ключевые слова: наука, технологии, образование, бизнес, импортозамещение, криолитозона, Арктика, природопользование, ВИЭ, Якутия

Abstract: the world-class scientific and educational center "North: the Territory of Sustainable Development" is a platform for accelerating technology transfer for science, education and business in the North-East of Russia. The program of the SEC "North" includes more than 50 technological solutions aimed at integrated energy supply and alternative energy sources, rational use of natural resources in the cryolithozone, operation of buildings and structures in the cryolithozone, development of biotechnologies and medicine, as well as social sustainability of the population in the Arctic. The program unites 10 educational institutions, 19 scientific institutes and 18 industrial partners. In the context of a decrease in the level of import dependence and the achievement of technological sovereignty, such projects make it possible to draw

attention to domestic science and create new types of effective interaction within our country.

Keywords: science, technology, education, business, import substitution, cryolithozone, Arctic, environmental management, renewable energy, Yakutia

В июле 2021 года НОЦ «Север: территория устойчивого развития» одержал победу в конкурсном отборе НОЦ мирового уровня и получил поддержку Министерства образования и науки Российской Федерации. НОЦ «Север» – единственный НОЦ на Дальнем Востоке. Деятельность научно-образовательного центра ориентирована на динамичное развитие важных геостратегических территорий: Арктика, Дальний Восток и Азиатско-Тихоокеанский регион.

Реализация программы деятельности НОЦ «Север» осуществляется путем активизации научного и промышленного потенциала Республики Саха (Якутия), Чукотского автономного округа, Камчатского края, Магаданской и Сахалинской областей, что позволит сформировать эффективную структуру высокотехнологичной экономики, отвечающей большим вызовам научно-технологического развития мировой экономики в целом.

Деятельность центра отвечает положениям Указов Президента РФ:

– «Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» от 5 марта 2020 г. №164 [1];

– «О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока» от 26 июня 2020 года № 427 [2];

– «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21 июля 2020 года № 474 [3];

– «О стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» от 26 октября 2020 года № 645 [4].

Миссия центра – это ускорение трансфера технологий, знаний и кадров в различные отрасли экономики северных регионов на базе принципиально новых технологий, позволяющих существенно увеличить выпуск продукции, услуг и производительность труда. При этом особое внимание уделяется целям центра, таким, как: обеспечение технологических прорывов путем интеграции в мировую науку, создание экосистемы для реализации научных исследований и разработок, развития инновационной инфраструктуры, реализация новых механизмов внутренней кооперации науки, образования и бизнеса, устойчивое развитие Северо-Востока России, повышение качества жизни на основе социально-экономических эффектов.

В соответствии с программой НОЦ «Север» осуществляет следующие задачи:

– реализация передовых исследований и разработок мирового уровня по направлениям деятельности центра;

- создание условий для привлечения в центр и удержания высококвалифицированных специалистов в научно-технологической сфере, выявление перспективных молодых ученых и подготовка кадров;
- обновление научно-исследовательской базы и инфраструктуры;
- наращивание региональной инновационной системы и выход на глобальные технологические рынки.

На сегодняшний день программа НОЦ «Север» представлена 9 технологическими проектами, разделенными на 5 кластеров:

По направлению «Энергообеспечение и новые энергоносители» работы направлены на разработку технологий, позволяющих эффективно производить, транспортировать и использовать водород. Разрабатываемые технологические решения будут апробированы на пилотных территориях Северо-Востока России.

Проекты кластера «Рациональное природопользование в криолитозоне» направлены на создание технологических решений, обеспечивающих активное, безопасное и сбалансированное участие недропользователей в развитии Арктики.

Проекты по направлению «Технология хозяйственной деятельности в криолитозоне и новых материалов» направлены на решение инфраструктурных проблем, обусловленных точечным освоением территории и слабым транспортным покрытием территории Севера на рынке транспортных систем и новых материалов, глобальном рынке TechNet.

Завершают первые технологические решения проекты по направлению «Биотехнология, медицина и здравоохранение в Арктике», которые реализуются в целях повышения уровня здоровья и работоспособности коренного и пришлого населения, повышения адаптационных резервов человека.

В НОЦ «Север» особое внимание уделяется социально-гуманитарным аспектам. Реализуется проект «Технологии обеспечения социальной стабильности на Северо-Востоке России», направленный на повышение качества жизни населения северных регионов, эффективности государственных концепций, стратегий и программ по реализации миграционной политики и по привлечению населения на Северо-Восток России, поддержку коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, сохранение культурного и языкового наследия коренных народов России, формирование соответствующего информационного пространства, реализации корпоративной социальной ответственности.

За 2021 год в рамках реализации программы учеными, включенными в НОЦ, проведены исследования по направлениям обозначенных кластеров, признанных мировым экспертным сообществом. Опубликовано 479 статей в журналах, индексируемых в Scopus и Web of Science, 128 из которых это публикации в журналах Q1 и Q2.

За период работы НОЦ «Север» коллективы исследователей передали промышленным партнёрам 11 технологий для внедрения в производственные процессы:

- новые эластомерные материалы, прошедшие испытания в условиях эксплуатации в промышленности, создано микропредприятие (СВФУ, ООО «Фрипласт» (резидент Сколково)) для выхода на рынок;
- криохранилище семян (ИБПК СО РАН, г. Якутск);
- препарат «Бетукладин», внедрен в собственное производство (ИБПК СО РАН, г. Якутск);
- промышленная установка по разделению попутного нефтяного газа, введена в эксплуатацию на Царичанском месторождении, разработку которого ведет компания «Газпромнефть-Оренбург»;
- измерительные системы контроля температуры криолитозоны, внедрен в собственное производство (ИМЗ СО РАН, г. Якутск);
- электронная система научных лингвосоциологических исследований, внедрен в собственное производство (СВФУ, ИГИ ПМНС СО РАН, г. Якутск);
- эффективные способы биологической рекультивации и ремедиации нарушенных ландшафтов в условиях Севера, внедрен в собственное производство (НИИПЭС СВФУ, г. Якутск);
- партия уплотнительных колец КН 70 для пожарных рукавов на основе морозостойкой резины, внедрение в 1 пожарно-спасательную часть г. Якутска (СВФУ, г. Якутск);
- технологии переплава элементов горнодобывающей техники, внедрение в АО «Алмазы Анабара» (СВФУ, г. Якутск);
- база данных ГИС «Территории традиционного природопользования РС(Я)» в рамках формирования структуры и содержания базы данных качества жизни в районах проживания коренных малочисленных народов Севера в РС(Я) (СВФУ, ИГИ ПМНС СО РАН, г. Якутск);
- база многофункционального цифрового продукта «Машинный фонд языков и культуры коренных народов Якутии» для структурированного хранения, автоматического анализа и сопоставления, публичного использования материалов по культуре, истории и языку (СВФУ, г. Якутск, Институт системного программирования РАН, Москва). Получено 36 патентов на изобретения и полезные модели, из них 18 в области энергетики, 4 – рациональному природопользованию, 8 – новых материалов, 6 – биотехнологии. В целом участниками в рамках проектов НОЦ получены 98 охранных документов – кроме патентов это свидетельства на ЭВМ, базы данных.

В рамках деятельности программы НОЦ «Север» проходят обучение 830 иногородних и иностранных обучающихся по образовательным программам высшего образования. В организациях-участниках НОЦ «Север» создано 56 новых высокотехнологических рабочих мест, в том числе за счет новых объектов научной инфраструктуры, создаваемых в научных и научно-образовательных учреждениях.

В рамках технологических проектов НОЦ «Север» Северо-Восточным федеральным университетом имени М. К. Аммосова (г. Якутск) реализуются 15 прикладных проектов, ориентированных на внедрение в промышленность и в секторы экономики. Одним из них является проект «Эффективные способы

биологической рекультивации и ремедиации нарушенных ландшафтов в условиях Севера». Проект направлен на разработку адаптированных технологий восстановления техногенно нарушенных ландшафтов в условиях Арктики и Субарктики. Для выявления воздействия техногенных ландшафтов на окружающую среду изучена роль антропогенных факторов в формировании современного облика экосистем Арктических и Субарктических территорий. Реализация проекта позволит выделить из аборигенных видов растительный материал с высокой интродукционной устойчивостью к негативным факторам среды для биологической рекультивации и ландшафтного дизайна. Будет предложен эффективный способ биологического этапа рекультивации в условиях крайнего севера, разработан микробиологический биопрепарат для поддержания роста высших растений при биологической стадии рекультивации техногенно нарушенных земель.

Примером другого проекта НОЦ «Север» может выступать «Разработка метода скважиной гидродобычи на россыпных месторождениях Республики Саха (Якутия)». Проект направлен на разработку экономически эффективной энергосберегающей, экологически чистой комплексной технологии скважинной гидродобычи на россыпных месторождениях (золото, алмазы и т. д.). Суть инновации заключается в использовании в технологическом процессе новой технологии скважинной гидродобычи. При применении способа скважиной гидродобычи отсутствуют: вскрышные работы, это позволяет сохранить в целостности культурный слой почвы; взрывные, погрузочные работы и автомобильные откатки, исключаящие запыленность и загазованность атмосферы; ликвидируется тяжелый и вредный для здоровья людей труд. Все это, в конечном итоге, приводит к снижению финансовых материальных затрат на отработку месторождения.

Проект «Разработка эластомерных материалов с высокой износостойкостью и стойкостью к агрессивным средам для технологического горного оборудования» направлен на решение проблемы машиностроения и полимерного материаловедения, связанной с адаптацией перспективных каучуков специального назначения к применению в технологическом горном оборудовании, например, в подшипниковых узлах высоконапорных секционных насосов, а также созданием на их основе материалов с повышенным комплексом технических характеристик, эксплуатирующихся в условиях агрессивных сред, высоких скоростей, давлений и холодного резко-континентального климата.

Ряд проектов направлены на разработку противоопухолевой вакцины на основе аутологичных дендритных клеток человека. Реализация данного проекта должна обеспечивать внедрение в практику клеточных технологий, молекулярно-генетических исследований, подготовку специалистов, создание работающих регистров пациентов, куда заносятся все случаи онкологических заболеваний и оценивается эффективность лечения. Цель проекта – разработка и внедрение технологии приготовления противоопухолевой вакцины на основе аутологичных дендритных клеток при раке молочной железы.

Целью проекта «Прецизионные методы ДНК-диагностики наследственных и мультифакториальных заболеваний» является разработка и внедрение передовых медицинских услуг в области медицинской генетики с использованием инновационных технологий диагностики наследственных и наследственно-предрасположенных заболеваний, с учетом этнических особенностей генофонда популяций Арктики и Субарктики на основе молекулярных методов и биологических микрочипов. Будет разработан и внедрен новый способ ДНК-диагностики моногенных и мультифакториальных заболеваний с применением методов молекулярной диагностики и биочиповой технологии.

Проект «Разработка технологий создания новых полимерных нанокомпозитных материалов с управляемыми свойствами для Арктики и их комплексное исследование» направлен на решение фундаментальной проблемы, связанной с разработкой полимерных нанокомпозитов герметизирующего и антифрикционного назначения для уплотнений подвижных сопряжений гидро- и пневмостем арктической техники, работоспособных в широком диапазоне эксплуатационных воздействий и температур в различных, в т. ч. агрессивных средах. Проект предусматривает системное экспериментальное и теоретическое исследование вязкоупругих и термомеханических свойств, созданных ПКМ и моделирование их поведения методами механики деформируемого твердого тела и молекулярной динамики на основе проведения серий испытаний образцов материалов по типовым и специально разработанным программам нагружений.

По проекту «Устойчивость и эксплуатационная безопасность зданий и инженерных сооружений в экстремальных условиях природных и техногенных факторов в криолитозоне» необходима активная научно-исследовательская деятельность на получение следующих результатов: технология и технические средства для строительства и эксплуатации геотехнических систем в Северных регионах, методы оценки технического состояния и прогноза ресурса систем трубопроводного транспорта производственных объектов Арктики и Севера России, технология усиления несущей способности и сроков эксплуатации естественных ледовых покрытий для дорожной инфраструктуры Республики Саха (Якутия).

В проекте «Новые способы детекции и технологии профилактики нарушений микробиоты кишечника» планируется выявить ключевые особенности микробиоты, влияющие на формирование здоровья коренного и пришлого населения Севера. В проекте будет оценена адаптационная роль микробиома в сохранения гомеостаза как у коренного, так и у пришлого населения, не имеющих эволюционных приспособительных механизмов. Будут охарактеризованы функциональные резервы организма в группах населения с разным сроком проживания на Севере и разработаны критерии отбора кандидатов для работы и проживания в условиях арктического региона. Будут изучены взаимосвязи микробиоты кишечника с различными заболеваниями, разработаны перспективные подходы персонифицированной медицины на основе особенностей метабенома населения Северо-Востока России.

Новый проект, «Умная» одежда для Севера на основе углеродных наноматериалов» включен в программу НОЦ «Север» с 2022 года. Проект направлен на разработку технологии получения графеновых материалов из природного якутского графита для получения электронного текстиля. Основной научной проблемой является недостаточная электропроводность электронного текстиля на основе оксида графена, а также его малая механохимическая стойкость. Научно-технологической задачей является реализация восстановления оксида графена, без потери его адгезии к волокнам ткани, что позволит создавать одежду с электрическим подогревом и встроенными сенсорами для условий Крайнего Севера.

Проект «Разработка эквивалентов кожи с использованием культивированных фибробластов и биорезорбируемой матрицы» подразумевает разработку нового биodeградируемого материала на основе полилактида и его сополимеров для создания матрицы дермальных эквивалентов с улучшенной совместимостью с тканями организма позволит осуществлять однократное нанесение матрицы на пораженные участки кожи без повторных обработок по сравнению с аналогами, и безрубцовое заживление кожных тканей организма.

Проектными группами, созданными НОЦ «Север», в коллаборации с учеными, университетами и институтами выполняются технологические проекты с большим потенциалом для промышленности. Так, в 2021 году введена в эксплуатацию промышленная установка по разделению попутного нефтяного газа, созданы новые материалы для использования при строительстве и прокладке дорог на арктических территориях, промышленная установка по разделению попутного нефтяного газа, которая была введена в эксплуатацию на Царичанском месторождении.

Отмечается, что оборудование позволит снизить углеродный след за счет повышения эффективности подготовки ПНГ: применение только одной установки позволит ежегодно извлекать из попутного нефтяного газа до 5,2 тысяч тонн стабильного газового конденсата, а также на 7% сократит выбросы CO₂ на объектах подготовки нефти и газа.

Произведена разработка композитных полимерных материалов успешно прошедших испытания в промышленных условиях эксплуатации. Проведены испытания запорного клапана DN 25 на регулятор давления газа РД 149 на базе АО «Сахатранснефтегаз». Ресурс работы опытного образца составил 6 744 часов (281 день), образец годен для дальнейшей эксплуатации. Внедрены в эксплуатацию резиновые полумуфты на центробежный насос марки Д 1250/63 в АО «Водоканал». Резиновые уплотнители из разработанных материалов, были установлены на хлоратор Advance. Время работы превысило в 2 раза по сравнению со штатными изделиями.

Зарегистрирована и выпущена партия препарата «Бетукладин» на основе местного растительного сырья. Организовано производство уникальных биопрепаратов из растительного, животного и природного микробиологического северного сырья с адаптогенным, иммуномодуляторным, актопротекторным, детоксикационным, радиопротекторным, антибактериальным, противовирус-

ным и иными направлениями. В общей сложности медицинским учреждениям Якутии, населению передано за период с 1 сентября 2020 г. по октябрь 2021 г. более 4000 доз биопрепарата. В октябре 2021 года заключено Соглашение с крупным индустриальным партнёром об организации в 2022 году в России промышленного производства БАД «Бетукладин» с планируемым объемом производства более 5 миллионов доз/год в 2023 году.

Разработаны технологии обеспечения надежности сварных конструкций и узлов техники при эксплуатации в экстремальных климатических условиях Севера и Арктики, управлением напряженного состояния сварных соединений путём модифицирования сварочно-наплавочных материалов редкоземельными элементами и разработки новых хладостойких сплавов из железных руд. Предложен и экспериментально подтвержден новый подход к получению высокоэффективных алмазосодержащих матриц с использованием явления контактного эвтектического плавления в межфазной зоне железо-углерод, что позволяет заменить в технологиях твердофазного спекания с пропиткой легкоплавкие металлы типа меди на более твердые железоуглеродистые сплавы.

Особое внимание уделяется проблеме привлечения молодых кадров в науку по тематикам, связанным с Арктикой – на текущий момент в рамках деятельности НОЦ созданы 6 молодежных лабораторий, 3 из них на базе СВФУ.

С учетом современных тенденций особое внимание в работе Центра уделяется импортозамещающим технологиям, среди которых: измерительные системы контроля температуры криолитозоны «СКТК-02». Система предназначена для многоточечных измерений температуры в мерзлых, промерзающих и протаивающих грунтах при строительстве и ремонте зданий и сооружений в условиях низких температур. Системы термо и инклинометрического контроля оснований сооружений, горных карьеров, шахт и плотин; измерительные технологии, используемые для определения формы и для контроля оснований зданий и сооружений, строящихся на промерзающих и протаивающих грунтах, а также на неровных горных поверхностях; криохранилище семян растений – технология длительного сохранения семян растений, которые могут исчезнуть или поддаться серьезной генетической эрозии; эквивалент кожи основанный на фибробластах и биорезобрируемой матрице; технология для использования при пересадке кожи после термических ожогов и обморожений; промышленная малотоннажная установка по извлечению гелия. Спроектирован и изготовлен экспериментальный стенд, позволяющий моделировать различные режимы работы газоразделительных установок в диапазоне рабочих давлений до 16 МПа для исследования влияния многократного циклического нагружения давлением на ресурс и сорбционные характеристики композитного сорбента с микросферами селективно проницаемыми для гелия в качестве наполнителя и псевдобемита.

Проект «Умная одежда», в ходе которого производится разработка и производство ткани, обладающей высокой электропроводностью на основе графена для одежды с электрическим подогревом и устройствами мониторинга жизненных показателей для условий Севера.

С 2022 года начал свою работу Межрегиональный проектный офис НОЦ «Север» в г.Москве, имеющий представительство в каждом из регионов-участников НОЦ «Север». В его функционал входят: взаимодействие с органами власти, заказчиками, партнерами, подготовка инвестиционных заявок; организация проектной деятельности; сбор данных и отчетность; технологический брокеридж: поиск научных разработок или технологических решений, соответствующих потребностям заказчика и экономики регионов; поиск заказчика для научных организаций; сопровождение процесса взаимодействия; управление процессом выполнения проектов; постпроектное сопровождение; поиск ресурсов для реализации проектов; подготовка заявок на инвестиции в НИОКР на уровне TRL1; аналитические исследования, маркетинг, оформление патентов; привлечение промышленных партнеров с возможностью софинансирования.

В заключении стоит сказать, что сложившаяся ситуация в мире создает уникальные возможности объединения науки, власти и бизнеса для развития геостратегических территорий Российской Федерации и существенно влияет на международные экономические и политические процессы.

В целом, учитывая все обстоятельства, в настоящее время НОЦ «Север» выстраивает гибкие условия для прямой коммуникации ученых и бизнеса и всестороннюю поддержку технологических проектов для Северо-Востока России.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. №164 «Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» (<http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255>).

2. Указ Президента Российской Федерации от 26 июня 2020 года № 427 «О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока».

3. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

4. Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 года № 645 «О стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года».

**Об отдельных вопросах правовой политики
Республики Саха (Якутия) в сфере науки**

**On certain issues of the legal policy of the Republic
of Sakha (Yakutia) in the field of science**

Гоголев Петр Васильевич

Доктор юридических наук

Председатель Конституционного совета Республики Саха (Якутия)

*Профессор кафедры конституционного и муниципального права
юридического факультета*

*Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова
г. Якутск, Российская Федерация*

Gogolev Petr Vasilyevich

Doctor of Law

Chairman of the Constitutional Council of the Republic of Sakha (Yakutia)

Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

Yakutsk, Russian Federation

Аннотация: рассмотрены вопросы совершенствования правовых основ регионального законодательства Республики Саха (Якутия) в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности. Признана необходимость совершенствования республиканского законодательства и на его основе систематизация вопросов управления и координации в сфере научной деятельности.

Ключевые слова: Республика Саха (Якутия), государственная научная политика, региональное законодательство, поддержка молодых ученых

Abstract: the issues of improvement of the legal basis of the regional legislation of the Republic of Sakha (Yakutia) in the sphere of scientific, scientific and technical and innovative activity are considered. The need to improve the republican legislation and on its basis systematization of issues of management and coordination in the sphere of scientific activity is recognized.

Keywords: Republic of Sakha (Yakutia), state scientific policy, regional legislation, support for young scientists

Сегодня в повестке нашей работы весьма интересная в плане постановки тема об организационных проблемах научной деятельности, влияющих на правовую политику государства в сфере науки, в том числе с географической привязкой к Сибири. Формат мероприятия предполагает не только констатацию результатов за определенный период, но и оценку деятельности, «сверку часов» с текущими задачами и тенденциями общественно-политического, социально-экономического развития Сибирского региона, с задачами государственной по-

литики. Свое выступление посвящу реализации правовой политики в Республике Саха (Якутия).

Сохранение, преумножение и эффективная реализация научно-технического потенциала страны и ее регионов является общей задачей всех субъектов научной, научно-технической и инновационной деятельности. В первую очередь, органов государственной власти и научных организаций.

Необходимо отметить усилия государства по развитию науки в последние годы, как на федеральном, так и на региональном уровне. Один из 12-ти национальных проектов посвящен науке. В рамках данного нацпроекта впервые субъектам Российской Федерации предоставлена роль активного участника и инициатора проектов по развитию науки. В Республике Саха (Якутия) органами государственной власти выделены бюджетные средства для финансирования программы комплексных научных исследований в республике, утверждена самостоятельная государственная программа «Научно-технологическое развитие Республики Саха (Якутия) на 2020–2024 годы».

И это закономерно, так как Республика Саха (Якутия) является одним из крупнейших научно-образовательных и интеллектуальных центров Дальнего Востока России. В научных учреждениях и образовательных организациях работают всего 1192 ученых, из них 447 молодых ученых.

Напомню, что прошлый год был объявлен Годом науки и технологий в Российской Федерации. Одной из его задач была популяризация научной деятельности, в том числе привлечение талантливой молодежи. Как показывает итоговая статистика Года науки и технологий, проведено свыше 5,5 тысяч мероприятий, которыми охвачено свыше 11 миллионов человек.

По информации Министерства образования и науки Республики Саха (Якутия), в Год науки и технологий силами научного сообщества были проведены 243 мероприятия. Охвачены различные тематические направления: климат и экология, новая медицина, генетика и качество жизни, освоение космоса, энергетика будущего, обеспечение безопасности: новые вызовы и угрозы, производственные технологии и материалы, искусственный интеллект и другие. Состоялись 77 мастер-классов, 69 лекций, 32 экскурсии, 21 кинопоказ, 13 вебинаров, 10 квестов, 7 викторин, 7 конкурсов и другие.

Серьезное внимание было уделено совершенствованию правовых основ в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности. Вместе с тем, необходимо отметить, что подготовительная работа была начата еще в 2020 году.

В декабре 2020 года Государственное Собрание (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) провело парламентские слушания «О развитии научно-технического потенциала Республики Саха (Якутия)», на которых были комплексно рассмотрены проблемы сохранения и направления развития научного потенциала, даны рекомендации по активизации участия Республики Саха (Якутия) в национальном проекте «Наука».

В марте 2021 года в парламенте был проведен круглый стол «О поддержке молодых ученых в Республике Саха (Якутия)», на котором рассмотрены со-

циальные и инфраструктурные меры поддержки молодых ученых и специалистов, вопросы финансирования подготовки, развития и закрепления научных кадров в научных и научно-образовательных учреждениях республики.

Основной лейтмотив, прозвучавший на обоих мероприятиях, – необходимость совершенствования республиканского законодательства и на его основе систематизация вопросов управления и координации в сфере научной деятельности.

В Республике Саха (Якутия) важнейшим нормативным актом в сфере предмета нашего интереса является Закон от 15 апреля 2004 года «О науке и государственной научно-технической политике» [3]. Предмет данного закона – общественные отношения, участниками которой выступают субъекты научной, научно-технической, инновационной деятельности, органы государственной власти, потребители научной и научно-технической продукции и услуг, заказчики соответствующих работ.

В течение 2021 года в данный республиканский закон дважды вносились изменения. Коротко о предпосылках данных изменений. Как правило, изменения в республиканском законодательстве либо продиктованы изменением федеральных законодательных актов, либо, условно говоря, качественным изменением регулирования в рамках собственных нормотворческих полномочий.

Не останавливаясь на приведении в соответствие республиканского законодательства, кратко остановлюсь только на качественных изменениях, прежде всего, касающихся решения организационных проблем развития научной деятельности в Республике Саха (Якутия). 15 апреля 2021 года, будучи председателем регионального парламента, на общем собрании Академии наук Республики Саха (Якутия) в достаточно резкой форме подверг критике ее руководство, в том числе за пассивность в совершенствовании законодательства, повышении эффективности института действительных членов Академии наук в части выработки научного обоснования общественно-политического и социально-экономического развития в современных условиях, развитии научных школ и подготовки научных кадров, а также определил необходимые направления развития законодательных гарантий статуса Академии и возможность возврата утраченного статуса как высшей научной организации, координирующей научно-техническую деятельность. Так, впоследствии общими усилиями депутатского корпуса и научных учреждений внесены изменения в законодательство, достаточно серьезным образом изменившие правовую политику в сфере научной деятельности.

Был разработан проект закона Республики Саха (Якутия) «О внесении изменений в Закон Республики Саха (Якутия) «О науке и государственной научно-технической политике» (далее – проект закона Республики Саха (Якутия)). Цель – дальнейшее развитие научного-технического потенциала Республики Саха (Якутия), формирование системы координации научной деятельности между ключевыми ее участниками посредством усиления роли Академии наук Республики Саха (Якутия) как высшей научной организации.

Изменения коснулись двух важных положений. Дополнена статья 4 Закона Республики Саха (Якутия) «О науке и государственной научно-технической политике», устанавливающей общие положения о субъектах научной и (или) научно-технической деятельности, новой частью о координационном и совещательном совете по вопросам высшего образования, действующим при Главе Республики Саха (Якутия).

Статью 9 Закона Республики Саха (Якутия) «О науке и государственной научно-технической политике» изложили в новой редакции с учетом следующих основных изменений:

– законодательное закрепление статуса Академии наук Республики Саха (Якутия) как высшей научной организации Республики Саха (Якутия). Указанный статус был еще определен при создании Академии наук Республики Саха (Якутия) Указом Президента Республики Саха (Якутия) от 20 декабря 1993 года № 652 «Об учреждении Академии наук Республики Саха (Якутия)» [5], но в рамках пертурбаций были исключены соответствующие полномочия;

– уточнение перечня основных направлений деятельности Академии наук Республики Саха (Якутия) для эффективного обеспечения научного сопровождения социально-экономического, духовного и культурного развития Республики Саха (Якутия);

– законодательное закрепление института советников Академии наук Республики Саха (Якутия), созданного распоряжением Президента Республики Саха (Якутия) от 03 июня 2003 года № 164-РП «О советнике Академии наук Республики Саха (Якутия)». Порядок и условия назначения советников Академии наук Республики Саха (Якутия), а также их права и обязанности регламентированы Положением о советнике Академии наук Республики Саха (Якутия), утвержденным Указом Главы Республики Саха (Якутия) от 27 октября 2020 года № 1482.

Кроме того, уточнен статус руководителя научной организации, закреплена его ответственность за руководство научной, научно-технической, организационно-хозяйственной деятельностью научной организации, а также за реализацию программы или плана развития научной организации. Корректировка коснулась полномочий ученых (научных, научно-технических) советов научных организаций по разработке и утверждению планов научных работ, программ или планов развития государственных и муниципальных научных организаций.

С учетом положений Федерального закона от 13 июля 2015 № 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» [1] в части совершенствования финансовых инструментов и механизмов поддержки научной и научно-технической деятельности в Российской Федерации» в новой редакции изложена статья 19 «Финансовое обеспечение научной, научно-технической, инновационной деятельности». В статье уточнены возможные источники финансирования научной, научно-технической, инновационной деятельности (наряду с Российской Федерацией и Республикой Саха (Якутия) могут быть муниципальные образования, физические и (или) юридические лица). Кроме того, закреплён статус фондов под-

держки научной, научно-технической, инновационной деятельности, которые могут создаваться в целях финансового обеспечения научной, научно-технической, инновационной деятельности.

Изменение отношения к научным учреждениям, приведшая к пересмотру правовой политики в сфере научной деятельности, непосредственно отразилось также на активизации взаимодействия академических структур с органами государственной власти, расширения направлений финансирования. Так, Указом Главы РС (Я) «О грантах Главы Республики Саха (Якутия) молодым ученым, специалистам и студентам Республики Саха (Якутия)» от 12 августа 2021 года № 2018 [4] учреждены ежегодные 10 грантов Главы Республики Саха (Якутия) на реализацию научных и научно-технических проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития Российской Федерации в размере 500 000 (пятьсот тысяч) рублей каждый. Предоставление грантов производится, начиная с 2022 года.

Постановлением Правительства Республики Саха (Якутия) «Об утверждении порядка предоставления грантов в форме субсидий из государственного бюджета Республики Саха (Якутия) социально ориентированным некоммерческим организациям, осуществляющим реализацию программ по поддержке молодых ученых Республики Саха (Якутия)» от 29 ноября 2021 года № 495 [2] учреждены ежегодные гранты в форме субсидий в размере 5 000 000 (пять миллионов) рублей социально ориентированным некоммерческим организациям, осуществляющим реализацию программ по поддержке молодых ученых Республики Саха (Якутия).

Таким образом, как показывает практика, совершенствование законодательства в сфере научной деятельности, направленная на создание единого координирующего и управляющего центра научной, научно-технической и инновационной деятельности, способствует значительной их активизации, усилению трансфера технологий, знаний и кадров в различные отрасли экономики, разработке принципиально новых технологий, позволяющих существенно увеличить выпуск продукции, услуг и производительность труда, в том числе данное можно наблюдать при реализации таких крупнейших научных проектов, как Научно-образовательный центра «Север: территория устойчивого развития» и II этап комплексных научных исследований с прогнозируемыми объемами финансирования более чем в 56,1 миллиардов рублей.

Список литературы

1. Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4396.
2. Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 19.04.2022 № 232 «О внесении изменений в постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 29 ноября 2021 г. № 495 "Об утверждении порядка предоставления грантов в форме субсидий из государственного бюджета Республики Саха (Якутия) социально ориентированным некоммерческим организациям, осуществляющим реализацию программ по поддержке молодых ученых Республики Саха (Якутия)" и признании утратившим силу постановления Правительства

Республики Саха (Якутия) от 23 декабря 2021 г. № 539 "Об утверждении порядка предоставления из государственного бюджета Республики Саха (Якутия) грантов в форме субсидий по результатам региональных конкурсов проектов фундаментальных научных исследований, проводимых Российским фондом фундаментальных исследований и Республикой Саха (Якутия)"» URL:<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1400202204210003?rangeSize=50>. Дата обращения 03.12.2021.

3. Якутские ведомости. 2004. № 30. 13 мая.

4. Якутские ведомости. 2021. № 31. 19 августа.

5. Республика Саха. 1993. № 248. 25 декабря.

**Правовая политика в сфере аграрных отношений в Сибири:
состояние, проблемы, перспективы инновационной деятельности и науки**

**Legal policy in the field of agrarian relations in Siberia:
state, problems, prospects for innovation and science**

Дюсюпова Алмагуль Дауткановна

кандидат юридических наук

доцент кафедры теории и

истории государства и права

Московский гуманитарный университет

член Российской Ассоциации международного права

Москва, Российская Федерация

alma_23@mail.ru

Dyusyupova Almagul Daytkanovna

Ph.D. in Law, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of

Theory and History of State and Law

Moscow University for the Humanities

member of the Russian Association of International Law

Moscow, Russian Federation

alma_23@mail.ru

Аннотация: вопрос модернизации производства на основе технологических инноваций в аграрной сфере является более сложным, чем в других отраслях экономики. Основным документом, определяющим государственную политику в сфере инноваций, является Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г., реализация которой призвана качественно изменить структуру экономики страны. Стратегия предусматривает активную интеграцию сельскохозяйственного производства России в мировое хозяйство. Сдерживающими факторами инновационного развития сельского хозяйства Сибири являются медленные темпы внедрения в АПК достижений аграрной науки и передового опыта.

Ключевые слова: инновационное развитие сельского хозяйства, модернизации производства, аграрная политика Российской Федерации, сельское хозяйство Сибири

Abstract: the issue of production modernization based on technological innovations in the agricultural sector is more complex than in other sectors of the economy. The main document that determines the state policy in the field of innovation is the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation for the period up to 2030, the implementation of which is designed to qualitatively

change the structure of the country's economy. The strategy provides for the active integration of Russian agricultural production into the world economy. Restraining factors for the innovative development of agriculture in Siberia are the slow pace of implementation of the achievements of agricultural science and best practices in the agro-industrial complex.

Keywords: innovative development of agriculture, modernization of production, agrarian policy of the Russian Federation, agriculture of Siberia

В последние два десятилетия идет активное переосмысление роли государства в экономическом развитии земельного и аграрного правопорядка и выявлении тех тенденций, которые будут определять его место в обществе XXI века. Юридическая наука в Российской Федерации переживают сегодня новый этап. Вполне закономерно, что в рамках правовой науки ведутся исследования, посвященные этой важной и многогранной теме. Место государства в регулировании земельных и аграрных правоотношений подвергается в связи с проводимыми в стране рыночными реформами постоянному обсуждению.

Сельское хозяйство в Российской Федерации является важнейшим ресурсом страны. Аграрный сектор обладает мощным природным, демографическим, экономическим и историко-культурным потенциалом, который при более полном, рациональном и эффективном использовании может обеспечить устойчивое многоотраслевое развитие, полную занятость, высокий уровень и качество жизни сельского населения.

Поддержка сельскохозяйственной отрасли является одним из важных направлений государственной политики Российской Федерации. Вопрос модернизации производства на основе технологических инноваций в аграрной сфере оказался более сложным, чем в других отраслях экономики.

Аграрный сектор характеризуется высокой капиталоемкостью, длительным сроком окупаемости, низкой прибыльностью, зависимостью от природно-климатических условий, что делает сельское хозяйство менее конкурентоспособным по сравнению с другими отраслями народного хозяйства

Приоритеты и перспективы научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года отражены в принятой Стратегии [5]. Переход к высокопродуктивному и экологически чистому аграрному хозяйству, разработку и внедрение систем рационального применения средств химической и биологической защиты сельскохозяйственных растений и животных, хранение и эффективную переработку сельскохозяйственной продукции, создание безопасных и качественных, в том числе функциональных, продуктов питания – это приоритетные звенья взаимосвязанной цепи формирования высокоэффективной, агропродовольственной системы страны.

Государственная научно-техническая политика с 1991 года прошла два значимых этапа: а) первый этап (1991–2001 годы) – этап кризисной оптимизации и адаптации к рыночной экономике, основной стратегической целью которого было сохранение научно-технологического потенциала страны, формирование новых институциональных механизмов поддержки развития науки и тех-

нологий, адресное финансирование ведущих научных организаций, создание условий для международной кооперации;

б) второй этап (с начала 2000-х годов и по настоящее время) – этап перехода России к инновационной экономике, который сопровождался существенным увеличением объема финансирования науки [2].

Современное сельское хозяйство России представляет собой сочетание передовых и устаревших технологий, низкую конкурентоспособность, дефицит финансовых ресурсов, медленные темпы внедрения в аграрное производство достижений науки и передового опыта.

В этой связи, в «процессе инновационной деятельности надо учитывать специфику сельского хозяйства, где воспроизводство основано на использовании земли, растений и животных, на обеспечении единства техники и биологии, экономики и экологии. Здесь инновационная деятельность должна быть направлена на обеспечение эффективного экономического роста на основе использования интенсивных ресурсосберегающих технологий производства агропродукции, биологизации и экологизации производственных процессов, сохранение почвенного плодородия и других природных ресурсов.

Поэтому в сельском хозяйстве наряду с традиционными направлениями инновационной деятельности (технологическими, организационными, социальными) используются селекционно-генетические, мелиоративно-экологические и биотехнологические направления, предусматривающие создание новых высокопродуктивных и устойчивых к внешней среде сортов и гибридов сельскохозяйственных растений и пород животных, применение ресурсосберегающих и экологически чистых технологий обработки почвы и производства агропродукции, создание биологических средств для защиты животных и растений, а также биологической продукции для нужд перерабатывающей промышленности АПК» [3, С. 2].

Правовая политика в сфере аграрных отношений в Сибири направлена на решения крупных экономических проблем, среди которых значительное место занимает ускоренное развитие сельского хозяйства. Это связано как с необходимостью создания собственной устойчивой продовольственной базы, так и с усилением межрегионального обмена сельхозпродукцией для обеспечения населения продуктами питания.

Земельные ресурсы Сибири занимают 19,9% территории страны, где проживает 13,4% всего населения. В Сибирском федеральном округе сосредоточено сельхозугодий – 23,9%, пашни – 19,4%, естественных кормовых угодий – 30,8% от их общих объемов по стране. В расчете на душу населения приходится 1,2 га пашни, что на 50% больше чем по стране, и 4,0 га естественных сенокосов и пастбищ на условную голову скота (без свиней и птицы). В округе имеются все условия для успешного развития растениеводства и животноводства [4, с. 195].

Отметим, что рыночные отношения, складывающиеся в аграрном секторе Сибири сегодня, еще далеки от идеала и требуют дальнейшей разработки и совершенствования. Особенно в части регламентации правового положения мно-

гообразных форм собственности и различных организационно-правовых форм хозяйствования, включая и индивидуальное предпринимательство.

Чтобы понять сегодняшний день, необходимо оглянуться назад. Современные реформы, проводимые в России с конца 1980-х гг., часто сравнивают с аграрными преобразованиями Российского государства начала XX века. Приведем яркий пример из истории сельскохозяйственного освоения Сибири в середине XIX – начале XX в. «Показательно, что катализатором капиталистических отношений в Сибири стала Транссибирская магистраль, резко увеличившая масштабы переселенческой политики. Со строительством дороги масса крестьян Европейской России в поисках лучшей жизни устремилась в восточные районы страны. В 1895–1899 гг. в Сибирь ушло 675 670 переселенцев, а в начале XX века (1900–1914 гг.) – более 3,5 млн. человек.

Приток переселенцев в Сибирь способствовал увеличению площади обрабатываемых земель, росту сельскохозяйственного производства, резкому повышению товарности зернового хозяйства и скотоводства, развитию торговли. Так, под посевами зерновых в Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях, Акмолинской и Семипалатинской областях в 1906 году было занято 2,6 млн. десятин, а в 1908 г. – 6,08 млн. десятин. С указанных площадей было собрано в 1906 году – свыше 135,3 млн. пудов хлеба, а в 1908 году – 154,1 млн. пудов хлеба. Томская губерния по количеству засеваемых площадей занимала первое место в Сибири. Развитие капитализма в Сибири содействовало также быстрому росту городов и городского населения» [1, с.170].

Вопросы освоения новых территорий, организации на них эффективной хозяйственной жизни сохраняют свою актуальность и в условиях современных глобальных трансформаций. И в этом отношении историко-правовой опыт Российской империи как никогда востребован, в частности, по вопросам аренды сельскохозяйственных угодий и ценообразования при закупках продукции.

Негативные тенденции в сельской экономике и социальной сфере села ошибочно относить за счет самой реформы и рынка. В переходный период, когда исправляются деформации прежней системы, эти тенденции в определенных пределах неизбежны, объективны, причем во многом они связаны с распадом СССР и разрушением единого экономического пространства с его устоявшимися межреспубликанскими и взаимными поставками. В остальном «виновата» не реформа, не рынок, а то, как осуществляется реформа, как производители овладевают рыночным механизмом, как государство регулирует рынок и осуществляет целевую протекционистскую поддержку села.

Таким образом, государственное регулирование сельского хозяйства не может осуществляться вне права, вне регулирующего воздействия правовых норм, поскольку только упорядоченная, подчиненная неукоснительному соблюдению установленных государством правил деятельность управомоченных органов, может обеспечить продовольствием население страны. Вместе с тем, сами по себе правовые нормы без механизма их реализации не могут решить те задачи, которые стоят перед производителями сельскохозяйственной продукции. Необходима организующая воля государ-

ства, реализуемая через механизм управления, основой которого является право. Сельское хозяйство – одна из сложных и жизненно важных отраслей народного хозяйства страны. От его успешного развития зависят обеспечение продовольствием населения, легкой и пищевой промышленности – сырьем, а в конечном счете – продовольственная безопасность государства.

Приоритеты государственной политики России в сфере агропромышленного комплекса определены Государственной программой [2] развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2025 годы, предусматривающей комплексное развитие агропромышленного комплекса с учетом вступления России в ВТО.

Изменение земельного строя страны, законодательное закрепление частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения, становление и развитие новых организационно-правовых форм аграрного предпринимательства, введение рыночных экономических рычагов в регулировании аграрного производства свидетельствуют о качественных изменениях в содержании аграрных правоотношений, что объективно привело к усилению диспозитивного (частного) начал в их правовом регулировании. Все это позволяет утверждать о трансформации аграрного права в условиях рынка из сугубо публичной отрасли в частно-публичную отрасль права.

В сельском хозяйстве Сибири еще сохраняются серьезные проблемы, главными из которых являются высокая степень зависимости аграрного рынка от импорта, что негативно сказывается на продовольственной безопасности, низкий уровень конкурентоспособности конечной продукции, неэффективное использование бюджетных средств, направляемых на развитие аграрного сектора экономики.

Также сохраняется тенденция сокращения объемов поставок новой техники, минеральных удобрений, пестицидов, комбикормов, высокобелковых добавок и других ресурсов. Не отработан единый государственный механизм экономических взаимоотношений предприятий – смежников, а также поставщиков и потребителей машин, что приводит к снижению их качества, нарушению комплектности, отсутствию гарантий обеспечения запасными частями и технического сервиса машин. В результате созданный производственный и научно-технический потенциал отрасли сельскохозяйственного машиностроения используют лишь на 10–15%.

Сохраняется проблема научно-технического обеспечения АПК и приоритетные направления прикладных научных исследований Сибири: вследствие неудовлетворенного состояния финансирования науки происходит снижение научного потенциала аграрной сферы. На низком уровне находится производство наукоемких видов продукции, определяющих технический и технологический уровень отрасли. Негативные процессы затронули как фундаментальную и прикладную науки, так и внедрение достижений научно-технического прогресса.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. 1 декабря 2016 года № 642. СПС «Консультант Плюс».

2. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2012 г. № 717 (в нов. ред. Постановления Правительства Российской Федерации от 08.02.2019 № 98). СПС «Консультант Плюс».

3. Соломаха С. И. Инновационная аграрная политика как основа устойчивого развития предприятий АПК // Концепт. — 2019. — № 3. С.1–6.

4. Тю Л. В., Шавша Н. А. Государственная поддержка инвестиционной деятельности в сельском хозяйстве Сибири // Вестник НГАУ, 2018. № 2. С. 194–199

5. Дюсюпова А. Д. Аграрные отношения в России второй половины XIX – начала XX века: право и политика: монография / под ред. докт. юрид. наук, профессора Н. А. Власенко. — М. : Юрлитинформ, 2022. — 216 с.

Из истории сибирской науки: юриспруденция в лицах

From the history of Siberian science: jurisprudence in persons

Милинчук Дарья Сергеевна

PhD, кандидат юридических наук

заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин

Институт экономики и культуры

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

Московского гуманитарного университета

г. Москва, РФ

dmilinchuk@hotmail.com

Milinchuk Daria Sergeevna

PhD in Law,

Head of the Department of Civil Law Disciplines

Institute of Economics and Culture

Associate Professor

of the Department of State and Legal Disciplines

Moscow University for the Humanities

Moscow, Russia

dmilinchuk@hotmail.com

Аннотация: Сибирь подарила миру юриспруденции многих замечательных юристов. Многие из них продолжили свою деятельность в научных правовых школах иных городов. Однако же немало из них и сумели основать прославленные научные правовые школы и в своих родных городах. В статье делается обзор биографий ученых, которые родились в Сибири, получили там образование и начали свои научные изыскания в сибирских городах. Научная правовая школа Сибири развивает концепции современных юридических доктрин. В статье представлены основные научные достижения и результаты, которые, в целом, являются гордостью российской юридической науки.

Ключевые слова: юриспруденция, правовая наука, правовец, сибирская научная школа.

Abstract: Siberia has given the world of jurisprudence many wonderful lawyers. Many of them has continued their activities in scientific law schools in other cities. However, many of them has founded famous scientific law schools in their hometowns. The article reviews the biographies of scientists who were born in Siberia, educated there and began their scientific research in Siberian cities. The Scientific Legal School of Siberia develops the concepts of modern legal doctrines. The article presents the main scientific achievements and results, which are the pride of Russian legal science.

Keywords: jurisprudence, legal science, jurist, Siberian scientific school.

Современное юридическое знание практически не уделяет внимание новым научным школам, которые развиваются в нашей стране. Если научные правовые доктрины советского периода широко известны и цитируются практически в каждой как отраслевой, так и теоретической работе, то современных исследователей знает достаточно узкий круг ученых, которые занимаются тематическими исследованиями.

В этой связи мы полагаем, что было бы не лишним сделать обзор исследований и научных достижений ученых, которые сформировали правовую школу Сибири.

Так, одной из известнейших является *иркутская научная школа криминалистики*, основателем которой являлся Владимир Иванович Шиканов. Профессор В. И. Шиканов занимался исследованием проблем использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве и роли криминалистического моделирования в расследовании преступлений [10], разработал теоретические основы тактических операций в криминалистике [11].

Сегодня дело Владимира Ивановича продолжают его ученики, в частности Ю. П. Гармаев и Д. А. Степаненко. К основным результатам иркутской научной школы криминалистики можно отнести разработку тактики обвинения и защиты в уголовном процессе [1], а также исследование произведения психологических [5] и психофизиологических экспертиз в уголовном судопроизводстве [6].

Еще одним ярким представителем иркутской правовой школы является Николай Игнатьевич Трофимов. Ученый посвятил свою научную деятельность изучению проблем уголовно-правовой охраны духовного и физического развития несовершеннолетних [7]. На протяжении долгих лет исследователь собирал эмпирические данные о преступлениях и посягательствах против нормального развития несовершеннолетних, вовлечении их в преступную и антиобщественную деятельность, принуждении их к сексуальным отношениям и фактическим брачным отношениям. Результаты его изысканий нашли отражение в порядка ста научных работах.

Красноярская научная правовая школа может быть представлена Владимиром Ильичом Горобцовым, посвятившем свою научную деятельность уголовно-исполнительному праву. Профессор В. И. Горобцов смог обосновать систему средств обеспечения режима в исправительных учреждениях и указал на целесообразность ее закрепления в уголовно-исполнительном законодательстве [2, с.107], что как раз осуществляется в настоящее время.

Ирина Викторовна Шишко, также представляющая красноярскую научную правовую школу, специализирующаяся на экономических преступлениях, обосновала, что регулятивные нормативные правовые акты не могут быть источниками уголовного права, а уголовное право не может быть отнесено к отраслям, регулирующим позитивные общественные отношения, включая отношения в сфере экономической деятельности [12, с. 7].

К весьма важным достижениям красноярской школы следует отнести и исследовательские изыскания профессора Владимира Моисеевича Шафирова, являющегося основателем научной школы «Естественно-позитивного права или позитивного права в человеческом измерении». Согласно концепции названной школы, человеческое измерение является системообразующим критерием, который позволяет интегрировать различные правовые традиции и школы правопонимания, включая школы юридического позитивизма и естественного права, и предлагает на роль первичного элемента системы права вместо правовых норм права и свободы человека [9].

Новосибирская научная правовая школа представлена специалистом в области уголовного права Валентиной Ивановной Плоховой. В. И. Плохова исследовала влияние решений Европейского суда по правам человека и Конституционного суда РФ на уголовное право [13].

Несомненно, в истории новосибирской школы особое место занимает имя Лидии Ивановны Устиновой, ученого и практика, который посвятил свою профессиональную деятельность исследованию конституционного права и избирательной системы РФ [8].

Томская научная правовая школа не менее богата выдающимися современными учеными-правоведами, внесшими немалый вклад в юридическую науку. Так, например, профессор Сергей Александрович Елисеев посвятил свой исследовательский путь изучению вопросов экономических и корыстных преступлений и анализу личности корыстного преступника [3].

И, безусловно, одним из выдающихся современников в области юридических наук можно назвать профессора Михаила Константиновича Свиридова, посвятившему свою исследовательскую деятельность вопросам уголовного процесса. М.К. Свиридов является основателем научной школы «Обеспечение прав личности в уголовном судопроизводстве». Ученый-правовед написал более 80 трудов, касающихся защиты прав личности в уголовном процессе и проблемам исполнения приговора [4].

Конечно же данная статья представляет собой обзор лишь малой доли выдающихся исследователей в области права, проведенный на основании личных интересов автора. Невозможно было бы представить полный список ученых-правоведов и отразить хотя бы кратко их основные изыскания. Однако же представленные работы и их авторы, на наш взгляд, заслуживают быть освещенными в этом кратком очерке.

Список литературы

1. Гармаев Ю. П., Кириллова А. А. Криминалистическая методика судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах (ч. I ст.105 УК РФ): теоретические основы и прикладные рекомендации: Монография и практическое пособие. — М. : Изд-во «Юрлитинформ», 2015. — 280 с.

2. Горобцов В. И. Средства обеспечения режима в исправительных учреждениях и их система / В. И. Горобцов // Проблемы теории наказания и

уголовно-исполнительного права: материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной памяти выдающегося отечественного пенитенциариста, доктора юридических наук, профессора А. Л. Ременсона / под ред. В. А. Уткина. — Томск : Томский государственный университет, 2003. — С. 105–109.

3. Елисеев С. А. Общеуголовные корыстные преступления: криминологическая характеристика, уголовная ответственность: Учеб. пособие / С. А. Елисеев, Л. М. Прозументов; Под ред. В. Д. Филимонова; Том. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. — 121 с.

4. Свиридов М. К. К вопросу о содержании стадии исполнения приговора // Правовые вопросы борьбы с преступностью: сб. ст. / под ред. В. Д. Филимонова. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. — С. 149–154.

5. Степаненко Д. А., Полянская В. И. К вопросу об оценке заключения эксперта-психолога / Д. А. Степаненко // Юридическая психология. 2013. № 3. С. 6–9.

6. Степаненко Д. А. Роль и место судебной психофизиологической экспертизы в уголовном судопроизводстве / Д. А. Степаненко, Д. Ю. Яковлев // Библиотека криминалиста. 2016. № 1 (24). С. 239–247.

7. Трофимов Н. И. Уголовно-правовая охрана духовного и физического развития несовершеннолетних: дисс. на соиск. уч. степ. докт. юрид. наук. — Иркутск, 1979. — 422 с.

8. Устинова Л. И. Избирательное право Российской Федерации: учебное пособие / Л. И. Устинова, А. А. Макарец; Сибирский ун-т потребительской кооперации. — Изд. 2-е, доп. — Новосибирск : СибУПК, 2009. — 259 с.

9. Шафиров В. М. Естественно-позитивное право: введение в теорию: монография. — Красноярск : ИЦ КрасГУ, 2004. — 345 с.

10. Шиканов В. И. Комплексная экспертиза и ее применение при расследовании убийств / В. И. Шиканов. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976. — 230 с.

11. Шиканов В. И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений / В. И. Шиканов. — Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1983. — 200 с.

12. Шишко И. В. Взаимосвязь уголовно-правовых и регулятивных норм в сфере экономической деятельности: автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт. юрид. наук. — Екатеринбург, 2004. — 42 с.

13. Plohova V. I. The Use of the Decisions of the European Court of Human Rights, the Constitutional Court of the Russian Federation when Investigating the Problems of the Criminal Law of the Russian Federation (Article One) // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: гуманитарные науки. 2018. № 7. С. 1090–1100.

УДК: 342.24

**Дискуссия о природе советской федерации в науке государственного права
(1960–1977 гг.): предпосылки, ход, последствия**

**The debate on the essence of the soviet federation in the science of state law
(1960–1977): background, process, consequences**

Корольков Вадим Владимирович

*аспирант кафедры конституционного и муниципального права
Юридического факультета
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия
w.korolkov@mail.ru*

Korolkov Vadim Vladimirovich

*PhD-student of the Department's of Constitutional and Municipal Law
of the Law Faculty
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
w.korolkov@mail.ru*

Аннотация: Предметом анализируемой дискуссии являлась природа советской федерации: одни ученые считали, что федеративные отношения существовали до 1922 г. без федерации, другие утверждали, что в указанный период существовали и федеративные отношения, и федерация, а третьи исходили из того, что до возникновения «договорной федерации» в 1922 г. на территории будущего Союза ССР существовали конфедеративные отношения. В настоящей статье анализируется ход дискуссии в контексте общих тенденций развития науки государственного права, изучаются предпосылки возникновения дискуссии, уходящие корнями особенности советской науки государственного права, терминологические сложности. Эти сложности возникли в период сталинизма, когда под влиянием культа личности советские авторы пытались искусственно срастить ленинскую и сталинскую модели федеративной организации России. Впоследствии исчерпавшая себя дискуссия не потеряла актуальности и продолжает оказывать влияние на современную науку конституционного права как в теоретическом, так и в практическом ключе. В заключительной части работы предпринимается попытка проанализировать дискуссию о природе советской федерации с точки зрения динамического реляционизма (динамической и реляционной теорий федерализма), в результате чего открывается возможность примирения трех указанных позиций.

Ключевые слова: государственное право; советский федерализм; динамический федерализм; федеративные отношения.

Abstract: the subject of analyzed discussion was nature of Soviet federation: some scientists assumed that federative relations existed before 1922 without federation, others argued that in this period both federative relations and federation existed, and others assumed that confederative relations existed on the territory of future USSR before "treaty federation" in 1922. This article analyses the course of the debate in the context of general trends in the development of the science of state law, examining the background to the debate, the roots of the Soviet science of state law, and the terminological difficulties. These difficulties arose during the period of Stalinism, when under the influence of the personality cult Soviet authors tried to artificially conflate the Leninist and Stalinist models of the federal organization of Russia. Subsequently, the exhausted discussion has not lost its relevance and continues to influence modern constitutional law scholarship both in theory and in practice. The final part of the paper attempts to analyze the debate on the nature of the Soviet federation from the perspective of dynamic relativism (dynamic and relational theories of federalism), opening up the possibility of reconciling the three mentioned positions.

Keywords: Soviet state law; Soviet federalism; dynamic federalism; federal relations.

Ни для кого не секрет, что незаслуженно забытое наследие науки государственного права нуждается в более осмысленном изучении. К сожалению, влияние идеологического фактора и субъективного отношения отечественных ученых к советской проблематике мешают им сделать это непредвзято и, следовательно, наиболее эффективно. Это выражается в том, что часть ученых принимают за полноценный научный дискурс многочисленные работы советского периода, следствием чего советский научный догматизм и не имеющая рационального основания теоретичность, будучи секуляризированными от марксистской идеологии, продолжают воспроизводиться во многих современных работах. Либерально настроенные авторы, напротив, негласно исходят из того, что полноценный дискурс исключался не только из советской науки, но и из общественной жизни в целом, и поэтому изучение работ советских авторов является бессмысленной тратой времени, не имеющей никакого теоретического и практического значения.

Оба подхода ввиду их заведомой ограниченности невозможно считать научными. Безусловно, стоящие перед современной отечественной наукой конституционного права задачи и проблемы принципиально отличаются от дефицитного не только в продовольственном, но и в идейном плане Советского Союза, его науки государственного права. Вместе с тем, *volens-nolens* состояние современной конституционно-правовой доктрины имеет под собою основу, созданную именно в советские времена. Думается, что, поняв состояние науки тогда, способствует более тщательной рефлексии ее современного положения. Одним из наиболее любопытных, научно недооцененных и политически значимых вопросов является вопрос о строительстве федеративного (союзного) государства, наши современные представления о котором опираются исключительно на советскую доктрину.

В настоящей работе мы последовательно проанализируем общее состояние советской науки государственного права в 1960–1977 годы, в общих чертах изложим сущность развязавшейся в эти годы дискуссии о природе советской федерации, предпосылки ее возникновения и попытаемся сделать вывод о том, какую научную и практическую пользу имеет изучение этой дискуссии в рамках современной науки конституционного права.

I. Состояние науки государственного права

Изучение федерализма, как и многих других принципов и институтов конституционного права во многом зависит от субъективных факторов, связанных с его непосредственными исследователями. И несмотря на то, что все федералистские авторы по всему миру всегда старались охарактеризовать свою федеративную систему как образцовую, выдавая разговор о родной федерации за разговор о федерализме в целом, их всех может объединить ряд вопросов, которые невозможно обойти при исследовании федерализма. Представляется, что эти вопросы являются общими для всех федеративных систем мира, следовательно, сосредоточение исследовательских усилий именно на них способно дать наиболее информативные сведения и о конкретной федеративной системе, и о федерализме в целом. К числу этих вопросов можно отнести:

1) Организацию федеративного представительства, без которого немислимо участие субъектов федерации в формировании общей воли – фундаментальное отличие субъектов федераций от регионов в унитарном государстве;

2) Распределение компетенции между федерацией и субъектами: от выбора той или иной модели распределения компетенции до конкретного соотношения предметов ведения и полномочий и его конституционного закрепления;

3) Органы и институты союзного и регионального уровня, которые могут отражать социальную, экономическую или политическую специфику данного общества, крайне важную для понимания сущности и механизма работы конкретной федеративной системы;

4) Практические проблемы государственного строительства, существующие всюду, поскольку несовершенство человеческого существа не позволяет говорить о совершенстве созданных им социальных явлений.

Помимо всех этих общих вопросов СССР обладал, как нам видится, рядом уникальных характеристик, о которых также следовало бы писать:

1) Тезис о суверенитете союзных республик – впервые зафиксированный в Конституции 1924 г. в виде «суверенных прав», и напрямую, как «суверенитет» – в Конституциях 1936 и 1977 гг. Вся советская доктрина оправдывала их существование, но никак не обосновывала их введение изначально;

2) Право сепарации – закрепленное в Союзном договоре 1922 г. и впоследствии воспроизведенное во всех советских конституциях, однако лишь как один из принципов, лишенных какой бы то ни было конкретики. В рамках научного дискурса можно было бы попытаться ответить на вопрос о том, в каком порядке следует осуществлять право на самоопределение, предложить варианты право-

вых последствий осуществления этого права, обосновать отсутствие союзного закона, регулировавшего все эти вопросы;

3) Изменение субъектного состава – имевшее место и в случае присоединения новых государств (Латвия, Литва, Эстония, Тува), и изменения статуса уже существующих субъектов (Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика, Молдавская АССР, Карело-Финская ССР), и упразднения автономий – субъектов советской федерации (Калмыцкая, Крымская, Чечено-Ингушская, Немцев Поволжья АССР). Подобные изменения нуждались в правовой квалификации и поиске соответствующих рациональных и социально значимых оснований.

Однако, как и об общих для всех федераций вопросах, так и об особенных характеристиках отечественной социалистической федерации в советское время ученые не писали. Не в последнюю очередь, этого не делалось потому, что решения по всем этим вопросам принималось монополизировавшей властью КПСС. Следовательно, любые рекомендации со стороны науки в момент принятия таких решений воспринимались не как компетентные высказывания экспертного сообщества, а как вмешательство такого сообщества в закрытый политический процесс. Иными словами, каждый из перечисленных вопросов был не сугубо научным или правовым, а исключительно политическим.

Отсутствие в Советском Союзе конституционализма в общепризнанном смысле этого слова не позволяло говорить о советском основном законе как о собрании норм, ограничивающих субъекта власти, или непреложных требованиях, без соблюдения которых политический режим утратит свою легитимность. Монопольная власть не нуждается в ограничениях, а ее легитимность не зависит от принимаемых ею самой нормативных актов. Именно поэтому руководство партии и государства не нуждалось в правовом обосновании принимаемых политических решений, и руководствовалось именно политической целесообразностью, нуждами момента, но никак не рациональными аргументами, которые призвана генерировать правовая наука. Последняя, в свою очередь, не только не предпринимала попыток повлиять рациональными аргументами на политический процесс, но была обязана постфактум рационально обосновать принимаемые политические решения.

Все это не могло не сказаться на личностях советских авторов и содержания их трудов. Самостоятельный выбор тем, постановка вопросов для исследования, выбор методологии, источников, сам ход исследования и его результаты – все то, что из себя и представляет научная деятельность – было если уж и не запрещено, то, во всяком случае, существенно ограничено. Многие авторы лишь переписывали официальные постановления партийных съездов и нормы советских конституций, избегая развернутого изложения собственных мыслей. Эти опасения были связаны, прежде всего, с непрозрачностью существующей публичной власти, многие решения которой могли казаться непредсказуемыми, в результате чего написанное вчера в соответствии с марксистско-ленинским канонами могло внезапно стать принципиальным противоречием с линией партии уже завтра. Так было, например, с рядом авторов, которые в период Вели-

кой Отечественной войны оправдывали депортации народов, подводя под них рациональные аргументы, воспевали роль И.В. Сталина в процессе государственного строительства, но попавших в неудобное положение после XX съезда КПСС, признавшего высылку народов незаконной и развенчавшего культ личности.

Вместе с тем, научный дискурс не мог заниматься одним лишь воспроизведением мыслей очередного генерального секретаря и постановлений очередного съезда партии – в противном случае пропал бы всякий смысл в существовании советской правовой науки. С целью оправдать собственное существование наука государственного права переместила фокус своих исследований и дискуссий на более нейтральные по своему содержанию вопросы, не имевшие политической актуальности и соответствовавшие общему духу советской пропаганды. Наиболее плодотворной почвой для творчества советских авторов стали вопросы, связанные с историей возникновения СССР как союзного государства. Именно по вопросу природы советской федерации и развернулся один из самых жарких споров в науке советского государственного права.

II. Спор о природе советской федерации

В 1960 г. историк Софья Иосифовна Якубовская публикует монографию «Строительство Союзного Советского социалистического государства в 1922–1925 гг.». В ней автор выдвинула предположение о том, что в 1917–1922 гг. существовали две формы федерации: одна была основана на автономии, а вторая – на двухсторонних договорах РСФСР с другими независимыми советскими республиками:

«Договорная федерация независимых советских республик имела ряд существенных недостатков, которые будут изложены в данной работе. Эти недостатки были велики, и система взаимоотношений республик была очень сложной и несовершенной. В. И. Ленин пришел к мнению о необходимости замены этой формы федеративного государства другой, а именно – союзным государством, в котором существовали бы общие для всех республик союзные органы власти, обладающие широкой компетенцией и полномочиями. <...> В работе «Великий почин» В. И. Ленин не говорит о преобразовании существовавшей между советскими республиками федеративной связи в союзное государство, а говорит о союзе республик в смысле солидарности социалистических государств. Всякий, кто внимательно прочитает это высказывание В. И. Ленина, поймет, что он не говорит здесь о создании многонационального союзного государства, а ведет речь о сотрудничестве социалистических государств, и именно в этом смысле В. И. Ленин говорит о союзе советских республик. <...> Нам представляется, что вплоть до 1922 г. В. И. Ленин в своих работах нигде не высказывал мысли о необходимости преобразования существовавшей тогда договорной федерации независимых советских республик в союзное государство с общими для всех республик верховными законодательными и исполнительными органами власти. Неоднократно встречающиеся в работах В. И. Ленина слова о союзе республик, о союзе наций, на наш взгляд,

нельзя толковать в том смысле, что Ленин предлагал заменить существовавшую форму федеративной связи иной. Это вовсе не означает, что Ленин не понимал несовершенство системы договорной федерации или что он полагал, что именно эта форма федерации наиболее соответствует интересам советских республик. <...> Ленин, однако, считал, что в вопросе о замене одной формы федеративной связи другой определяющим должен являться учет не только объективных причин, побуждающих к объединению, но также учет того, насколько подготовлены народы республик к такой замене, всесторонний учет их мнений, наличие добровольного согласия с их стороны» [39, С. 25–28].

Новшество данного подхода существенно рознило его с общепризнанной на тот момент точки зрения, в соответствии с которой в 1917–1922 гг. между советскими республиками действительно устанавливались федеративные связи, но, вместе с тем, никакой «договорной федерации» не существовало. Подобная публикация не могла не спровоцировать продолжительной научной дискуссии, в которой, на наш взгляд, можно выделить три основные точки зрения.

Во-первых, это ученые, поддержавшие теорию С. И. Якубовской о договорной федерации. Последовательный сторонник классической теории О. И. Чистяков [33] в 1966 г. очень осторожно позволил себе выражение, которое можно было истолковать неоднозначно, но, скорее в ключе подхода С. И. Якубовской: *«объединение независимых советских республик было весьма своеобразной федерацией»* [35, С. 295]. Более однозначно на этот счет высказался Э. В. Тадевосян, признававший существование объединения суверенных республик *«в единую социалистическую федерацию – сначала на основе договорных отношений, а затем в единое союзное государство – Союз Советских Социалистических Республик»* [29, С. 102]. Вместе с тем, подобная игра слов не в полной мере отображала изначальную идею С. И. Якубовской. Нам видится, что наиболее успешно с этой задачей справился М. И. Куличенко: *«суть и своеобразие договорной федерации до образования СССР в том и состоит, что она отражала именно наличие процесса становления союзного государства, а не факт образования такого государства»* [19, С. 216]. Таким образом, сторонники теории «договорной федерации», квалифицируя отношения между социалистическими республиками на раннем этапе их существования как федеративные, связывали с этим не формальное, а фактическое существование федерации этих республик. С точки зрения общей теории федерализма такой взгляд, однако, нельзя назвать инновационным: так, еще в дореволюционной российской литературе А.С. Яценко отмечалось, что федерализм является необратимым вспять движением политической интеграции [40, С. 363], а современный упомянутым советским авторам буржуазный политолог К. И. Фридрих смотрел на федерализм как на форму политического процесса, нуждающегося в управлении при помощи институтов [31, С. 121–155].

Во-вторых, практически сразу же нашлись исследователи, раскритиковавшие точку зрения С.И. Якубовской с формально-юридических позиций, и назвавших объединение советских республик на раннем этапе конфедерацией

[11, С. 33; 22, С.17–18; 56–57]. При этом важно отметить, что о наличии конфедеративных отношениях между РСФСР и другими республиками писал еще современник этих отношений – Н. И. Палиенко [26, С. 47–48]. Авторитета этой позиции прибавила ее поддержка другим современником образования СССР – видным партийным деятелем А. И. Микояном. Он утверждал, что до образования СССР взаимоотношения между республиками строились на основе двухсторонних договоров между республиками: *«эти договоры, носящие, по существу, характер конфедеративных отношений, обеспечивали, прежде всего, тот военно-политический союз этих республик, который возник тогда на основе вооруженной борьбы за советский строй, за государственную независимость этих республик»* [24, С. 24]. Наиболее развернуто эта точка зрения была сформулирована А. И. Лепешкиным:

«Следует отметить, что государственно-правовые отношения советских республик между собой в период, предшествующий образованию СССР, носили сложный характер. Несмотря на неоднократные заявления республик в своих декларациях, решения их съездов Советов и других документах о желательности создания федеративного союза между ними, условия военной обстановки и другие обстоятельства помешали им тогда создать союзное государство, и их государственное сотрудничество в этот период фактически привело к образованию своеобразных правоотношений, как переходных к образованию федеративного государства. Причем сложность государственно-правовых отношений между республиками выражалась прежде всего в том, что в них переплетались отношения, свойственные не только федеративным, но и конфедеративным отношениям. На данное обстоятельство правильно обращается внимание в нашей литературе. Нет сомнений в том, что сложность правоотношений между советскими республиками, сочетающих в себе элементы конфедерализма и федерализма, была характерна для всего периода, предшествующего образованию Союза ССР. Ни Декрет ВЦИК от 1 июня 1919 г., ни заключенные позднее хозяйственные договоры и соглашения между республиками не привели ни к образованию «договорной федерации», ни к юридическому оформлению конфедерации в истинном ее значении. Но Коммунистическая партия, В. И. Ленин настойчиво и постоянно вели борьбу за тесное, федеративное объединение республик, полагая, что только государственное, военное и экономическое единство братских республик поможет им отстоять в жесточайшей борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией свою государственную самостоятельность. Этим и объясняется то положение, что в официальных государственных и партийных документах тех лет, касающихся характера отношений между советскими республиками, они нередко определялись как федеративные, хотя таковыми в «чистом» виде не были. Название данных отношений федеративными скорее выражало не их содержание, а стремление к более тесному государственному единству республик, которое позже воплотилось в создание Союза Советских Социалистических Республик» [21, С. 155–156].

Наконец, все это время не прекращала существовать третья, официально признанная «каноничная» точка зрения о том, что образованию Союза ССР предшествовали именно федеративные отношения, но ни федерации, ни конфедерации не существовало. Первым сторонником классической теории, выступившим с критикой позиции С. И. Якубовской с этих позиций, был А. А. Агзамходжаев [4, С. 30–31], впоследствии к нему присоединился патриарх советского государственоведения С. С. Кравчук [16, С. 13–14], писавший, как правило, крайне редко и по большим случаям. Наиболее последовательно классическая теория была изложена Д. Л. Златопольским, который считал, что объединение основных органов государственного управления советских республик закладывало основы будущей федерации:

«Эти решения [IV Всеукраинского съезда Советов, принявшего 20.05.1920 г. постановление «О государственных отношениях между УССР и РСФСР», ЦИК Украины и ВЦИК] представляли собой значительный вклад в дело развития федеративных отношений между республиками, – они положили начало созданию федеративных высших органов государственной власти советских республик.

Следовательно, в период гражданской войны и интервенции – в период военного союза советских республик – существовали не только объединенные органы государственного управления в лице наркоматов, но и было положено начало созданию объединенных высших органов государственной власти. При этом чрезвычайно важно подчеркнуть, что уже в период гражданской войны и интервенции отношения между республиками приняли не конфедеративную форму, обычно характерную для военного союза государств, а форму федеративную. <...> союзные республики не располагали правом нуллификации [своего собственного для конфедераций], а, напротив, некоторые их декреты подлежали отмене в случае противоречия декретам РСФСР. Это положение последовательно проводилось самими республиками. <...> Отсутствие общего гражданства республик свидетельствует о том, что федерация еще не сложилась, что только развивались и крепились федеративные связи республик, которые в дальнейшем и привели к созданию федерации. Наличие же в то время отдельных элементов общности гражданства подтверждает развитие федеративных связей независимых советских республик <...>» [14, С. 115–120].

По отношению к двум другим подходам Д. Л. Златопольский становился яростным критиком, особенно эта критическая сторона его творчества задела не столько сторонников «договорной федерации», сколько «конфедералистов». Не вступая в жесткую полемику с советскими авторами непосредственно, Д. Л. Златопольский в качестве «жертв» выбирает двух буржуазных авторов [14, С. 116–120], писавших о том, что советские республики в 1917–1922 гг. состояли в конфедеративных связях, а федеративными их называли в те времена исключительно из-за политической линии партии, которой до сих пор связана советская правовая литература [1; 36]. Во многом этот взгляд совпадает с процитированной выше частью работы А. И. Лепешкина, поэтому конечной «жертвой» пламенной критики Д. Л. Златопольского можно считать именно

его, равнозначного самому Д. Л. Златопольскому авторитета (по крайней мере, в Советском Союзе), а не двух мало популярных за рубежом авторов.

III. Эпистемологические сложности

При анализе обозначенной дискуссии следует обратить внимание на две группы сложностей. Первая группа сложностей связана тем, какое значение (прежде всего идеологическое) имело отстаивание одной из этих теорий в конкретный период истории – во времена хрущевской оттепели и брежневского застоя. Вторая группа сложностей имеет отношение к реальной квалификации интеграционных процессов, предшествовавших созданию Советского Союза как процитированными советскими авторами, так и на современном этапе.

1. Идеологические сложности

Идеологические сложности при изучении дискуссии о советском федерализме, очевидно, связаны с ролью науки государственного права в советском общественном дискурсе. Как было сказано ранее, эта наука выполняла функцию апостериорного квазирационального легитиматора принятых без ее участия и не основанных на рационализме политических решений. Следовательно, подобный спор означал не столько спор о фактах и их рациональной трактовке, сколько наиболее подходящую текущей конъюнктуре партийной линии аргументацию, из чего можно заключить, что подобный спор был аксиологическим – т. е. его участники спорили о приоритете одних ценностей над другими.

При более внимательном изучении трех приведенных выше теорий нам не составит особого труда обнаружить за ними приоритетно отстаиваемые ценности в рамках уже сформированного пантеона марксистско-ленинских идеологических паттернов. Теория «договорной федерации», как следует из ее названия, делала упор на договорной составляющей государственного устройства России 1917–1922 гг., что лишним раз должно было подчеркнуть добровольность объединяемых республик и их волевые стремления к подобному объединению. В этом можно усмотреть источник дополнительной легитимации не только для существовавшей конфигурации государственного устройства, но и при желании – сложившемуся в СССР однопартийному политическому строю. Немаловажно и то, что с теоретической точки зрения концепция «договорной федерации» не следовала терминологической традиции, установленной в нормативном материале полувековой давности, отдавая предпочтение при трактовке интеграции советских республик не формальной, а материальной стороне – т. е. самому процессу интеграции. Примечательно, что такой приоритет «материального» (т. е. фактического) над «идейным» (т. е. закрепленного в официальных правовых и партийных источниках) укладывался в марксистско-ленинскую картину мира, но подспудно критиковал классическую теорию, претендующую на статус единственно возможной в рамках этой картины мира.

В свою очередь, теория «конфедералистов», предлагая разделять формальные и материальные аспекты объединения советских республик, отдавала приоритет не самому процессу интеграции, а конституированию его динамики. На очередной стадии этой интеграции, которая могла развернуться в любом

направлении под воздействием множества непредсказуемых факторов, ее дальнейшее развитие зависело как от воли главного политического актора, так и от формы, в которую это решение было облачено. Наличие де-факто конфедеративных отношений между советскими республиками до 1922 г. и последующее заключение Союзного договора как бы подтверждало правильность сделанного партией политического выбора в условиях множества ограниченно прогнозируемых сценариев. Из этого следовало усиление не столько ее рациональной легитимности (которую КПСС и искала в трактовках науки государственного права), сколько политического авторитета (которого у КПСС было в избытке и без науки государственного права). С теоретической точки зрения «конфедералисты» были умеренными позитивистами, которые не отдавали предпочтения одному лишь процессу объединения, подобно сторонникам «договорной федерации», но и не сводили процесс интеграции к одному лишь нормативному регулированию.

Наконец, классическая теория, сформированная в позднее сталинское время, постулировала непогрешимую трансцендентальную предопределенность развития советской федерации. При желании ее можно истолковать как предопределенность развития всего советского: советская федерация под мудрым руководством партии будет развиваться линейно подобно тому, как советское общество неизбежно придет в коммунизм. Классической теории трудно отказать в мифологичности, возвеличивании роли В. И. Ленина и правящей партии как единственных участников политического процесса, способных в катастрофических условиях спрогнозировать развитие создаваемых государственных образований на годы и десятилетия вперед. Радикальный позитивизм, являвшийся фундаментом классической теории, затрагивал не только вопросы образования Союза ССР, но и другие теоретические вопросы, касающиеся советского национально-государственного устройства: статус федераций в составе СССР (РСФСР, ЗСФСР), статус советских автономий и их влияние на статус союзных республик, положения о суверенитете союзных республик и праве наций на самоопределение. Подобную точку зрения вряд ли можно назвать научной в строгом смысле слова – ведь подобным образом излагались и обосновывались как единственно правильные решения партии, всячески подчеркивалась ее мессианская роль и игнорировались многочисленные противоречия в учении о советской федерации, имевшиеся ранее в теории и возникшие впоследствии на практике. Следовательно, классическая теория была не столько мнением ученых о принятых политических решениях, сколько имеющей претензию на рациональность рефлексией самой коммунистической партии под прикрытием научной атрибутики.

Критика классической теории в подобных условиях могла трактоваться как опосредованная критика партии, и именно поэтому консервативные ученые превращались в яростных противников альтернативных теорий, сравнивая их авторов с «мелкобуржуазными тенденциозными псевдоучеными». Вместе с тем, возникновение подобной дискуссии показательно: ведь первое, что сделали критики теории «договорной федерации» – сформулировали собственную

теорию, в основе которой, так же, как и в случае с теорией «договорной федерации», лежало осознание несовершенства господствовавшей классической теории. При этом спор о постановке акцента на добровольности создававшегося объединения или на этапах подобной интеграции, вписывавшийся в рамки существующего идеологического канона, имел в качестве другой базовой предпосылки отказ от строительства федерации как предопределенного процесса, что не могло не размывать мессианскую роль партии в процессе строительства союзного государства, и, следовательно, в других вопросах. Выходит, что научный спор о прошлом, как оно часто бывает, представлял из себя спор о настоящем – за словами о «договорной федерации» или «конфедеративных отношениях» вполне могло скрываться критическое осмысление существующего политического строя, уже вступившего в стадию системного кризиса.

2. Терминологические сложности

Второй эпистемологической сложностью при рассмотрении дискуссии о природе советской федерации является разница понятийного аппарата советских авторов 1960–1970 гг. и источников 1917–1924 гг. В приведенных выше цитатах уже приводился тот факт, что и официальные акты, и публицистические издания содержали в себе упоминания о договорных, федеративных и союзных отношениях, федеральном праве – отсюда и упоминания о других советских республиках как о «союзных» или «договорных» [25, С. 139–155; 10, С. 29; 30, С. 50–51; 23, С. 13–16]. Однако понимание лидерами партии «договорной федерации» накануне заключения Союзного договора и непосредственно после него несколько отличалось от того, что использовалось позднее.

10 марта 1921 г. И. В. Сталин выступил на X съезде РКП(б) с докладом «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», который стал предвестником отвергнутого впоследствии сталинского плана «автономизации», подразумевавшего включение союзных республик в состав РСФСР на началах автономии. Среди прочего, И. В. Сталин утверждал, что *«изолированное существование отдельных советских республик неустойчиво, непрочно ввиду угрозы их существованию со стороны капиталистических государств»*. В подтверждение необходимости построения союза отдельных советских республик автор упоминает необходимость общей обороны, восстановления производственных сил, решение вопросов продовольственной помощи. Далее И. В. Сталин пишет:

«5. Федерация советских республик, основанная на общности военного и хозяйственного дела, является той общей формой государственного союза, которая дает возможность:

а) обеспечить целостность и хозяйственное развитие как отдельных республик, так и федерации в целом;

б) охватить все разнообразие быта, культуры и экономического состояния различных наций и народностей, стоящих на разных ступенях развития, и сообразно с этим применять тот или иной вид федерации;

в) наладить мирное сожительство и братское сотрудничество наций и народностей, связавших так или иначе свою судьбу с судьбою федерации.

Опыт России с применением различных видов федерации, с переходом от федерации, основанной на советской автономии (Киргизия, Башкирия, Татария, Горцы, Дагестан), к федерации, основанной на договорных отношениях с независимыми советскими республиками (Украина, Азербайджан), и с допущением промежуточных ступеней между ними (Туркестан, Белоруссия), - целиком подтвердил всю целесообразность и гибкость федерации, как общей формы государственного союза советских республик.

б. Но федерация может быть прочной, а результаты федерации – действительными лишь в том случае, если она опирается на взаимное доверие и добровольное согласие входящих в нее стран. Если РСФСР является единственной в мире страной, где удался опыт мирного сожительства и братского сотрудничества целого ряда наций и народностей, то это потому, что здесь нет ни господствующих, ни подчиненных, ни метрополии, ни колоний, ни империализма, ни национального гнета, – здесь федерация зиждется на взаимном доверии и добровольном стремлении трудящихся масс различных наций к союзу. Этот добровольный характер федерации обязательно должен быть сохранен и впредь, ибо только такая федерация может стать переходной формой к тому высшему единству трудящихся всех стран в едином мировом хозяйстве, необходимость которого становится все более и более осязательной» [28, С. 21–23].

В сталинской конфигурации, не подразумевавшей создания еще одной федерации (Союза ССР), договорная федерация мыслилась следующим этапом развития национально-государственного единства РСФСР, которое до этого момента основывалось на принципе автономии. Таким образом процесс советского федеративного строительства по И.В. Сталину состоял из трех стадий: 1) создание федерации, основанной на советской автономии; 2) присоединение к этой федерации на основе договоров других советских республик; 3) потенциальное расширение советской федерации в перспективе за счет последующего присоединения к ней других социалистических государств, возникших в результате общемировых революционных процессов. Таким образом, нарком по делам национальностей рассматривал (во всяком случае, после Революции) федерализм как управляемый процесс политической интеграции, состоящий из определенных этапов.

Ситуация усложнилась, когда советские авторы времен культа личности по очевидным политическим причинам воспроизвели точку зрения И. В. Сталина уже после создания Союза ССР, в основу которого лег не принцип «автономизации», а принцип «федерализации», предложенный В. И. Лениным после возникновения внутривластного конфликта относительно будущего создаваемого государственного единства. При этом нужно было истолковать и ленинскую, и сталинскую теории так, чтобы они не имели противоречий между собой, а одна как бы дополняла другую. В противном случае статус И. В. Сталина как верного ученика и последователя В. И. Ленина становился потенциально оспоримым. В этой связи при общем сохранении сталинской фразеологии содержательно меняется понимание договорной федерации – теперь это не

очередной этап естественного и поступательного развития федеративной системы РСФСР, а спрогнозированный мудрыми вождями шаг развития всей советской системы на пути развития к возвышающемуся над РСФСР объединению союзных республик. Это незначительное изменение расстановки акцентов и сопряженное с ним обновление содержания понятия «договорная федерация» можно обнаружить у А. Я. Вышинского, в устах которого уже практически дословно воспроизведенная сталинская позиция звучит несколько по-новому: «Федерация, основанная на договорных отношениях между независимыми советскими республиками, бала этапом на пути к федерации, основанной на объединении этих республик в единое союзное государство [основанный на Союзном договоре Союз ССР]» [27, С. 222]. Позже другой классик сталинского времени, И. Д. Левин, со ссылкой на генерального секретаря напишет:

«При этом [подходе, согласно которому федерация является лишь средством разрешения национального вопроса] необходимо еще иметь в виду и то, что автономия, сочетаемая с системой советов, базирующейся на принципе демократического централизма, предполагает такую широкую самостоятельность автономных образований, а федерация, основанная на советской системе, такую степень единства государственного руководства, что советская автономия с полным основанием может рассматриваться как низшая форма федеративной связи, а союзная и даже договорная форма федерации как высший вид автономии» [20, С. 337].

Очевидно, что возникновение тезиса о «договорной форме федерации как о высшем виде автономии» стало следствием титанических усилий советских государствоведов по устранению противоречий между ленинским и сталинским планом федеративного строительства. Противопоставлявшиеся изначально формы автономии и договора теперь стали частью единого, трансцендентального (предзаданного) процесса национально-государственного строительства. Складывавшиеся в рамках этого процесса отношения между республиками можно было назвать «федеративными», во-первых, поскольку речь шла о едином процессе, направленном на строительство советской федерации, и, во-вторых, поскольку, как отмечалось, официальные источники широко применяли именно этот термин. Таким образом окончательно сложилась классическая теория, объяснявшая природу советской федерации учреждением на основе Союзного договора, чему предшествовало установление федеративных отношений между союзными республиками.

Однако укоренившиеся позиции классической теории впервые пошатнула не С.И. Якубовская, а, как ни странно, ее последовательные сторонники, предпринявшие попытку разграничения ленинского и сталинского плана в рамках ревизии сталинизма после развенчания культа личности на XX съезде КПСС:

«При определении основ объединения республик в единый государственный союз имели место двоякого рода отклонения от правильной линии – шовинистическое и местно-националистическое. Первое выражало стремление сохранить в будущем государственном союзе как можно больше привилегий господствовавшей при царизме нации, а второе под прикрытием защиты равно-

правия и независимости советских республик выступало против федеративной формы их связи. Оба этих уклона представляли серьезную опасность извращения идеи объединения советских республик в единое союзное государство. Поэтому их резко критиковали Коммунистическая партия и лично В. И. Ленин.

Член комиссии ЦК РКП(б) И. В. Сталин представил «Проект резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками», в первом пункте которого предлагалось формальное вступление независимых советских республик (Украины, Белоруссии, Азербайджана, Армении и Грузии) в состав РСФСР на началах автономии, а во втором – распространение компетенции ВЦИК, СНК и Совета Труда и Оборона РСФСР на соответствующие органы других республик. В. И. Ленин подверг этот проект серьезной критике. В письме к членам Политбюро от 27 сентября 1922 г. он предложил в корне изменить содержание обоих пунктов проекта и указал на необходимость: 1) объединения РСФСР и других республик в союз советских республик (в новую федерацию), 2) при объединении соблюдать полнейшее равноправие всех республик и 3) создать общесоюзный центральный исполнительный орган, а не подчинять республики центральным органам РСФСР. В. И. Ленин подчеркнул: «Важно, чтобы мы не давали пищи «независимцам», не уничтожали их независимости, а создавали новый этаж, федерацию равноправных республик». Таким образом, «автономизации», выдвинутой И. В. Сталиным, В. И. Ленин противопоставил советскую федерацию, основанную на полном равноправии всех республик и на добровольности их объединения. <...> [Первый съезд Советов СССР] 30 декабря 1922 г. в основном утвердил эти акты [Декларацию об образовании СССР и Договор об образовании СССР] и тем самым оформил фактически уже сложившееся социалистическое многонациональное государство» [8, С. 46, 48].

Парадоксально, но именно излишний упор на предопределенности развития советской федерации, сформулированный для слияния ленинской и сталинской теории во времена сталинизма, и лежащий в основе классической теории, и стал основанием для того, чтобы пересмотреть остальные ее положения после осуждения партией культа личности. Как мы видим, предпосылки для возникновения в скором будущем теории «договорной федерации» С. И. Якубовской затрагивались еще А. И. Денисовым и М. Г. Кириченко, хотя их обоих трудно назвать противниками классической теории. Теперь, наконец-то понятийный аппарат стал настолько запутанным, что он не мог не вызвать не только плюрализма трактовок событий полувековой давности, но и стать плодотворной почвой для продолжительной дискуссии. Именно это, как мы знаем, и произошло в конечном счете.

IV. Вместо вывода: значение дискуссии

Помимо взаимных обвинений в отступлениях от марксистско-ленинского канона, участники дискуссии пытались разобраться с возникшей терминологической путаницей. Так, исключительно благодаря критике теории С. И. Якубовской в науке советского государственного права возникло относительное

единство по поводу вопроса о том, что из себя представляет «договорная федерация». Так, в учебнике государственного права под редакцией С. С. Кравчука отмечалось:

«Одна из особенностей конфедерации состоит в том, что ее создание обычно оформляется заключением договора между государствами. Возникновение федеративного государства также может на определенном этапе быть оформлено при помощи договора. Однако этот договор в последующем заменяется принимаемой на его основе конституцией. Так, объединение в 1922 году четырех независимых советских республик – РСФСР, Украины, Белоруссии и ЗСФСР – в одно новое, федеративное государство – Союз ССР было оформлено в виде Декларации об образовании СССР и Договора об образовании СССР. В 1924 году на основе этих документов была принята Конституция СССР. Отличие федерации от конфедерации, следовательно, заключается прежде всего в правовых формах закрепления государственных связей: в федерации – конституция, в конфедерации – договор» [6, С. 233].

Классическая теория, перестроилась таким образом, что, не отказываясь от взаимосвязанных тезисов о существовании федеративных связей до образования самой федерации (Союза ССР) и предопределенности развития советской федерации [6, С. 268-282], она рассматривала «договорную федерацию» как одну из ступеней на исполненном фатализма пути интеграции союзных республик. В этой оптике «договорная федерация» уже являлась не столько продолжением «федерации автономий», как это было ранее, сколько предшественником «конституционной федерации». Наиболее полно это противопоставление можно увидеть у «конфедералиста» А. И. Лепешкина, критиковавшего теорию С. И. Якубовской с нормативистских позиций:

«В науке советского государственного права под договорной федерацией принято понимать не хозяйственно-финансовый союз суверенных республик, основанный на отдельных договорах и соглашениях, а такой государственный союз, в основе которого лежит союзный договор и согласно которому суверенные республики объединяются между собой в федерацию. Такой договор предусматривает создание общесоюзных органов, способных осуществлять компетенцию союзного государства, закрепляет принципы разграничения полномочия между федерацией и входящими в нее республиками и т.п. Данными чертами не обладали договоры, заключенные между РСФСР и братскими республиками в 1918–1922 гг.» [21, С. 148].

Очевидно, что дискуссия о природе советской федерации могла продолжаться и далее, но она затихла сама собой в конце 1970-х – начале 1980-х годов. И на то, как видится, был ряд объективных причин. Во-первых, была предпринята относительно успешная попытка преодолеть терминологическую путаницу при помощи наделения старых понятий новым значением. Очевидно, что закрытие длившейся почти 20 лет дискуссии негласным консенсусом о том, что в основе «договорной федерации» лежит не серия актов, а один учредительный договор, выполняющий функции конституции, устраивало практически все стороны этого спора. Не случайно сама С. И. Якубовская в своих публикациях

1972 г. отмечает федеративный характер отношений между союзными республиками до подписания Союзного договора, но уже не связывает с этим наличие «договорной федерации» [37; 38]. Складыванию консенсуса в среде ученых способствовал и субъективный фактор – смерть А. И. Лепешкина в 1977 г., в скором времени после публикации его книги о теории советского федерализма. Выбытие двух ключевых фигур в научном споре, совпавшее с возникшим негласным теоретическим консенсусом, сделало нецелесообразным дальнейшее продолжение полемики.

Во-вторых, рост числа федераций во всем мире не мог не привлекать внимания советских авторов. Особенно их интересовали федеративные государства третьего мира, пытавшиеся при помощи этой формы национально-государственного единства решить этнические проблемы. Впервые за долгое время исследования федерализма стали связаны с настоящей познавательной деятельностью, а не с воспроизводством схоластики о правовой природе Советского Союза. В-третьих, испытывавший системный кризис СССР вскоре столкнулся с реальными проявлениями национализма. Тогда в результате экономического кризиса и политической либерализации в период перестройки выяснилось, что национальный вопрос в СССР не был решен окончательно, и перед учеными стали возникать крайне острые проблемы, решение которых носило судьбоносный характер. Очевидно, что в таких условиях возвращение к дискуссии о природе Союза ССР было неинтересно ни народу, ни политикам, ни ученым, даже наиболее консервативно настроенные из которых были вынуждены признать, что долгое время замалчивали многие проблемы национального свойства [12]. Однако из этого не следует то, что сведенная на нет дискуссия не имела никаких последствий, и, более того, не оказывает влияние на науку конституционного права сегодня.

В качестве конкретных сфер применения наследия рассмотренной дискуссии о природе советской федерации хотелось бы указать два теоретических аспекта, имеющих большое прикладное значение: вопросы, связанные с распадом СССР, а также доктринальную классификацию федераций на «договорные» и «конституционные».

1. Распад СССР: вопросы оснований и правопреемства

Одной из сфер, испытавших влияние рассмотренной дискуссии, были вопросы, связанные с основаниями роспуска Союза ССР, тесно связанные с основаниями и формой его учреждения. Руководство трех союзных республик – РСФСР, Украины и Белоруссии – считало, что на правах учредителей Союза ССР (в отсутствие прекратившей существование ЗСФСР) они втроем могут принять решение о его роспуске. С критикой этой точки зрения выступал О. И. Чистяков: *«Поскольку Договор был принят законодательным органом страны, то, в сущности, он перестал быть Договором, а становился законом»* [34, С. 16]. Обе позиции критиковал П.П. Кремнев, предложив оригинальную трактовку Союзного договора как международного договора, сохранявшего свою юридическую силу до 1991 г., и не затронутого по существу ни одной из союзных конституций [18, С. 29–38].

Очевидно, что помимо несомненного политического интереса за каждой из этих точек зрения скрывалось сколько-нибудь рациональное обоснование из доктрины государственного права, в которой, как было показано, существовал лишь промежуточный консенсус относительно «договорных федераций». Вместе с тем, до сих пор отсутствует подход, который бы объяснял процессы учреждения Союза ССР, учитывая все сильные и слабые стороны трех теорий позднего советского времени. В этой связи маргинальные взгляды на Союзный договор – и, следовательно, на распад СССР и правопреемство государств – если и не растут в численности, то, во всяком случае, до сих пор продолжают существовать.

2. *Классификация на «договорные» и «конституционные» федерации*

Наследие изученной нами дискуссии можно обнаружить и в теоретической плоскости. Пресловутое деление федеративных государств на «договорные» и «конституционные», согласно которому первые «возникают на основе соглашения, договора, учредительного пакта, заключаемого между самостоятельными государствами», а вторые «учреждаются обычно путем принятия конституции или поправок к ней», является распространенной в современной конституционно-правовой литературе точкой зрения [32, С. 11–18; 3, С. 25; 9, С. 31–32; 5, С. 140–145; 17, С. 320–321; 7, С. 39; 15, С. 125–127]. Вне контекста описанной дискуссии, где «договорная» и «конституционная» федерация противопоставляются друг другу не столько по существу, сколько в качестве двух различных, но взаимосвязанных этапов развития федеративных отношений, подобная классификация теряет всякий смысл. Это связано с очевидностью того факта, что федераций (федеративных государств), не имеющих под собой конституционной основы, существовать не может. Более того, сами авторы, использующие подобную классификацию, оговариваются, что большинство существующих федераций являются «конституционно-договорными», а сама классификация, указывая лишь на исторические особенности возникновения федеративных отношений, никак не влияет на характер федеративной системы. Оба этих аргумента лишают данную классификацию всякого смысла.

Будучи ограниченными тематикой статьи и ее размерами, мы не можем привести здесь эмпирический анализ всех существующих федераций мира, чтобы показать глубину заблуждений, связанных с использованием этой классификации. Не станем аналогичным образом изображать зависимость динамики развития федеративной системы от способа ее образования. Отметим лишь, что ближайшая классификация, существующая в зарубежной литературе, предусматривает федерации «сверху» и «снизу» – однако в обоих случаях отсутствует привязка к конкретному виду нормативного правового акта, конституирующего создание федерации. Таким образом, указанная классификация, доставшаяся нам от советской науки государственного права и при принятии наследства неверно истолкованная, не имеющая хождения за рубежом, и признающаяся отечественными учеными с множеством оговорок, лишаящих ее смысла, является, на наш взгляд, не только бесполезным, но и вредным архаизмом.

Ведь очевидно, что само наличие подобной классификации при возникновении желания и политической воли может способствовать истолкованию Федеративного договора как договора, учреждающего современную Российскую Федерацию, следствием чего может стать его денонсация одной из сторон. О вероятности подобного сюжета писал Д. Л. Златопольский в одной из своих последних работ, критикуя при этом саму концепцию «договорной федерации» [13, С. 21–25]. В свою очередь, полный отказ от дихотомии «договорных/конституционных» федераций, позволит избежать подобного сценария в перспективе. Однако, такой отказ потребует за собой принципиально нового теоретического обоснования природы учредительных договоров и федеральных конституций.

Динамика федеративных отношений

Ответом на оба поставленных вопроса, а также способом примирения трех теорий советского федерализма может стать теория динамики федеративных отношений. Для этого достаточно двух базовых предпосылок: согласно первой (внутренней) предпосылке, федерализм представляет из себя политические отношения институционально организованных элит, направленные на политическую интеграцию; согласно второй (внешней) предпосылке, федерализм является формой нелинейного политического процесса. Такая динамическая реляция в при различных обстоятельствах может иметь различный вектор развития и различными образом регулироваться – в зависимости от устремленности политических элит и ряда сопутствующих факторов. В этой связи, как отмечает П. Попелье, нет принципиальной качественной разницы между, например, федерацией и конфедерацией – различия между ними кроются лишь в уровне субнациональной автономии и общей сплоченности такой системы [2, С. 46–73].

Качественная разница существует не между собственно федерацией и конфедерацией, а между актами, которые конституируют их соответствующее состояние. Представляется, что федеративные отношения (федеративные процессы) могут быть последовательно урегулированы на трех уровнях: *первичным регулированием*, которое провозглашает федеративный строй и его базовые характеристики; *конституционным регулированием*, подразумевающим закрепление институциональной основы федеративной системы в основном законе государства; и, наконец, *последующим регулированием* на уровне отраслевого законодательства. В некоторых случаях первичное регулирование совпадает с конституционным. Такое возможно в тех случаях, когда учреждаемая федерация провозглашается с принятием новой конституции. Однако в обратном случае, как например, это было с СССР, первичное регулирование (Союзный договор) не совпадает с конституционным (Конституция СССР 1924 г.). Как правило, подобное раздельное регулирование происходит в условиях сложных социальных потрясений, когда для учредительной власти принципиально важно, по меньшей мере, провозгласить определенный строй как принцип, сославшись на то, что впоследствии этот принцип будет более подробно разработан в основном законе.

При этом при введении в действие конституционного регулирования федеративных отношений акты первичного регулирования прекращают свое действие, либо действуют в части не противоречащей актам конституционного регулирования. Это общее правило связано с тем, что акт конституционного регулирования обладает большей юридической силой, чем акт первичного регулирования. Утверждение обратного повлекло бы за собой закономерный вопрос о целесообразности принятия конституционного акта, что, в конечном счете, лишит его всякой легитимности: зачем нужно было принимать Конституцию СССР (России), если достаточно было учредительного Союзного (Федеративного) договора? Подобная логика применима и к соотношению актов конституционного и последующего регулирования федеративных отношений, при котором последние не должны противоречить первым, а, напротив, основываться на них.

Применительно к проанализированной дискуссии представляется, что с позиций динамического реляционизма становится возможным признать правоту и сторонников «договорной федерации» в смысле существования единого динамического процесса политической интеграции советских республик; и сторонников «конфедерализма», обращавших внимание на зависимость стадий этого процесса от актов, которые его регулируют; и сторонников классической теории, согласно мнению которых вектор советской федеративной интеграции был предопределен политической элитой – партийными функционерами. Последний тезис, касающийся реляционного преломления теории элит – применительно к Союзу ССР – может быть дополнительно подтвержден ссылкой на позднего О. И. Чистякова:

«В нашей литературе сложился определенный штамп. Когда говорят об образовании СССР, утверждают, что оно опиралось на объединительное движение народов. В действительности никакого такого особого движения не было. Во всяком случае, никаких митингов, собраний, демонстраций с требованиями изменить взаимоотношения советских республик в начале 1922 г. не наблюдалось, и толчок в этом направлении был сделан отнюдь не народными массами, а все теми же чиновниками, которые к тому же заботились не об укреплении связей между республиками, а как раз, наоборот, об ограждении своих интересов от посягательства со стороны Москвы. При этом речь шла больше даже не о деле, а просто об амбициях» [34, С. 24].

Итак, с точки зрения динамики федеративных отношений все три концепции советской федерации, говорившие как бы об одном и том же, но с разных сторон, при подобной постановке вопроса становятся взаимосвязанными измерениями, каждое из которых оттеняет отдельные аспекты при сохранении единства восприятия описываемого явления – советского федерализма. Перспективы использования подобного подхода колоссальны не только для ревизии всей советской теории федерализма, но, что важнее, для связанного с подобной ревизией изъятия многих архаичных догм из отечественного конституционного права и схоластических конструкций – из наших современных представлений о федерализме.

Список литературы

1. Borys J. The Russian communist party and the sovietization of Ukraine. A study in the communist doctrine of the self-determination of nations. Stockholm, 1960.
2. Popelier P. Dynamic Federalism: A New Theory for Cohesion and Regional Autonomy. London and New York: Routledge, 2021.
3. Абдулатипов Р. Г. Федералогия. СПб. : Питер, 2004.
4. Азамходжаев А. А. Советское многонациональное государство. Ташкент, 1962.
5. Глигич-Золотарева М. В. Теория и практика федерализма: системный подход. Новосибирск : Наука, 2009.
6. Государственное право СССР. Учебник / под ред. С. С. Кравчука. М. : Юридическая литература, 1967.
7. Гуляков А. Д. Федерализм: механизм возникновения и основные направления развития: историко-государствоведческое исследование. М. : РИОР : ИНФРА, 2020.
8. Денисов А. И., Кириченко М. Г. Советское государственное право. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1957.
9. Добрынин Н. М. Российский федерализм: становление, современное состояние и перспективы. Новосибирск: Наука, 2005.
10. Дурденевский В. Н. На путях к русскому федеральному праву // Советское право. 1923. № 1.
11. Есяян А. А. К вопросу о правовой природе взаимоотношений независимых советских республик до образования СССР // Научные труды Ереванского университета. 1961. Том 73. № 6.
12. Златопольский Д. Л. Национальная государственность и национальные отношения: некоторые современные проблемы // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. 1988. № 5.
13. Златопольский Д. Л. Развитие федеративных отношений России и проблема договорной федерации // Конституционное законодательство субъектов РФ: проблемы совершенствования и использования в преподавания. Материалы научной конференции, 25–27 марта 1999 г. М. : Издательство Московского университета, 1999.
14. Златопольский Д. Л. СССР – федеративное государство. М. : Издательство Московского университета, 1967.
15. Конституционное право. Общая часть. Книга вторая / под ред. Н. А. Богдановой, А. А. Троицкой. М. : Зерцало-М, 2022.
16. Кравчук С. С. О характере отношений между советскими республиками до образования СССР // Вестник Московского университета. Серия 12 : Право. 1963. № 3.
17. Краснов М. А. Введение в конституционное право с разьяснением сложных вопросов: учебное пособие. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2018.

18. Кремнев П. П. Распад СССР и правопреемство государств: монография. М. : Юрлитинформ, 2012.
19. Куличенко М. И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М. : Мысль, 1972.
20. Левин И.Д. Суверенитет. М: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948;
21. Лепешкин А. И. Советский федерализм (теория и практика). М. : Юридическая литература, 1977.
22. Лепешкин А. И., Ким А. И., Мишин Н. Г., Романов П. И. Курс советского государственного права. Том 2. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1962.
23. Магеровский Д. А. Союз советских социалистических республик // Советское право. 1923. № 1.
24. Микоян А. И. Торжество ленинской национальной политики // Новый мир. 1972. № 12.
25. Образование СССР: сборник документов 1917–1924 / под ред. Э. Б. Генкиной. Москва-Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1949.
26. Палиенко Н. И. Конфедерации, федерации и Союз Социалистических Советских Республик. Киев : Государственное издательство Украины, 1923.
27. Советское государственное право: учебник для юридических институтов / под ред. А. Я. Вышинского. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938.
28. Сталин И. В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе: тезисы к X съезду РКП(б), утвержденные ЦК партии // Сочинения. Том 5. М. : Государственное издательство политической литературы, 1952.
29. Тадевосян Э. В. Советская национальная государственность. М. : Издательство Московского университета, 1972.
30. Турубинер А. М. Государственный строй Р.С.Ф.С.Р. (конспект лекций). М., 1923.
31. Фридрих К. И. Национальный и международный федерализм в теории и практике // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 3.
32. Чиркин В. Е. Современное федеративное государство. М. : Издательство Московского независимого института международного права, 1997.
33. Чистяков О. И. Взаимоотношения советских республик до образования СССР. М: Государственное издательство юридической литературы, 1955.
34. Чистяков О. И. Договор об образовании СССР и современность // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. 1995. № 2.
35. Чистяков О.И. Становление Российской Федерации (1917–1922). М. : Издательство Московского университета, 1966.
36. Юрченко О. Природа і функція советських федеративних форм. Мюнхен, 1956.
37. Якубовская С. И. Образование СССР – добровольного содружества равноправных народов. М. : Знание, 1972.

38. Якубовская С. И. Развитие СССР как союзного государства. М. : Наука, 1972.

39. Якубовская С. И. Строительство Союзного Советского социалистического государства в 1922–1925 гг. М. : Издательство Академии наук СССР, 1960.

40. Ященко А. С. Теория федерализма: опыт синтетической теории права и государства — Юрьев : Типография К. Маттисена, 1912.

**Правовые и организационные основы создания Сибирского отделения
Академии наук СССР 1956–1958 гг.**

**Legal and organizational foundations of the Siberian Division
of the USSR Academy of Sciences, 1956–1958**

Максимова Ольга Дмитриевна,
*доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права,
декан юридического факультета,
Московский гуманитарный университет,
г. Москва, Россия
omaksimova@mosgu.ru*

Maksimova Olga Dmitrievna
*Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Theory and History of State and Law,
Dean of the Faculty of Law
Moscow University for the Humanities
Moscow, Russia
omaksimova@mosgu.ru*

*Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундамен-
тальных исследований, исследовательский проект № 21-011-43026 «Правовая
политика Советского государства в сфере развития науки».*

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы организации и правового оформления создания Сибирского отделения Академии наук СССР. Государство и партия при реализации этого масштабного проекта стремились воплотить идею сближения научной теории с практикой. Советское государство предполагало при помощи создания Сибирского отделения улучшить внедрение результатов научных исследований на производстве, приблизить научные институты к промышленным районам Западной и Восточной Сибири.

Ключевые слова: советская наука, сибирская наука, Сибирское отделение Академии наук СССР, Академия наук, партийные директивы, партийное руководство наукой, правовая политика, постановления Совета Министров СССР.

Abstract: the article discusses the issues of organization and legal registration of the creation of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR. During the implementation of this large-scale project, the state and the party sought to embody the idea of bringing scientific theory closer to practice. The Soviet state intended to use the creation of the Siberian Branch to improve the implementation of

the results of scientific research in production, to bring scientific institutes closer to the industrial regions of Western and Eastern Siberia.

Keywords: soviet science, Siberian science, Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, Academy of Sciences, party directives, party leadership of science, legal policy, resolutions of the Council of Ministers of the USSR.

Считается, что идея о создании Сибирского отделения Академии наук родилась благодаря решениям, принятым на XX съезде партии в феврале 1956 года. Организация Сибирского отделения Академии наук связана с XX съездом Коммунистической партии Советского Союза. В числе многих вопросов, которые обсуждались на нем, были вопросы освоения природных богатств Сибири и задачи советской науки на современном этапе. Борьба за освоение Сибири и движение науки на Восток сливались. Встал вопрос о создании нового мощного научного центра, причем такого, который бы имел комплекс основных естественно-научных специальностей и был оснащен самым новейшим оборудованием. Призыв партии о движении науки на Восток, предложения Н. С. Хрущева, идея создания в Сибири нового крупного научного центра нашли отклик у ученых. Первыми откликнулись академики-коммунисты М. А. Лаврентьев, С. Л. Соболев, С. А. Христианович [17, с. 7, 8, 9].

XX съезд КПСС принял Директивы по Шестому пятилетнему плану. В разделе IX директив «По развитию народного хозяйства в союзных республиках и размещению производительных сил» устанавливалось: «Обеспечить улучшение размещения производительных сил, приближение промышленности к источникам сырья, топливно-энергетическим ресурсам и к районам потребления. Осуществить правильную специализацию и комплексное развитие хозяйства экономических районов с учетом более эффективного использования их природных и трудовых ресурсов в целях повышения производительности общественного труда. Ускорить освоение богатых природных ресурсов восточных районов страны.

Обеспечить в районах Западной и Восточной Сибири и в Казахской ССР более высокие темпы капитального строительства, чем в целом по СССР.

Создать в этих районах комплекс предприятий тяжелой промышленности, особенно электроемких и топливемких отраслей, предусмотреть широкое строительство заводов черной и цветной металлургии, крупных гидравлических и тепловых электростанций, нефтеперерабатывающих предприятий, машиностроительных и химических заводов, предприятий по производству строительных материалов, освоение крупных сырьевых баз для производства черных и цветных металлов, химикатов и строительных материалов» [23].

Однако директивы партии, в которых предполагалось промышленное освоение Сибири, были не единственной причиной внесения предложения о создании крупного научного центра в Сибири со стороны академиков. В 1950-х гг. в академической науке назревал кризис, который привел к реформе Академии наук СССР 1961 года. Суть этой реформы состояла в том, что институты, которые занимались прикладными исследованиями, были переданы от Акаде-

мии в отраслевые министерства. Основными задачами Академии наук после проведения реформы стали методическое руководство наукой и осуществление фундаментальных научных исследований. Во второй половине 1950-х гг. Генеральный секретарь КПСС Н.С. Хрущев лично уделял большое внимание развитию науки. В Отчетном докладе внеочередному XXI съезду Хрущев «выдвинул предложение о реорганизации АН СССР путем ее раздробления на несколько академий. Он также пытался подчинить ее деятельность идеологическим установкам КПСС. Однако, получив отпор со стороны академиков В. А. Энгельгардта, А. Д. Сахарова, И. Е. Тамма, Н. И. Нуждина и других отступил» [12, с. 16]. В то же время Хрущев много сделал для улучшения организации научной работы, в том числе для приближения работы исследовательских институтов к нуждам производства, для более правильного размещения научных учреждений по территории страны.

Как писал К. В. Иванов, «к началу 1950-х гг. советские ученые в основном понимали недостатки организации научных исследований. К числу главных из них они относили чрезмерную бюрократизацию управления, сложные отношения науки с идеологией и международную изоляцию» [14, с. 186]. Обращение с письмом к руководству страны или к партийному руководству было одним из способов привлечения внимания к проблеме, которым активно пользовались советские ученые – организаторы науки. «Такой способ воздействия на практику принятия решений, касающихся развития науки, приобрел в конце 1940-х – начале 1950-х гг. массовый характер. Отдел науки ЦК был завален такими письмами» [14, с. 187].

8 декабря 1956 года академики М. А. Лаврентьев [7] и С. А. Христианович [1] подали записку в ЦК КПСС на имя Н.С. Хрущева. В этом документе они писали: «На XX съезде КПСС принято решение о создании мощной индустриальной базы на Востоке. В настоящее время основные научные силы по всем разделам науки сосредоточены в Москве. Такое положение с точки зрения развития науки, связи науки с техникой, подготовки научных кадров не рационально; в случае военной ситуации такое положение крайне опасно.

Для ликвидации этого ненормального положения, для создания в кратчайший срок (1–2 года) крупной научно-исследовательской базы на Востоке, привлечения туда значительных групп ученых разных специальностей, связанных с оборонной техникой, новой техникой, тяжелой индустрией, предлагаем:

1. Образовать в Сибири Академию наук Российской Федерации. Передать этой Академии ряд институтов и лабораторий Академии наук СССР с переводом их на восток. Избрать в Академию наук РСФСР молодых ученых с немедленным их переездом в Сибирь.

2. Поручить тов. Елютину в месячный срок представить мероприятия по усилению восточных вузов и переводу отдельных вузов из Москвы в Сибирь. Совместно с Академией наук РСФСР разработать мероприятия по переводу профессоров, преподавателей, аспирантов и студентов из Москвы, Ленинграда в Сибирь.

3. Поручить министерствам по военной технике, новой технике и тяжелой промышленности разработать предложения по переводу отдельных институтов и лабораторий, которые могли бы опираться на научные кадры Академии наук РСФСР» [19, с.18].

В ответ на записку академиков 30 декабря 1956 года было составлено заключение Отдела науки, вузов и школ ЦК КПСС по РСФСР, подписанное В. Кириллиным и Н. Казьминым. В заключении констатировалось, что академики обоснованно ставят вопрос о необходимости создания на востоке крупной научно-исследовательской базы.

В этом документе давались сведения о количестве научных учреждений в СССР. В 1956 году в СССР имелось 2797 научных учреждений, из которых на территории РСФСР находилось 1550, а на территории других союзных республик 1247. Из 1550 учреждений РСФСР в Москве размещалось – 448, в Ленинграде – 187, то есть 635, или 41 % всех научных учреждений. В Академии наук в 1956 году было 162 научных учреждения, из них 115 находились в Москве и Ленинграде, т.е. 71 %. Из 13138 научных сотрудников Академии наук 80 % находились в Москве и Ленинграде. Такое территориальное размещение научных учреждений в записке было охарактеризовано как неправильное в принципе. Авторы заключения предлагали принять предложение секретаря Новосибирского обкома КПСС т. Дерюгина о строительстве в районе Новосибирска специального научного городка.

В указанном документе была дана оценка предложения о создании в Сибири Академии наук РСФСР. Это предложение было признано нецелесообразным, потому что «подавляющее большинство институтов Академии наук расположено на территории РСФСР. Поэтому было бы чрезвычайно трудно разграничить функции академий наук СССР и РСФСР. Передача же большинства научных учреждений из ведения Академии наук СССР в ведение Академии наук РСФСР привела бы практически либо к ликвидации Академии наук СССР, либо к превращению ее в бюрократическую надстройку» [19, с. 20]. Обосновав таким образом невозможность создания Академии наук РСФСР, авторы заключения предложили создать Сибирское отделение Академии наук в г. Новосибирске.

Для подготовки вопросов по организации СО АН СССР было предложено создать комиссию во главе с секретарем ЦК КПСС т. Поспеловым, в составе: президента АН СССР Несмеянова, главного ученого секретаря Президиума АН СССР Топчиева, министра высшего образования СССР Елютина, представителя Госэкономкомиссии СССР Андреева, заместителя председателя Госплана СССР Яковлева, академиков Лаврентьева и Христиановича, секретаря Новосибирского обкома Дерюгина, заведующих отделами ЦК КПСС Кириллина и Казьмина. Любопытно, что для разработки организационных вопросов был установлен короткий пятнадцатидневный срок.

28 февраля 1957 г. по поручению Бюро ЦК КПСС по РСФСР по вопросу о создании Сибирского отделения Академии наук была подготовлена записка, подписанная Поспеловым, Кириллиным, Несмеяновым, Топчиевым, Дербинов,

Лаврентьевым, Христиановичем, Дерюгиным, Кобелевым, Жимериным и Силуяновым. В ней в качестве нерешенной проблемы было отмечено, что ряд министерств наряду со строительством предприятий пытаются создать в восточных районах научно-исследовательские институты. Но научно-исследовательские институты и высшие учебные заведения Сибири не обеспечены высококвалифицированными кадрами, производственной и жилой площадью. В то же время констатировалось, что более восьмидесяти процентов научных учреждений и научных работников Академии наук СССР находились в Москве и Ленинграде и были оторваны от производства.

В записке утверждалось, что «за истекший период времени после XX съезда партии почти ничего не сделано для приближения научных учреждений к объектам исследования. Поэтому заслуживает всяческого одобрения патриотический почин ряда ведущих ученых нашей страны, изъявивших согласие вместе с возглавляемыми ими коллективами научных работников переехать на постоянную работу в восточные районы Советского Союза. Для успешного осуществления предложений тт. Лаврентьева и Христиановича представляется целесообразным создать в Сибири научно-организационный центр, обладающий достаточно широкими полномочиями» [2, с. 756–757]. Наиболее правильным представлялось создание Сибирского отделения Академии наук СССР на правах самостоятельной организации, финансируемой по особому титулу. К записке прилагался проект постановления ЦК КПСС.

21 марта 1957 года была подготовлена записка Д. Т. Шепилова и В. А. Кириллина о развитии науки в восточных районах СССР, составленная по итогам обсуждения вопроса на Бюро ЦК КПСС по РСФСР.

В записке отмечалось, что «патриотическая инициатива тт. Лаврентьева и Христиановича, изъявивших согласие ехать на постоянную работу на восток, нашла поддержку многих крупных ученых», поэтому для осуществления предложения тт. Лаврентьева и Христиановича предлагалось создать в Сибири научно-организационный центр, обладающий достаточно широкими полномочиями и финансируемый по особому титулу.

Первый этап работ представлялся как создание Сибирского отделения Академии наук СССР, размещенного в районе г. Новосибирска и подчиненное как академии, так и Совету Министров РСФСР. Все научные учреждения Академии наук СССР, находящиеся в восточной части РСФСР, должны были передаваться этому Сибирскому отделению. Задачами нового отделения ставились: развитие научных исследований по новейшим направлениям физики, химии, геологии, технических наук, экономики, имея в виду содействие техническому прогрессу в промышленности Сибири и Дальнего Востока [2, с. 723].

Сибирское отделение планировалось открыть в формате научного городка, поэтому нужно было создать необходимую материально-техническую базу: здания для институтов, жилые дома, оборудование лабораторий. Для достижения этой цели было принято предложение инициативной группы ученых, а также партийных работников Сибири о скоростном строительстве научного го-

родка в районе г. Новосибирска и ряда научных учреждений в экономически важных районах Сибири и Дальнего Востока.

Строительство научного городка в районе Новосибирска и институтов в районе Иркутска предполагалось осуществить силами строительных организаций «Новосибирскобгэсстрой» и «Ангаргэсстрой», которые на тот момент заканчивали строительство Новосибирской и Иркутской гидроэлектростанций. Строительство научных учреждений в других городах Сибири и Дальнего Востока предполагалось осуществить силами местных строительных организаций.

Вопрос о финансировании этого масштабного проекта авторы предлагали решить следующим образом: поскольку в Шестой пятилетке предполагалось организовать 25 институтов СО АН, то было подсчитано, что это потребует около 1 млрд рублей, в том числе 60 млн рублей в 1957 году [19, с. 28].

Из вышеуказанной записки следует, что Бюро ЦК КПСС по РСФСР рассматривало вопрос об обеспечении научных работников жилой площадью и предполагало поручить Новосибирскому обкому КПСС и Новосибирскому горсовету депутатов трудящихся выделить в г. Новосибирске 60 квартир. Наконец, Президиуму Академии наук СССР поручалось передать в ведение Сибирского отделения АН СССР научные учреждения (институты, отделы и лаборатории) Академии наук СССР, расположенные в Москве и Ленинграде, соответствующие профилю Сибирского отделения АН СССР. Для такой передачи требовалось, чтобы коллективы этих институтов изъявили свое согласие на перевод их в восточные районы.

Проект постановления о создании Сибирского отделения был рассмотрен на заседании секретариата ЦК КПСС 16 мая 1957 г. и был принят с одной, но очень существенной поправкой. Из п. 1 по инициативе секретаря ЦК КПСС М. А. Сулова была вычеркнута формулировка «с перспективой развития его в самостоятельную Академию наук», то есть данная перспектива, на которую надеялись инициаторы проекта создания СО АН СССР Лаврентьев и Христианович, не получила в окончательном партийном решении поддержки, то есть создание Академии наук РСФСР было признано нецелесообразным.

В результате проведенной партией и правительством работы 18 мая 1957 года вышло известное постановление Совета Министров СССР «О создании Сибирского отделения Академии наук СССР».

В п. 4 этого документа была установлена основная задача нового научного центра: «Всемерное развитие теоретических и экспериментальных исследований в области физико-технических, естественных и экономических наук, направленных на решение важнейших научных проблем, способствующих наиболее успешному развитию производительных сил Сибири и Дальнего Востока». То есть основной задачей нового «мощного научного центра» было установление тесной связи науки и практики по директивам плана Шестой пятилетки, принятым на XX съезде КПСС. Достижение этой цели было одним из важнейших приоритетом Советского государства в сфере науки. В то же время Академия наук СССР настаивала на проведении не только практико-ориентированных исследований, но и исследований фундаментальных. Созда-

ние СО АН позволило Академии наук СССР переключиться от проблемы практического воплощения результатов НИР на теоретические исследования, о которых писали в 1955 году в «Важнейших задачах развития науки в Шестой пятилетке» президент Академии наук А. Н. Несмеянов, председатель Государственного комитета по новой технике В. А. Малышев и министр высшего образования СССР В. П. Елютин: «С целью усиления внимания к фундаментальным вопросам науки в академиях наук и крупных вузах сосредоточить проведение фундаментальных исследований, связанных с открытием неизвестных еще закономерностей и явлений природы, с таким расчетом, чтобы академии наук и ведущие вузы решали задачи научного прорыва, быстрого продвижения на ряде важнейших направлений» [14, с. 200].

Любопытно, что постановление ЦК КПСС и постановление Совета Министров СССР о создании СО АН СССР вышли в один день – 18 мая 1957 года. Сопоставление текстов этих постановлений показывает, что тексты их практически идентичные, но имеются небольшие редакционные правки. Например, п. 2 в постановлении ЦК КПСС сформулирован следующим образом: «Организовать Сибирское отделение Академии наук СССР со строительством для него научного городка в районе г. Новосибирска и ряда научных учреждений с благоустроенными жилыми зданиями для сотрудников **в важнейших экономических районах** (выделено мной – О. М.) Сибири и Дальнего Востока». В п. 2 постановления Советского правительства слов «важнейшие экономические районы» нет, что означало распространение строительства жилья для научных работников на все районы, где находились научные учреждения СО АН СССР.

Пункт 3 постановления партии гласил: «Включить в состав Сибирского отделения Академии наук СССР научные учреждения Западно-Сибирского филиала АН СССР и подчинить Сибирскому отделению Восточно-Сибирский, Якутский и Дальневосточный филиалы АН СССР, а также Сахалинский комплексный научно-исследовательский институт и Институт физики АН СССР в г. Красноярске» [19, с. 63]. А п. 3 в постановлении Совмина СССР сформулирован: «Обязать Академию наук СССР включить в состав Сибирского отделения научные учреждения ...» [18, с. 347–349]. Таким образом, норма п. 3 в постановлении Совета Министров имеет более ярко выраженный императивный характер, то есть государство потребовало от Академии наук выполнить предписание о передаче всех научных учреждений, расположенных в восточной части страны в ведение Сибирского отделения.

После создания СО АН СССР потребовалось внесение изменений в Устав Академии наук СССР. Президиум Академии наук СССР запросил разрешение на утверждение нового Устава на Общем собрании АН СССР. По этому вопросу Отдел науки, вузов и школ ЦК КПСС 3 июня 1958 года подготовил записку ЦК КПСС.

В этой записке отмечалось, что действующий в настоящее время Устав Академии наук СССР был утвержден в ноябре 1935 года.

За истекший период в организации и деятельности Академии произошли большие изменения, среди которых были выделены: значительный рост учре-

ждений Академии; укрепление отделений Академии, которые осуществляют непосредственное руководство научными учреждениями; образование Сибирское отделение Академии наук СССР; развитие международных связей Академии; организация одиннадцати академий наук союзных республик и двенадцати филиалов АН СССР. Таким образом, создание СО АН СССР было названо как значительное достижение в деятельности Академии.

В качестве существенного отличия проекта нового Устава было выделено: «Академии наук СССР вменяется в обязанность подготавливать и представлять на утверждение Совета Министров СССР перспективные планы разработки в СССР важнейших научных и научно-технических проблем комплексно с другими научными учреждениями страны, содействовать координации научных работ, проводимых в СССР, давать заключения и вносить предложения по вопросам организации научной работы в СССР» [2, с. 964–965]. Причем планы важнейших научно-исследовательских работ Академии утверждается Правительством, а планирование всей остальной деятельности Академии и ее учреждений осуществляется в порядке, установленном общим собранием Академии.

По проекту Устава 1958 года расширились права Академии наук СССР, она получила право самостоятельно решать вопрос о количестве отделений Академии, об учреждении в своем составе новых научно-исследовательских институтов. Также закреплялось право Академии устанавливать и развивать научные связи с академиями наук и другими научными учреждениями зарубежных стран, участвовать в международных научных съездах и совещаниях, вступать в международные научные организации. В состав Академии наук по Уставу 1958 года могли входить академики, члены-корреспонденты и иностранные члены, звание почетного члена АН СССР упразднялось. Выборы в Академию наук СССР предполагалось проводить ежегодно, а не один раз в 4–5 лет как было ранее. В проект нового Устава был включен специальный раздел, определявший положение Сибирского отделения АН СССР.

Постановление Президиума ЦК КПСС «Об Уставе Академии наук СССР» было принято 12 июня 1958 года, в котором высший партийный орган разрешил обсудить проект нового Устава на Общем собрании Академии.

Устав был утвержден 28 марта 1959 года. В нем появился раздел VIII «Сибирское отделение Академии наук СССР», в п. 53 которого устанавливалось, что «Сибирское отделение Академии наук СССР является научным центром, объединяющим академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР, ведущих работу в научных учреждениях Сибири и Дальнего Востока» [20, с. 162]. Обратим внимание, что к моменту принятия Устава Академии 1959 года постановлением Президиума АН СССР от 28 июня 1957 года был утвержден Устав Сибирского отделения.

В заключение подведем некоторые итоги проведенного анализа правовых и организационных основ Сибирского отделения АН СССР.

По первоначальному замыслу инициаторов создания СО АН СССР М. А. Лаврентьева и С. А. Христиановича предполагалось создание Академии

наук РСФСР, но эта идея была отклонена высшими партийными органами на этапе обсуждения вопроса в 1957 году как нецелесообразная.

Важнейшим аргументом в пользу создания нового отделения Академии на востоке страны было стремление обеспечить тесную связь науки и практики [4, 8, 9, 15]. В решении этой задачи Сибирскому отделению удалось достигнуть довольно значительных успехов, что явилось воплощением концепции так называемого «треугольника Лаврентьева» [13] – «наука – кадры – производство», когда совместно с научными институтами работали конструкторские бюро и опытные производства, расположенные территориально в одном районе. Любопытно, что указанная концепция организации науки продолжает работать и в настоящее время [11].

Еще одним важным фактором, определившим создание крупной научной базы на востоке, были интересы государства в сфере повышения обороноспособности [5, 6, 20, 21].

Решающую роль в создании Сибирского отделения сыграл ЦК КПСС, который провел большую организационную работу, в том числе по подготовке проектов решений и обоснований по этому вопросу. Проекты, подготовленные партийными органами, затем были утверждены нормативно-правовыми актами Совета Министров СССР. Но не стоит недооценивать в создании СО АН СССР роль Академии наук, научных организаций и самих ученых, их инициативу [3], а также активное участие местных партийных и хозяйственных органов

Список литературы

1. Академик Христианович: Ученый, Инженер, Человек // Наука из первых рук. 2008. № 5. С. 58–73.
2. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1991. 1952–1958. М. : РОССПЭН, 2010. 1279 с.
3. Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. — М.: РОССПЭН, 2006. 256 с. // URL: https://googleweblight.com/sp?hl&geid=NSTNR&u=https://statehistory.ru/books/E--T--Artemov_Nauchno-tekhnicheskaya-politika-v-sovetskoy-modeli-rozdneindustrialnoy-modernizatsii/2 (дата общения 25.11.2022).
4. Артемов Е. Т. Создание Сибирского отделения АН СССР — исторический рубеж в развитии советской науки // Известия СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. 1987. № 16. Вып. 3. С. 30–36.
5. Асеев А. Л. Новосибирский Академгородок центр оборонной науки страны // Власть. 2012. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novosibirskiy-akademgorodok-tsentr-oboronnoy-nauki-strany> (дата обращения: 18.11.2022).
6. Быстрова И. В. Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны, 1945–1964 гг.: Стратегические программы, институты, руководители: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Москва, 2001. 555 с.
7. Век Лаврентьева. Новосибирск. Изд-во СО РАН. 2000. 456 с.

8. Вишнякова Л. А. Государственное управление развитием науки в Западной Сибири (середина 50-х — середина 60-х гг.) Дисс... к.и.н. Новосибирск, 1992. 175 с.
9. Водичев Е. Г. Путь на Восток: формирование и развитие научного потенциала Сибири: (середина 50-х — 60-е гг.). Новосибирск : Издательство «Экор», 1994. 202 с.
10. Герои атомного проекта. Саров : 2005. 566 с.
11. Дерябина А. Перезапуск «Треугольника Лаврентьева» //сайт «Советская Сибирь» URL: <http://www.sovsibir.ru/news/167624?ysclid=lb3o8byudr227923456> (дата обращения 25.11.2022).
12. Есешкин М. М. Основные направления государственной деятельности Н.С. Хрущева (1953–1964 гг.): историческое исследование: автореферат диссертации ... кандидата исторических наук: 07.00.02. — Москва, 2007. — 256 с.
13. Ибрагимова З. М., Притвиц Н. «Треугольник» Лаврентьева: [История новосиб. Академгородка]. — М. : Сов. Россия, 1989. — 334 с.
14. Иванов В. К. Наука после Сталина: реформа Академии наук 1954–1961 гг. // Науковедение. 2000. № 1. С. 186 — 211 // URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/POST.HTM> (дата обращения 20.10.2022).
15. Кольцов А. В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР. (1917–1961 гг.). Л., 1988. 261 с.
16. Марченко М. А. Треугольник Лаврентьева – надежная конструкция для создания крупного суперкомпьютерного центра в Новосибирском Академгородке // сайт Института вычислительной математики и математической геофизики Сибирского отделения РАН URL: <https://icmmg.nsc.ru/ru/content/news/ma-marchenko-treugolnik-lavrenteva-nadezhnaya-konstrukciya-dlya-sozdaniya-krupnogo?ysclid=lb3o2r1bnx743679616> (дата обращения 25.11.2022).
17. Новосибирский научный центр. Новосибирск: изд-во Сибирского отделения АН СССР, 1962. 208 с.
18. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967. Т. 4. М., 1968. 783 с.
19. Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957–1961 годы): сборник документов / Российская акад. наук [и др.]; Отв. ред. Е. Г. Водичев. — Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2007. 374 с.
20. Уставы Академии наук СССР. М. : Изд-во «Наука». 1974. 208 с.
21. Харитонова Э. Г. Научно-техническая революция и развитие военно-промышленного комплекса СССР в 1953–1964 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. Москва, 2011. 189 с.
22. Шумилов В. Н. Становление и развитие военно-промышленного комплекса Западной Сибири 1929–1945 гг.: На материалах новосибирской, Кемеровской и Томской областей: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Новосибирск, 2002. 26 с.

23. XX съезд Коммунистической Партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчет: 1 полутом — М. : Политиздат, 1956. 2 полутом — М. : Политиздат, 1956. // <http://militera.lib.ru/docs/da/s20/index.html> (дата обращения 22.11.2022).

Организационно-правовые основы регулирования и стимулирования научной деятельности в высшем учебном заведении

Organizational and legal framework for regulating and stimulating scientific activity in a higher educational institution

Корякина Зинаида Ивановна

*кандидат юридических наук, доцент юридического факультета
заместитель декана по научной работе*

*Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова
Якутск, Россия*

Z_koryakina@mail.ru

Koryakina Zinaida Ivanovna

*Candidate of Law, Associate Professor of the Faculty of Law
Deputy Dean for Research*

*M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russia*

Z_koryakina@mail.ru

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы регулирования и стимулирования научной деятельности в высшем учебном заведении (на примере Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова). Приведены обстоятельства, которые подтверждают необходимость в организационно-правовой регламентации некоторых вопросов, связанных с субъектами научной деятельности высшего учебного заведения, на которых возложены определенные обязательства по повышению его эффективности. Внимание также уделяется нормативно-правовым проблемам стимулирования научной деятельности, в т. ч. молодых ученых, а также условий, требующих регулирования правовыми нормами.

Ключевые слова: научная деятельность, высшее учебное заведение, эффективность, аккредитация, научно-педагогический работник, молодой ученый, научный менеджмент, кадровый потенциал, стимулирование/

Abstract: the article deals with the issues of regulation and stimulation of scientific activity in a higher educational institution (on the example of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov). Circumstances are given that confirm the need for organizational and legal regulation of some issues related to the subjects of scientific activity of a higher educational institution, which have certain obligations to improve efficiency. Attention is also paid to the regulatory and legal problems of stimulating scientific activity, incl. young scientists, as well as conditions requiring regulation by legal norms.

Keywords: scientific activity, higher educational institution, efficiency, accreditation, scientific and pedagogical worker, young scientist, scientific management, personnel potential, stimulation.

Общеизвестно, что научные показатели современного вуза являются одним из основных критериев аккредитационной деятельности и важны для участия во всевозможных рейтингах, определения объема финансирования. В этой связи всегда актуально обращать приоритетное внимание на вопросы регулирования и стимулирования научной деятельности. С развитием современной модели высшей школы, научная деятельность так же одинаково важна, как и образовательная, «требующая постоянного обновления технологий, ускоренного освоения инноваций, быстрой адаптации к запросам и требованиям динамично меняющегося мира, участия в глобальной научной конкуренции» [3, с. 151].

Ключевое значение для развития научной деятельности вуза имеет формирование специально предназначенного для этого кадрового потенциала управленцев (менеджеров) в научной сфере. Безусловно, к таковым предъявляется наличие особого компетентностного набора функций, подхода, определенные навыки и умения. К сожалению, редко в каких вузах этому специально готовят, между тем на уровне обучающих курсов профессиональной переподготовки или повышения квалификации востребованность была бы высокой. Поэтому большинству из управленцев этой сферы приходится заниматься самообразованием. Это одна из сторон организационной основы, связанная с необходимостью пересмотра кадровой политики в высшем учебном заведении. В части правовой следует отметить правовую неопределенность и размытость в статусе такого функционала. Например, в Северо-Восточном федеральном университете имени М. К. Аммосова (далее по тексту – СВФУ) должность заместителя директора или декана учебного подразделения по научной работе носит не официальный, а общественный характер, т.е. признается только как дополнительная нагрузка, не фиксируемая официально как составляющая трудовой биографии, т.к. в трудовую книжку не вносится, в штатном расписании также не значится.

Безусловно, такой пассивный подход к ведению кадрового научного потенциала в управленческой сфере никак нельзя отводить к стимулированию научной деятельности. Тогда как, на заместителей руководителей учебных подразделений по научной работе возложены существенные задачи и ответственность, широкий функционал работы. Так, например, согласно Регламенту деятельности заместителя директора/декана по научной работе учебного подразделения, утвержденного приказом ректора СВФУ от 10.10.2019 г. это: – осуществление стратегического планирования и исполнения научной, инновационной и издательской деятельности подразделения;

- формирование ключевых научных направлений;
- организация деятельности по привлечению финансовых средств на проведение научно-исследовательских работ;

- координация деятельности соисполнителей научно-исследовательских работ при их совместном выполнении с другими научными учреждениями;
- определение сферы применения, внедрения и реализации в секторах экономики результатов научной и интеллектуальной деятельности;
- организация и контроль информационного обеспечения деятельности подразделения;
- выявление сильных и слабых сторон подразделения по выполнению наукометрических показателей;
- обеспечение связей подразделения с внешними организациями и учреждениями, поиск научных, методических и промышленных партнеров по выполнению отдельных проектов и работ, в том числе по взаимовыгодным отношениям, а также по использованию результатов интеллектуальной деятельности (РИД);
- участие в работе Научно-технического совета, являющегося представительным, коллегиальным, экспертным, совещательным и координирующим органом университета по научно-исследовательской деятельности.

Данным актом на указанных лиц также возложено более пятнадцати видов функциональных обязательств и столько же прав, возложенных не только для обеспечения информационной, посреднической, медиативной и отчетно-регистрационной деятельности, но и финансово-хозяйственной, офертной по поиску источников финансирования НИР.

Отдельной проблемой остается вопрос омоложения научных кадров. В Российской Федерации социальный и правовой статус ученого относится к одной из серьезных проблем, поскольку за последние 30 лет профессия ученого перестала быть привлекательной для молодежи, существенно сократился объем социальных, материальных и иных мер поддержки ученых [2, с. 69]. Официально озвучены статистические сведения по РФ, подтверждающие отток молодых ученых [5], сокращение численности ученых в целом [6].

На этом фоне Минобрнауки предприняла новую попытку определить категорию «молодые ученые» и вписать в законодательство нормы об их господдержке. Министерство науки и высшего образования РФ выступило с инициативой ввести понятие «молодой ученый» в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» [4]. Соответствующий законопроект уже опубликован на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов. Законопроект предлагает считать молодым ученым гражданина в возрасте до 35 лет включительно, профессионально занимающегося научной или научно-технической деятельностью. Предлагается признать особый статус молодых ученых в России и необходимость создавать условия для их профессиональной деятельности. В проекте дается определение понятию «молодой ученый» и закрепляется право таких научных работников на господдержку (как сказано в пояснительной записке к документу, это должно также стимулировать ученых, не имеющих степени кандидата или доктора наук, совершать научные открытия). Кроме того, законопроект закрепляет господдержку молодых ученых в виде стипендий, премий, грантов, социальной выплаты на приоб-

ретенение жилья. Таким способом в правительстве рассчитывают стимулировать исследования, необходимые для достижения научного и технологического суверенитета РФ.

Между тем, привилегированный, т. е. постоянно действующий непрерывный точечный подход в вопросах стимулирования их научной деятельности слабо проявлен. Например, в СВФУ стимулирующая часть деятельности молодых ученых проявляется в основном в виде проведения различных для них конкурсов (Положение о конкурсе номинаций для молодых исследователей СВФУ, утверждённое приказом ректора от 06.04.2021 г.), мероприятий (например, 2021 год в СВФУ был объявлен Годом молодого исследователя под девизом «Познавать и развиваться»).

Считаем, что, прежде всего, необходимо расширить основания для материального поощрения молодых ученых, вплоть до увеличения им оклада и удвоения стимулирующих выплат по эффективному контракту. Также на федеральном уровне должна быть разработана концепция поддержки молодых ученых в определенный срок (на долгосрочный период).

В целях полноты организационного сопровождения молодых ученых на протяжении их научной карьеры до достижения ими 39 лет помимо научного руководителя за ним должен быть закреплен наставник. Институт научного наставничества или кураторства мог бы поддерживаться за счет стимулирующего фонда вуза, более того, считаем, что в случае реализации программ по аспирантуре в каждом вузе в обязательном порядке (возможно, как аккредитационный показатель) должна функционировать «Школа аспиранта» или «Школа молодого ученого».

Поиск и вовлечение молодых, перспективных кадров в научную деятельность вуза – функционал управленческой деятельности в сфере науки. Поэтому важно установить механизм, который бы учитывал как организационные, так и правовые основы регулирования и стимулирования научной деятельности молодых ученых.

Следующая проблема, которая также является актуальной, это организационное регулирование рациональной и более мягкой занятости научно-педагогических кадров, занятых в научной деятельности.

По общепринятым правилам, годовая нагрузка средняя в часах на 1 ставку исходит из расчета – 900 часов. Для обеспечения этих часов у преподавателя уходит большая часть второй половины дня, которая в каждом вузе регулируется по-разному и, как правило, не оплачивается. С учетом все усиливающихся требований по научным показателям эффективности вузов, мы согласны с мнением тех экспертов, которые считают, что пора пересмотреть перечень должностей в вузах.

Например, в практике СВФУ имелся подобный опыт, когда наиболее эффективные по научным показателям кадры могли перевестись на должности доцента – исследователя или доцента – профессора с минимальной учебной нагрузкой в часах. Данный опыт действительно заслуживает внимания, т. к. новейшая классификация профессорско-преподавательского состава на два вида, с одной стороны эффективных в учебном процессе, с другой, занятых преиму-

щественно в научных исследованиях, представляется, на наш взгляд, наиболее оптимальным решением.

Следующая проблема, с которой наверняка сталкивались многие управленцы в научной деятельности – это проблемы правового регулирования содержания научно-исследовательской деятельности.

Так, при разработке локального акта в СВФУ для регулирования научно-исследовательской деятельности (Положение о научной деятельности в Северо-Восточном федеральном университете имени М. К. Аммосова, утвержденное приказом ректора от 25.06.2021 г.), в первую очередь, а именно порядка организации, финансирования и стимулирования, оказалось, что не просто определить, какой вид работы, особенно в социо-гуманитарных научных отраслях, является научной. Например, в юридических темах возникает вопрос о признании таковым таких видов как: юридическая экспертиза, правовое консультирование, научно-методическое сопровождение и т.п. Споры на этой почве возникали неоднократно, и документ в этой связи не принимался более двух лет.

Поэтому возникает вопрос, какие виды труда считаются научными? Нужна единая нормативно-правовая база, стандартизация, унификация в этой части, в т. ч. с разъяснением терминов. Например, отсутствует официальное толкование понятия «научная школа», «научный показатель», «научная эффективность», сложно определить юридические признаки научно-исследовательской деятельности и т. д.

Отдельно следует отметить и размер отчислений от полученной суммы финансирования НИР, когда вместе с накладными расходами и процентными долями (сумм) удержания на обязательные налоговые и страховые платежи у исследователя уходит до 60%, а на реализацию проекта остается всего до 40% выделенных средств. Вряд ли такой подход сможет стимулировать у исследователей интерес к финансируемым НИР.

Таким образом, можно констатировать, что организационно-правовые основы регулирования и стимулирования научной деятельности в высшем учебном заведении требуют дифференцированного, вместе с тем стандартизованного и унифицированного правового регулирования, возможно, в рамках становления отдельной отрасли научного права [1].

Список литературы

1. Васильев А. А. Научное право как отрасль российского права // Управление наукой: теория и практика. 2020. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnoe-pravo-kak-otrasl-rossiyskogo-prava> (дата обращения: 3.10.2022).

2. Васильев А. А., Путило Н. В. Правовой статус ученого как фактор научно-технологического развития России // Управление наукой: теория и практика. 2021. № 2. С.59–74.

3. Гнатюк О. Л. Современные модели высшей школы. Часть 1. Высшая школа сегодня: методология исследования // Вестник ЛГУ имени А. С. Пушкина. 2014. №2. С.150–159.

4. Законопроект № 182535-8 «О внесении изменения в статью 4 Федерального закона "О науке и государственной научно-технической политике»» / Официальный сайт: СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/182535-8> (дата обращения: 18.09.2022).

5. Президент РАН: В России сокращается число ученых / Официальный сайт Российской газеты. URL: rg.ru/2021/05/13/prezident-ran-v-rossii-sokrashchaetsia-chislo-uchenyh.html (дата обращения: 18.09.2022).

6. Цифры реально повергают в шок. Юрий Пронько о научной беде России / Средство массовой информации сетевое издание «Царьград/Tsargrad». URL: https://tsargrad.tv/articles/cifry-realno-povergajut-v-shok-jurij-pronko-o-nauchnoj-bede-rossii_347349 (дата обращения: 18.09.2022).

**Взаимодействие Сибирского отделения Академии наук
с партийными и государственными органами**

**Interaction of the Siberian Division of the Academy
of Sciences with party and state bodies**

Окунева Марина Олеговна

кандидат юридических наук,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права

Института права и управления

Московский городской педагогический университет

доцент кафедры теории и истории государства и права

Московского гуманитарного университета

г. Москва, Россия

m_o_okuneva@mail.ru

Okuneva Marina Olegovna,

PhD in Law, senior lecturer

of the Department of Theory and History of State and Law

Institute of Law and Management

Moscow City University

docent of the Department of Theory and History of State and Law

Moscow University for the Humanities

Moscow, Russia

m_o_okuneva@mail.ru

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, исследовательский проект № 21-011-43026 «Правовая политика Советского государства в сфере развития науки».

Аннотация: в статье на основе ранее не вводившихся в научный оборот материалов фондов Государственного архива РФ и Российского государственного архива экономики рассматривается взаимодействие Сибирского отделения Академии наук СССР с центральными и местными партийными и государственными органами (Государственным комитетом Совета министров СССР по координации научно-исследовательских работ, Государственным комитетом Совета министров РСФСР по координации научно-исследовательских работ, исполкомами областных и краевых Советов депутатов трудящихся, краевыми и областными комитетами КПСС). Показаны основные формы взаимодействия, их результаты.

Ключевые слова: Сибирское отделение АН СССР, управление наукой, история советской науки, Государственный комитет по координации научно-исследовательских работ Совета министров СССР, Государственный комитет

по координации научно-исследовательских работ Совета министров РСФСР, исполкомы Советов депутатов трудящихся, комитеты КПСС.

Abstract: the article based on the materials from the funds of the State Archive of Russian Federation and the Russian State Archive of Economy that had not been in the scientific circulation considers the interaction between the Siberian Branch of the USSR Academy of Science and central and local Party and Soviet authorities and governmental bodies (such as State Committee of the Council of Ministers of the USSR on the Coordination of Scientific Research, State Committee of the Council of Ministers of the RSFSR on the Coordination of Scientific Research, Executive Committees of the divisional and provincial Soviet of Working People's Deputies, regional Committees of the CPSU). There are shown the main forms of interaction and their results.

Keywords: Siberian Division of the USSR Academy of Science, science management, history of soviet science, State Committee of the Council of Ministers of the USSR on the Coordination of Scientific Research, State Committee of the Council of Ministers of the RSFSR on the Coordination of Scientific Research, Executive Committees of the Soviet of Working People's Deputies, Committees of the CPSU.

С момента своего создания в 1957 г. Сибирское отделение АН СССР активно взаимодействовало с государственными органами управления наукой, а также с местными партийными и государственными органами по поводу весьма широкого и разнообразного круга вопросов организации научных исследований, работы подразделений отделения, создания новых и упразднения существующих структурных единиц научных учреждений.

К числу центральных государственных органов управления наукой к 1957 г. относились Государственный научно-технический комитет Совета министров СССР (ГНТК Совмина СССР, с 1961 г. – Государственный комитет Совета министров СССР по координации научно-исследовательских работ (ГК по КНИР)), аналогичные государственные комитеты на уровне союзных республик. В ГНТК действовал отдел АН СССР, Академий Наук союзных республик и вузов.

Создание Сибирского отделения АН СССР совпало по времени с «хрущевскими» реформами по децентрализации управления народным хозяйством. Управление наукой тоже было в определенной степени децентрализовано, предпринимались и попытки приблизить научные исследования к производству, а научные учреждения – к местным органам управления. При этом сохранялась координация научных исследований на общесоюзном уровне. Управленческие и организационные решения в области развития науки принимались на уровне Совета министров РСФСР, но в обязательном порядке согласовывались с ГНТК Совета министров СССР.

Сибирское отделение АН СССР было в достаточной степени автономным научно-исследовательским учреждением и коммуницировало с ГНТК СССР и РСФСР по ряду вопросов напрямую, а не через посредство Академии СССР.

Так, по вопросам планирования научных исследований и о выполнении плана научно-исследовательских работ Сибирское отделение АН СССР отчитывалось также напрямую в ГК по КНИР-ГНТК Совета министров СССР¹. Особое внимание при этом уделялось внедрению результатов научных исследований в народное хозяйство, что было важным требованием государства к работе научно-исследовательских учреждений.

Так, СО АН СССР самостоятельно согласовывает тематические планы с Энергетическим институтом Госкомитета по энергетике и электрификации СССР и ГК по КНИР Совета министров СССР², вносит свои замечания по проекту плана научно-исследовательских и опытных работ на 1963 г. и ходатайствует об исключении СО АН СССР из числа исполнителей отдельных тем.

СО АН СССР направляет свои замечания по проекту плана НИР и опытных работ, включенных в план развития народного хозяйства СССР на 1963 год непосредственно в ГК по КНИР Совета министров СССР, в АН СССР же направлена копия (начальнику научно-организационного отдела Президиума АН СССР)³. Аналогично непосредственно в ГК по КНИР Совета министров СССР были направлены и дальнейшие замечания отдельных подразделений СО АН СССР к проекту плана НИР и опытных работ по важнейшим теоретическим проблемам естественных и гуманитарных наук на 1963 г.⁴

Запрос ГК по КНИР Совета министров СССР по поводу плана НИР СО АН СССР также был направлен непосредственно в Отделение, и ответили на запрос напрямую в ГК по КНИР, минуя АН СССР⁵.

В том же порядке СО АН СССР отчитывалось о внедрении результатов научных исследований. Так, Отделение направило в ГК по КНИР Совета министров СССР «План опытно-промышленной проверки и внедрения результатов НИР в народное хозяйство» на 1963 год⁶.

Отчеты о выполнении планов научных работ, научно-организационных мероприятий, международного научного сотрудничества, капитальных вложений на развитие науки также направлялись СО АН СССР в ГК по КНИР Совета министров СССР непосредственно⁷.

¹ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 318, 321–340, 342–348, 350, 352–418, 421–459.

² РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 318. Письмо СО АН СССР в Энергетический институт Госкомитета по энергетике и электрификации СССР и зампреда ГК по КНИР СССР от 11 сентября 1963 г. № 367-1-211фт/1684.

³ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 321. Письмо СО АН СССР от 15 ноября 1962 г. № 367-2-211в/2582 в ГК Совмина СССР по КНИР. Замечания СО АН СССР по проекту плана НИР и опытных работ, включенных в план развития народного хозяйства СССР на 1963 год.

⁴ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 340. Письмо СО АН СССР от 19 ноября 1962 г. № 367-2-211в/2696; Л. 342. Письмо СО АН СССР от 3 декабря 1962 г. № 367-2-211в/2736; Л. 347. Письмо СО АН СССР от 13 декабря № 367-2-211 гео/2817.

⁵ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 350. Письмо СО АН СССР от 4 апреля 1963 г. № 367-1-211/717 Заместителю председателя ГК по КНИР СССР тов. Самарину Александру Михайловичу.

⁶ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 351. Письмо СО АН СССР от 3 мая 1963 г. № 367-1-211/943 в ГК по КНИР СССР; Л. 457. Приложение к отчету о выполнении плана по новой технике за 1962 год. Сведения о невыполненных заданиях по государственному (союзному) плану важнейших НИР и внедрению достижений науки и техники в народное хозяйство за 1962 год по СО АН.

⁷ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 408. Отчет о выполнении плана сессий, совещаний и конференций научными учреждениями СО АН СССР за 1 полугодие 1963 г.; Л. 421. От 15 января 1963 г. № 367-2-221/116. Отчет СО АН СССР о деятельности за 1962 г.; Л. 422. От 21 января 1963 г. № 367-2-221/173 председателю ГК

Планы научных исследований СО АН СССР согласовывались с АН СССР в лице ее Президиума¹, однако сокращение тематики плана, произведенное ГК по КНИР при Совете министров СССР без согласования с Президиумом АН СССР и без учета предложений СО АН СССР, Сибирское отделение обжаловало в ГК по КНИР самостоятельно, а не через АН СССР, направив обращение Председателю ГК по КНИР СССР, где указывало, что Президиум СО просит разрешить продолжение работ по снятым темам и сохранив полный объем финансирования и штатную численность сотрудников².

По ряду вопросов взаимодействие СО АН СССР с ГК по КНИР-ГНТК СССР и РСФСР проходило через АН СССР. СО АН направляло предложения в АН СССР, АН СССР – в ГК Совета министров РСФСР по координации НИР, а он – на общесоюзный уровень, в ГКНИР Совета министров СССР. В качестве примера можно привести обсуждение вопроса о создании Вычислительного центра СО АН СССР³. Президиум СО АН СССР принял решение о создании в структуре Отделения Вычислительного центра⁴, определил и предполагаемую структуру Вычислительного центра⁵, а глава СО АН СССР академик Лаврентьев направил предложение о создании центра в ГКНИР Совета министров РСФСР⁶. Инициатива СО АН СССР обсуждалась непосредственно в ГКНИР Совета министров РСФСР⁷.

Важной частью взаимодействия СО АН СССР с государственными органами были вопросы реорганизации его структуры. Решение принималось на уровне ГК по КНИР РСФСР⁸. Так, в русле общей децентрализации управления и в целях приближения научно-исследовательских учреждений к производству для ускорения внедрения результатов научно-исследовательских работ в народное хозяйство ГК по КНИР Совета министров РСФСР предложил АН СССР передать часть научных учреждений в ведение отраслевых министерств и ведомств⁹. Такое решение о реорганизации вызвало резкий протест со стороны СО АН СССР, Президиум которого принял специальное решение против реорганизации и направил его в ГК по КНИР Совета министров РСФСР¹⁰. Отдельные подразделения СО АН СССР обратились с просьбами не передавать их отраслевым ведомствам непосредственно в ГК по КНИР Совета министров

Совмина СССР по КНИР отчет СО АН СССР о выполнении плана НИР и опытных работ, предусмотренных постановлением Совмина СССР от 30 ноября 1961 г. № 1100 за 1962 год, а также отчет о выполнении плана капитальных вложений на развитие науки за 1962 год.; РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 243. Отчет Сибирского отделения АН СССР за 1963 г.

¹ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 458.

² РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 458, 459.

³ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 18–26, 33–38.

⁴ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 23–24.

⁵ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 25–26.

⁶ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 21–22.

⁷ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 33–38.

⁸ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 136, 137.

⁹ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 137–141.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 142–146. Решение Бюро Президиума СО АН СССР от 21 декабря 1962 г. № 593 «О принципах реорганизации Сибирского отделения АН СССР».

СССР¹. Таким образом, имела место тенденция обращения подразделений СО АН СССР «через голову» Отделения в центральные государственные органы управления.

Активным было взаимодействие СО АН СССР и его подразделений с местными партийными органами. К ним обращались за помощью и защитой в случаях несогласия с реорганизацией. Имело место и обращение в местные партийные органы подразделений СО АН СССР в случае их несогласия с решением самого Отделения. Так, протестуя против передачи Забайкальского комплексного НИИ из СО АН СССР отраслевому ведомству – Министерству геологии и охраны недр СССР, руководство НИИ обратилось в Читинский областной промышленный комитет КПСС, который и направил письмо с просьбой не передавать НИИ отраслевому ведомству Председателю ГК по КНИР Совета министров СССР². Местный партийный орган, считая постановление о переподчинении НИИ неправильным, просил учесть следующие обстоятельства: «в Забайкалье имеется диспропорция между природными ресурсами и производительными силами. Забайкальский комплексный НИИ проводит успешные исследования не только по геологии, но и по другим темам (рациональное использование трудовых ресурсов, развитие энергетической базы, комплексное использование лесов и т. д.). В НИИ сложился научный коллектив, крупный, работоспособный, сплоченный, способный решать поставленные задачи. В ближайшие 2–3 года будут подготовлены к защите 3 докторских и 5–6 кандидатских диссертаций. Поэтому передача в Министерство геологии приведет к свертыванию НИР комплексного характера, к распылению с трудом созданного творческого коллектива и к уходу отдельных научных работников из Забайкалья»³. Читинский промышленный обком КПСС, учитывая значение Забайкальского НИИ в комплексной разработке проблем рационального использования природных богатств Забайкалья, настоятельно просил сохранить его в системе АН СССР. Просьба местного партийного органа, однако, не была принята во внимание, и НИИ был реорганизован и передан в ведение отраслевых органов управления.

С аналогичной просьбой в бюро ЦК КПСС по РСФСР и в ГК Совета министров РСФСР по КНИР обратился Приморский краевой комитет КПСС, возражавший против предполагаемой реорганизации Дальневосточного филиала СО АН СССР и предлагавший «сохранить этот филиал, как единое комплексное научное учреждение на Дальнем Востоке»⁴: «Краевому комитету КПСС стало известно, что Государственный комитет РСФСР по координации научно-исследовательской работы намечает ликвидировать Дальневосточный филиал им. В. Л. Комарова СО АН СССР путем передачи институтов и лабораторий

¹ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 148–149. Письмо Института нефте- и углехимического синтеза СО АН СССР Председателю ГК Совмина СССР по КНИР; Л. 154–155. Выписка из решения Президиума Восточно-Сибирского филиала СО АН СССР.

² РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 244–245. Письмо Читинского обкома Председателю ГК по КНИР Совета министров СССР 29 января 1963 г.

³ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 244–245. Письмо Читинского обкома Председателю ГК по КНИР Совета министров СССР 29 января 1963 г.

⁴ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 247.

различным ведомствам и учреждениям. Краевой комитет КПСС считает, что принятие подобного решения нецелесообразно и что его осуществление нанесет большой ущерб развитию народного хозяйства и культуры Дальнего Востока»¹. В обоснование своих возражений Приморский крайком КПСС указывал, что Дальневосточный филиал – «крупное, сложившееся на протяжении 30 лет комплексное научное учреждение, занимающееся важнейшими для Дальнего Востока проблемами», «единственное на территории от Иркутска до побережья Тихого океана учреждение, где специалисты-дальневосточники имеют возможность защищать кандидатские диссертации. Ликвидация дальневосточного филиала приведет к потере для Дальнего Востока многих высококвалифицированных специалистов, успешно работающих в ныне в системе АН СССР»². «Краевой комитет КПСС считает, что для быстреего освоения богатейших природных ресурсов Дальнего Востока, создания индустриальной базы, подъема экономики и культуры восточных районов, а также подготовки местных квалифицированных кадров для народного хозяйства, Дальневосточный филиал должен быть сохранен и укреплен».

С аналогичным письмом с возражением против предполагаемой реорганизации Дальневосточного филиала и просьбой «сохранить этот филиал, как единое комплексное научное учреждение, на Дальнем Востоке» обратился в ГК Совмина РСФСР по КНИР Хабаровский крайком КПСС³. Хабаровский крайком, в отличие от Приморского, в своем письме указывал, что информация о ликвидации поступила от руководства Дальневосточного филиала СО АН СССР: «по сообщению председателя президиума Дальневосточного филиала СО АН СССР тов. Хоментовского А. С. ГК РСФСР по КНИР намеревается ликвидировать Дальневосточный филиал»⁴. Аргументы письма в защиту филиала практически дословно повторяли аргументы письма Приморского крайкома⁵, из чего можно предположить, что составлен текст письма был, вероятно, представителями самого научного учреждения.

Интересно отметить, что местные партийные органы в своих обращениях в защиту учреждений СО АН СССР не всегда указывали, что работают по их жалобам («краевому комитету КПСС стало известно...»). При этом против реорганизации учреждений они возражали весьма решительно, обращаясь в центральные партийные и государственные органы. Основной мотивацией их ходатайств выступали экономическое развитие региона и подготовка местных высококвалифицированных кадров. Не всегда такое заступничество приносило плоды.

Напротив, организация в структуре научных учреждений СО АН СССР новых подразделений вызывала поддержку местных партийных органов. Так, Приморский краевой комитет КПСС, ознакомившись с материалами по предложению Дальневосточного филиала СО АН СССР о создании в составе фили-

¹ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 248–249. Письмо Приморского крайкома КПСС от 12 января 1963 г. № 9.

² РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 248–249.

³ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 250.

⁴ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 252–253. Письмо Хабаровского крайкома 22 января 1963 г. № 27.

⁵ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 252–253. Письмо Хабаровского крайкома 22 января 1963 г. № 27.

ала Института биологически активных веществ, «всячески поддержал» это предложение и обратился к Президенту АН СССР академику М. В. Келдышу с просьбой «решить положительно вопрос об организации»¹, причем в письме было заявлено также, что «приморские краевые организации со своей стороны окажут помощь филиалу в обеспечении приглашаемых в Институт докторов и кандидатов наук квартирами и в окончании строительства главного корпуса». Этот вопрос был решен положительно.

Еще одной стороной взаимодействия с местными партийными и советскими органами стала организация заповедников². По инициативе СО АН СССР в 1963 г. на Дальнем Востоке были организованы четыре новых заповедника и расширен действующий заповедник «Кедровая Падь». Предложения об организации заповедников были направлены Дальневосточным филиалом СО АН СССР в местные органы Советской власти, которые и приняли решение об организации заповедников и обратились в АН СССР с просьбой поддержать решение, а в Совет министров РСФСР – утвердить его³.

Таким образом, на начальном этапе своего существования Сибирское отделение АН СССР активно взаимодействовало с центральными государственными органами управления наукой, по ряду важнейших вопросов коммуницируя с ними непосредственно (без посредства Академии наук СССР). Активным было и взаимодействие с местными партийными органами, к которым СО АН СССР и его подразделения обращались по разным вопросам и находили поддержку и защиту. Местные партийные органы в интересах подразделений СО АН СССР обращались в центральные партийные и государственные органы, АН СССР, решительно высказывались против невыгодной научным учреждениям реорганизации, ссылались на интересы развития народного хозяйства своих регионов, оказывали существенную материальную поддержку научным учреждениям (жилье для сотрудников, строительство административных зданий). Поддержка на местах была очень важна.

¹ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 288. Письмо Приморского крайкома 7 декабря 1963 г. № 416/1 Президенту АН СССР академику М.В. Келдышу.

² РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 289–290. Письмо СО АН СССР 19 декабря 1963 г. №367-1-103д/2858 Президенту АН СССР академику М.В. Келдышу.

³ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 279. Л. 302. Решение № 59 Исполкома Хабаровского краевого Совета депутатов трудящихся от 1 февраля 1963 г.; Л. 303. Решение № 612 Исполкома Амурского областного Совета депутатов трудящихся от 27 октября 1962 г.; Л. 306. Письмо Исполкома хабаровского краевого Совета депутатов трудящихся от 16 февраля 1963 г. № 77-295.

**Сибирские методологи: вклад новосибирских ученых
в развитие прикладной социологии**

**Siberian methodologists: contribution of Novosibirsk
scientists to the development of applied sociology**

Львов Степан Васильевич

кандидат социологических наук

директор по стратегическому развитию

Всероссийский центр изучения общественного мнения

Доцент департамента социологии

Финансовый университет при Правительстве РФ,

г. Москва, Россия

lvov@wciom.com

Lvov Stepan Vasilyevich

sc. candidate (sociology)

strategic development director

Russian Center for Public Opinion Research

Associate Professor, Department of Sociology

Financial University under the Government of the Russian Federation

Moscow, Russia

lvov@wciom.com

Аннотация: проанализированы результаты научного поиска группы ученых, объединенных в институтах Сибирского отделения Академии наук СССР в 1960 – начале 70-х годов. Центром координации специалистов разных профессий – экономистов, математиков и социологов стал Институт экономики и организации промышленного производства. Активная научная деятельность группы под руководством Т. И. Заславской оказала ключевое влияние на институционализацию сферы прикладных социальных исследований в СССР и в России. Несмотря на идеологические ограничения, научный поиск не прекращался. В этот период появились новые методологические дисциплины и теории среднего уровня.

Ключевые слова: советская социология, Сибирское отделение АН СССР, методология социальных исследований, Т. И. Заславская, прикладная социология.

Abstract: the results of the scientific search of a group of scientists, united in the institutes of the Siberian Division of the Academy of Sciences of the USSR in 1960 – early 70s, were analyzed. The Institute of Economics and Industrial Organization became the focal point for the coordination of specialists of different professions – economists, mathematicians, and sociologists. The active scientific activity of the group led by T. I. Zaslavskaya had a key influence on the institutionalization of the sphere of applied social research in the USSR and in Russia. Despite ideological con-

straints, the scientific search continued. During this period, new methodological disciplines and mid-level theories emerged.

Keywords: Soviet Sociology, Siberian Division of the USSR Academy of Sciences, Methodology of Social Research, T. I. Zaslavskaya, Applied Sociology.

Одним из наиболее заметных научно-организационных феноменов, оказавших влияние на становление советской, и, впоследствии, российской социологической науки является неформальное объединение ряда ученых и исследователей, впоследствии получившее название Новосибирской экономико-социологической школы (НЭСШ) [3].

Формальной структурой, внутри которой зародилось это движение, являлся Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР [22, с. 169]. Но, как научная школа и методологическое сообщество, оно выходило за рамки указанного академического института. Признанным лидером этой школы являлась Т. И. Заславская. В число наиболее известных представителей этой школы, оказавших значительное влияние на методологию социальных исследований, относятся десятки имен – выделение кого-либо из них в отдельный список было бы несправедливо. Фактически каждый исследователь этой школы был в первую очередь методологом, лишь некоторым из них удалось выйти на уровень общих теорий. Тем не менее, вклад этой группы ученых в институционализацию отечественной социологической науки является одним из самых значительных.

Для становления этой школы, по признанию самой Т. И. Заславской, не было объективных условий – «не было больших перспектив» [14]. Созданное на рубеже 50-60-х годов, в период хрущевской оттепели, Сибирское отделение АН СССР, некоторое время находилось в определенной автономии от идеологического пресса. И даже в этих условиях, полная свобода научного творчества, особенно в общественных науках, была невозможна. Фактический запрет, наложенный на социологию, признание этой науки «буржуазной лженаукой» в СССР не был отменен. Некоторым шансом для исследователей того времени была возможность «примкнуть» к официально одобряемой экономической науке, либо позиционировать себя как ученых, занимающихся «конкретными социологическими исследованиями». Практическая значимость задач развития народного хозяйства частично легитимировала занятия тематическими исследованиями и обеспечивающими их уровень и качества методологическими изысканиями. Этот момент наложил серьезный отпечаток на формирование и тематику исследований ученых НЭСШ.

Кроме указанных причин «возрождения» социологии в Сибири, являлось особое положение новосибирского Академгородка, на которое региональная партийная организация не могла распространить в полной мере идеологический контроль. Поскольку СО АН обладало индульгенцией на реализацию собственной научной программы, и подчинялось в первую очередь руководству Академии наук, «проводить социологические исследования стало возможно при соблюдении некоторых неписаных правил» [14].

Вторым важным условием создания самостоятельной научной школы стало наличие в структуре Сибирского отделения мощного и «благонадежного» Института экономики и организации промышленного производства (директор – Г. А. Пруденский, затем – А. Г. Аганбегян), под крылом которого новосибирские социологи получили возможность за короткий период сформировать организационную структуру и накопить интеллектуальный потенциал для совершения невозможного доселе рывка в отечественной социологии. Заслуга формирования команды, совершившей этот рывок принадлежит А. Г. Аганбегяну, и приглашенной им в 1963 году в Академгородок Т. И. Заславской [12].

В это время в других городах страны – в Москве, Ленинграде благодаря усилиям отдельных ученых происходит борьба за возвращение социологии статуса официальной науки – опять же в определенных идеологических рамках, выйти за рамки которых было невозможно даже теоретически. В 1950–60-е годы такой подъем происходил «в западноевропейских странах и ... начался в СССР, но был искусственно прерван в начале 1970-х» [30]. В столичных городах в этот период не было тех относительно благоприятных условий, какие были созданы в Новосибирске и значительная часть социологов тратила свои усилия на поиск места под солнцем и легитимацию своих научных притязаний.

Третьим условием «новосибирского социологического чуда» стала возможность доступа исследователей к ресурсам статистической обработки данных. В этом качестве выступала созданная А. Г. Аганбегяном Лаборатория экономико-математических исследований (ЛЭМИ) в составе ИЭ СО АН СССР. В ноябре 1962 года ЛЭМИ был «пересоздан» как хозрасчетное предприятие в НГУ, «к тому времени коллективами Лаборатории экономика-математических исследований Института экономики СО АН СССР и математико-экономического отдела Института математики СО АН СССР был создан значительный научный задел в методологии применения математических методов и ЭВМ к отдельным классам экономических задач и создания библиотеки программ для решения задач оптимального планирования» [29].

В ЛЭМИ при НГУ с момента основания ведет работу Группа математической социологии. Среди тем, которые были отмечены в отчете – исследование профессиональной склонности молодежи, в том числе и в науке. О характеристиках выборки исследования можно судить по приведенным в нем данным: «осуществляется разработка (так в тексте) 4000 анкет, которым подверглись все выпускники средних школ Новосибирска и области, поступают также данные о фактическом трудоустройстве этих выпускников, имеется 10% выборочное анкетирование учащихся 8-ых классов» [29, с. 14]. Такая информация не дает возможности оценить качество данных с точки зрения принятых в современных выборочных исследованиях критериев. Тем не менее, очевидно, что задача имеет безусловную практическую ценность и направлена на решение конкретной управленческой задачи. Здесь же подчеркивается, что «указанное исследование – одно из первых в СССР, проводимых с широким использованием математического аппарата и ЭВМ» [29, с. 14].

Параллельно проводилось исследование текучести кадров по заказу Западно-Сибирского совнархоза, работа по анализу факторов, определяющих квалификацию работников угольной промышленности (в интересах КУЗНИ-УИ), машиностроительных профессий (для ВНИИТруда). «В результате этих работ строятся многофакторные корреляционные модели экономических показателей, используются при этом работающие в ЛЭМИ две программы для расчетов множественной корреляции» [29, с. 15].

Инновационный характер лаборатории заключался в приоритете работы с массой эмпирических данных и статистики, получаемой непосредственно от субъектов экономики. «Имеется в виду комплексную систему моделей территориально-перспективного планирования воссоздать через синтез частных моделей, идя снизу, а не сверху от общих построений, как это делает ряд московских институтов. Принятый подход позволяет, не дожидаясь решения всей проблемы, использовать для практики получаемые частные результаты» [29, с. 2–3]. Таким образом, у исследователей, работа которых базируется на опросных данных, появилась прекрасная возможность стать ключевыми поставщиками необходимой для этой структуры первичной социологической информации.

Основной характеристикой деятельности новосибирских методологов в области социальных исследований являются их «экономические корни». Значительный пласт заимствований методов анализа и моделирования социальных процессов проистекал из методов, апробированных и разрабатываемых в экономико-математических дисциплинах. Для социологии, как дисциплины, в тот период лишенной теоретической поддержки, если не считать исторический материализм и марксистско-ленинскую теорию, эта стратегия была практически единственной из возможных.

Вполне очевидно, что перед первыми сибирскими социологами не стояла задача выбора основной темы исследования. Этот выбор был продиктован заказом сверху и определялся приоритетами советского государства на тот период. Можно предположить, что выбор мог быть между развитием «сельских производительных сил» и проблемами промышленного освоения природных ресурсов Сибири. Вторая тема требовала больше ресурсов, находилась в динамической стадии и обладала огромным разнообразием потенциальных объектов исследования. Все это могло сильно повлиять на результативность исследований.

Социальные исследования села – это оптимальный выбор для представителей академической науки того времени. В это время подходит к завершению длительный исторический период, связанный с коллективизацией и созданием социалистических форм хозяйствования на селе, с перемещением в ходе индустриализации и послевоенного восстановления народного хозяйства масс населения в города. По сути, возник новый социальный объект – советское село, требовавший особого внимания со стороны государства.

Данный факт не означает, что все усилия НЭСШ были направлены только на изучение села – были и другие достижения, например, параллельно был решен огромный пласт задач по методологии и методике социальных исследований, без которых существенную часть задач «большой сельской темы» не уда-

лось бы решить. С другой стороны, методологические находки школы Заславской нельзя назвать побочным продуктом «основной темы», они имеют универсальный характер для социологической науки в целом. Но именно на примерах сельской социологии мы можем увидеть, как происходила трансформация ученых-экономистов в социологов.

Всего за три года – с 1965 по 1968 был завершен первый комплексный труд Сектора социальных проблем города и деревни ИЭиОПП СО АН СССР, посвященный социальным проблемам трудовых ресурсов села в Западной Сибири. Кроме вопросов формирования трудовых ресурсов в сельской местности, в нем были подняты вопросы миграции сельского населения в города, вовлечения подрастающей на селе молодежи в сельскохозяйственное производство, закрепления квалифицированных кадров, рационального использования трудовых ресурсов.

В предисловии к изданию подчеркивается, что коллектив сектора состоит из экономистов, но методы исследования были экономическими только в начале. Вскоре исследователям стало ясно, что только лишь экономических методов для изучения социального поведения недостаточно [28, с. 3]. Это замечание является историческим свидетельством трансформации, а точнее – расширения идентичности ученых под влиянием предмета и цели исследования. Далее указано, что «исследование закономерностей этого поведения, попытки его математического моделирования потребовали привлечения весьма широкого статистического материала об условиях труда и быта людей» [28, с.3]. Окончательный переход группы Т. И. Заславской в социологическую профессию можно считать оформленным после того, как были применены методы сбора социологической информации – после «непосредственного обращения к сельскому населению в форме интервью или анкетных опросов.

В программу этого «конкретного социального исследования» были включены анкетные опросы механизаторов и специалистов сельского хозяйства по широкому кругу вопросов «относительно условий труда и быта, эффективности их использования в производстве, возможностей повышения квалификации, отношения к разным формам мобильности». Исследовательская программа была продолжена социологической экспедицией, в ходе которого было изучено отношение сельской молодежи к проблемам труда, учебы и отдыха.

Был проведен опрос (по всей видимости, хотя напрямую это не утверждается – по целевой выборке) сельских жителей «относительно жизненного пути и трудовой карьеры их детей, переехавших в города в течение последнего десятилетия» [28, с. 4].

Исследователи подчеркивают, что указанные исследования выступили в качестве пилотных «по отношению к широкому репрезентативному статистическо-социологическому выборочному обследованию сельской миграции, проведенному в 1967 г. совместно с ЦСУ РСФСР» [28, с. 4].

Таким образом, мы видим один из первых в отечественной социологии примеров комплексного многоэтапного исследования, в котором формирование задач и гипотез следующего этапа производится в ходе первых «поисковых» этапов, направленных на углубленное понимание проблематики.

Следует также обратить внимание на оригинальную структуру отчетного издания. Она носит не монографический характер – каждый раздел посвящен относительно изолированной прикладной проблеме, например – закономерностям миграции сельского населения в целом (Т. И. Заславская) и отдельных групп специалистов (В. Н. Ладенков); культурно-бытовым условиям села (Б. Г. Миркин); приживаемости сельского населения (Н. Б. Клепинин); связи между расселением и транспортным обслуживанием (В. А. Ковалева, А. П. Сидоров); отношению к труду (Л. П. Ляшенко), подготовке, повышению квалификации и материальному стимулированию труда механизаторов (В. Н. Ладенков), резервам рабочей силы общественного производства (В. Я. Чураков, А. А. Николаева). То есть, комплексность отражена не только в исследовательской проблематике, но и имеет четкие ориентиры к конкретным сферам и субъектам принятия управленческих решений [28].

Обобщенный методологический результат, полученный в ходе совместных изысканий Сектора социальных проблем города и деревни и Сектора методологии социологического исследования Отдела социологических проблем труда ИЭиОПП СО АН СССР был представлен в виде докладов, подготовленных к первому Всесоюзному симпозиуму по социологии села, проходившему в Краснодаре в мае-июне 1968 года. В этих материалах проанализирован подход к созданию программы исследования, результат пилотажа, о котором речь шла выше. Но особое внимание было уделено уже чисто методологическим вопросам, таким как математическое моделирование мобильности. Все это позволило, как полагали авторы, осуществить «постановку новых проблем, разработка которых является делом будущего» [9, с. 3].

Доклад руководителя группы Т. И. Заславской был посвящен методологическим основам программы исследования производственно-профессиональной мобильности населения. Были также озвучены вопросы методики изучения социального продвижения сельских мигрантов в городе (Л. Д. Антосенкова). Отдельно рассматривался частный метод выделения социально однородных профессиональных групп сельского населения (Р. К. Иванова). Впервые была рассмотрена проблема изучения сельского населения как объекта опроса (Р. В. Рывкина). Представлен оригинальный метод исследования ценностный ориентаций выпускников сельских школ на основе анализа личных документов (Ю. Д. Карпов). В этом же сборнике был представлен один из первых обзоров применения математических подходов в социологии. В их число вошли: использование метода таксономии при выделении массовых типов сельских мигрантов (Т. И. Заславская, Л. В. Корель); активный отбор объектов наблюдения при планировании выборочных социологических исследований (Ю. П. Воронов); применение метода основных компонент для исследования факторов социальных процессов (Е. В. Виноградова). Данные труды являлись оригинальными не только для своего времени – некоторые из них и по сей день остаются актуальными и не все обозначенные темы получили развитие в дальнейшем.

На рубеже 60–70-х гг. в сфере научных интересов НЭСШ находится уже несколько крупных направлений методологического поиска. Это проблемы измерений, распознавание образов,

К этому временному отрезку представители школы выходят на практическую апробацию и попытки развития некоторых теорий среднего уровня.

Например, новосибирских ученых привлекает получившая распространение на Западе репрезентационная теория измерений, ставшая доступной благодаря переводу статьи П. Суппеса и Дж. Зинеса «Основы теории измерений» [23]. В ней были подняты вопросы шкалирования, преобразования шкал и разнообразные возможности статистической обработки результатов измерения и интерпретации результатов обработки. Ф. М. Бородкин и Б. Д. Миркин устанавливают различие между тем, что отображают шкалы в естественных науках (объективные законы) и тем, что в науках о поведении «формула постулируется самим исследователем на основе интуитивных соображений» [6, с. 4]. И делают отсюда вывод о том, что «класс допустимых преобразований и, тем более, класс адекватных утверждений постулируется также исследователем, но вовсе не вытекает из свойств реальности» [6, с. 4]. В социологии, по мнению авторов, процедуры измерения происходят в логике, обратной той, что предлагается в рамках репрезентационной теории, применение которой более удобно при наличии формализованной системы концепций. На этом основании было приведено математическое доказательство возможности применения равноправной теории измерения – «теории методов».

Исследователи уделяли большое внимание вопросу выбора типа шкалы в социологическом исследовании [7]. Авторы выводят критерии из двух оснований: а) эмпирического материала и б) социологической теории. В зависимости от ситуации исследователь может выбрать номинальную, ранговую либо метрическую шкалу, но в зависимости от задач исследования и удобства обработки может быть произведен перевод в другую шкалу.

Не менее важной проблемой измерения представлялось отсутствие строгости понятий, используемых в описании объектов [27]. Здесь, используя аппарат лингвистики, методологи предлагают собственный алгоритм построения словаря, в достаточной степени проблематизирующего, независимого от языка и хронологии, междисциплинарного. Другие требования к словарю – это системность и ненормативность. Первый этап алгоритма составления словаря включает в себя построение «словника» и постулирование связей между его элементами. Второй этап алгоритма начинается с превращения списка в схему, в которой «связи между терминами экстерииорируются, пока без основания». После этого производится уточнение и обоснование связей. Далее предполагается работа с источниками, отбор эмпирического материала и анализ текстов [27, с. 18].

Прикладную задачу обработки массивов данных социологических исследований, проистекающую из потребности в методах ранжирования шкал качественных признаков методологи объясняют тем, что признаки социальных объектов адекватно измеряются только в номинальных шкалах, отражающих толь-

ко различия между позициями. Методы математической обработки в тот период (впрочем, и до недавнего времени) могли быть ориентированы только на применение метрических и порядковых шкал, напрямую переносимых из опросного инструментария. Соответственно, сформулирована задача ориентирования шкал, которая является «обратной по сравнению с задачей выявления связей» [10, с. 37]. Цель обнаруживается в получении «такого порядка одной из шкал, который максимизировал бы величину коэффициента связи при заданном порядке второй из шкал – базовой» [10, с. 38]. Тесное взаимодействие экономистов и социологов с математиками и программистами, чему способствовала среда Академгородка позволяло осуществлять такие решения, как алгоритмы и программы ориентирования различных шкал, применяемых социологических исследованиям. В результате социологи могли получить довольно четкие критерии построения шкалы признака в зависимости от характеристик выборки и шкал других рассматриваемых признаков. Как считает автор предложенного алгоритма, метод предоставляет возможность интеграции результатов различных исследований, используя в качестве базовых совпадающие шкалы, а остальные признаки ориентировать по совпадающим. Что является весьма ценной находкой для проведения вторичных исследований.

Понимая доминирующую роль классификационных признаков в характеристике социологических объектов, исследователи [19, с. 53] предложили вариант специального (универсального) аппарата для решения этой задачи. Потери при обработке данных различных классов (количественных и качественных), например, при кодировке, неизбежны. Но несопоставимость объемов обследованных объектов с количеством значений признаков социологических объектов, потери могут быть признаны несущественными. При этом возникает другая проблема, проблема истинности неколичественных данных. Здесь предлагается, что «основным инструментом при обработке классификационных признаков должна служить количественная мера близости разбиений данного множества n » [19, с. 54]. Перспективный метод основан на применении геометрического расстояния и факторном анализе.

Вопросы типологии были рассмотрены в сборнике под редакцией Ю. П. Воронова в ключе развития теоретико-методологических оснований прикладных социологических исследований с применением достижений теории информации и теории статистики. В первой статье [31, с. 94] для решения проблемы классификации было выделено две задачи: разделение множества признаков на два подмножества и нахождение принципов объединения элементов множества. Задача содержательного разбиения всех признаков на два подмножества представляется тривиальной, тем не менее автором был предложен нестрогий формальный принцип, использующий простое разбиение, построение графов парных информации, объединение подмножества, иерархическое представление групп объектов и образование супергрупп объектов. Вторая статья раздела рассматривает проблему выделения типичных групп в ходе социологических исследований с использованием ранговых шкал, построенных разными способами [11, с. 116]. Собственно, представлено два возможных подхода –

ранжирование респондентом в ходе опроса и постопросное ранжирование. Ранжирование объектов производится путем определения тесноты связи в мнениях групп. При этом «мерами тесноты связи или степени согласованности двух групп служат коэффициенты ранговой корреляции» [11, С. 117]. Как считает автор такая схема выделения типичных групп «может служить программой подготовительных работ по эмпирическому выделению социальных типов в различных сферах человеческого сознания» [11, С. 125].

Лингвистический метод классификации многомерных социальных объектов был предложен Т. И. Заславской и И. Б. Мучником. В основу метода авторы заложили модель компьютерной обработки данных «с целью выработки двух словарей, первый из которых дает название группам «сильно закоррелированных» переменных, второй – классам «близких» объектов» [15, с. 178]. С помощью рассматриваемого метода была решена задача по классификации сельских поселений Сибири.

Развитие метода типологии/классификации представлено в докладе Б. Г. Миркина [20]. Предлагаемый им подход к анализу и обработке первичной социологической информации применим при наличии специального классификационного признака P , который является таковым, если его значения «не являются числами и не связаны с естественным упорядочением» [20, с. 4]. К ним автор относит такие признаки, как пол, профессия, причина отъезда из данного города и т. д. В ходе прикладного социологического исследования могут быть введены упорядочивающие классификационные признаки (например, баллы) в соответствии с гипотезой или мнениями экспертов. Можно ввести статистические показатели (мода, энтропия распределения), либо эвристические показатели (например, значимость отличия эмпирического распределения от теоретического). Проблема состоит не во внедрении показателя, а в том, какой из них предпочесть. В качестве решения предлагается таксономия – «разбиение обследованной совокупности на группы объектов, «похожих» в избранной системе признаков» [20, с. 8]. Задача сводится к поиску «центра тяжести» множества разбиений в евклидовом пространстве. Отыскание центра тяжести сводится некоторому манипулированию с комбинационными группами признаков.

Рассмотренная выше идея таксономии лежит в основе активно развивавшегося в 60–70-е годы в новосибирских институтах методов распознавания образов. В 1968 вышла коллективная монография «Распознавание образов в социальных исследованиях» под редакцией Н. Г. Загоруйко и Т. И. Заславской [24]. Целесообразность использования данного класса методов была озвучена сотрудниками Института математики СО АН СССР в 1966 году. Менее чем за два года ученые смогли проверить применимость метода таксономии – «формальной процедуры установления исходной классификации и анализа структуры множества объектов, заданных большим числом признаков» [24, с. 3]. Результаты, как считают авторы, подтверждают применимость алгоритмов таксономии для решения многих социологических задач.

Распознавание образов рассматривается как область кибернетики, посвященная разработке методов выделения наиболее важных свойств некоторой со-

вокупности сигналов по принципу «похожести», «приблизительной одинаковости наиболее важных признаков». Различается два вида задач распознавания: проверка признаков на достаточность и на необходимость.

Исследователи считали, что методика распознавания образом может найти применение для «прогнозирования социологических ситуаций, которые будут иметь место при тех или иных значениях, определяющих ситуацию фактов» [24, с. 17]. С прогнозированием связаны две задачи: выявление социальных последствий изменения факторов и определение факторов, которые требуется изменить для получения желаемых социальных показателей [24, с. 17].

В докладе И.Ю. Истошина было представлено решение типичной для социологических исследований задачи шкалирования профессий по результатам опросов [17, с. 3]. Стараясь избежать недостатков метода парных сравнений, автор предлагает метод измерения латентных переменных. Для этого «требуется: 1) найти средство проверки гипотезы о характере упорядоченности выделенных классов объектов, 2) ввести расстояние между классами, 3) измерить величину скрытой переменной для любого представителя каждого класса» [17, с. 5]. Для решения поставленной задачи был применен метод распознавания образов.

Сегодня метод распознавания образов и таксономия редко применяются в социологии, но он продолжает развиваться в информатике. Исследователи переориентировались на применение методов кластерного анализа, часто упуская из виду, что они проигрывают в универсальности методам распознавания образов при решении одних и тех же классов исследовательских задач.

Наиболее сложной как с теоретической, так и с методической точки зрения, является группа задач по моделированию социальных объектов. Главная проблема заключается в адекватности получаемых с помощью математических расчетов моделей реальным социальным объектам. Модели должны отражать ключевые внутренние закономерности и внешние связи моделируемой системы. Важна и эффективность процесса моделирования – всегда существуют экономические, временные, вычислительные ограничения.

В статье В. Н. Рассадина и В. М. Соколова подчеркнута роль компромиссов в методике построения математических моделей. «С одной стороны, на модель накладываются ограничения, диктуемые рамками того или иного метода ее реализации, с другой – модель составляется так, чтобы была учтена цель, поставленная в задаче, при неполноте информации о функционировании объекта» [25]. В идеальном же случае в модели должны учитываться только цель исследования и основные закономерности процесса (системы).

Примером относительно простой модели социального объекта (процесса), является представленная Ю. П. Вороновым и Н. П. Москаленко модель адаптации молодежи к труду [8]. Приняв за основной признак, определяющий адаптацию молодежи к труду и понимая ее как адаптацию к характеру выполняемой работы, авторы взяли трудовые навыки, полученные молодежью к моменту окончания средней школы и построили матричную модель. Дальнейшее усложнение модели приведет к возникновению таких барьеров как «многообразие и

сложность связей, ... отсутствие методов получения достоверной информации и ее квантификации. Необходима длительная целенаправленная работа для решения этих проблем. Только после этого можно будет ставить вопрос о моделировании всех элементов социального статуса и адаптации к нему» [8, с. 143].

В указанный период начинаются разработки методов программного управления социальными объектами. Основная задача таких систем – реализация отрицательной обратной связи – «поддержание регулируемой величины на некотором заданном уровне» [26, с. 145]. Альтернативный подход реализуется в системах экстремального управления, основанных на положительной обратной связи. Сложность моделирования таких систем обусловлена неизвестностью зависимости между функцией (регулируемой величиной) и аргументом (регулирующей величиной).

Эволюция подходов НЭСШ в начале 1970-х годов прослеживается в модели миграции городского населения, представленной Ф. М. Бородкиным. Модель базируется не на статистических законах, а на теориях, претендующих на объяснение основных тенденций и закономерностей движения населения. Слабость статистических моделей видится автору в игнорировании причинно-следственных связей [4]. В основе модели лежит система из 7 посылок:

1. Плавность изменений общего потока инвестиций в город
2. Наличие у каждого города экономика-демографического ареала, т. е. связей с другими городами
3. Город и его ареал имеют достаточное количество потенциальных мигрантов
4. Распределение численности населения между городом и ареалом зависит от изменения соотношения жизненных условий в городе и ареале
5. Решение о приезде в город определяется численность населения в нем и изменением инвестиционного потока
6. Население может строить простой линейный прогноз развития города
7. При фиксированном приросте инвестиций наблюдается равновесное состояние численности населения

К данной системе посылок был применен развитый математический аппарат на основе системы уравнений. Вводимые в модель правила требуют предварительной эмпирической подготовки, что говорит о том, что подобные модели не могут быть созданы умозрительно, т. е. являются результатом целого комплекса предыдущих научных изысканий, несмотря на относительную простоту формулировок.

Вопросы применения математических моделей в социологических исследованиях вошли в сферу научных интересов директора ИЭОиПП А. Г. Аганбегяна [1]. По его мнению, «главной особенностью социальных процессов является то, что познаваемый объект здесь является субъектом – носителем сознания» [1, с. 28]. Моделирование при проведении конкретного социологического исследования требует определенной схематизации параметров изучаемого процесса. Должны быть выделены внешние и внутренние условия, выявлены взаи-

мосвязи этих условий и факторов между собой, выявлены причины, ими порождаемые [1, с. 30]. Им систематизированы следующие типы моделей:

1. Статистические: а) модели распределения, используемые при обобщении компактной характеристике дифференциации признаков; б) корреляционные, дисперсионные, факторные и т.п. модели, помогающие выявлять взаимосвязи показателей; в) статистические модели формирования отдельных социальных явлений (пример – доход); г) модели распознавания образов; д) имитационные статистические модели – частные модели формирования социальных процессов.

2. Оптимальный подход и оптимальные модели. Для данного типа моделей важны: выделение групп управляемых и неуправляемых переменных; выявление ограничивающих условий; наличие целевой функции, экстремального значения которой требуется достичь

3. Системный подход и кибернетические социологические модели. «Специфической кибернетической моделью может быть и модель взаимодействия исследователя-социолога с объектом исследования» [1, с. 36].

Попытка переложения естественно-научной теории была представлена И. С. Алексеевым и Ф. М. Бородкиным, которые предложили ввести в социологический научный оборот принцип дополнительности [2]. В основе данного принципа, введенного в физику Н. Бором в начале XX века и распространившегося на другие естественные науки, лежит понятие «взаимодействия». Авторы классифицировали различные виды взаимодействия в социологии и сформулировали ряд выводов, обусловленных фактом существования сильного взаимодействия в двух системах: «объект – условия наблюдения» и «результат наблюдения – исследователь». В первую группу параметров, характеризующих объект социологического измерения, входят те из них, которые не зависят от условий наблюдения, например, социально-демографические признаки респондента. Такие параметры названы о-параметрами. Ко второй группе относятся параметры, не имеющие «аксиоматически определенной меры». Эта мера зависит от метода и техники измерения, от типа системы «объект – условия наблюдения», от взаимодействия в этой системе. К ним относятся мотивация поведения, оценки, ценности и т.п. Эти параметры отнесены к числу s-параметров.

Измерение s-параметров практически невозможно без взаимодействия, а некоторые из них невозможно измерить без сильного взаимодействия. Далее авторы формулируют следствия, вытекающие из подобных взаимодействий:

1. s-параметры измеримы только в момент взаимодействия условий наблюдения и объекта [2, с. 42].

2. При контакте, предпринимаемом с целью получения информации происходит необратимое взаимодействие, т.е. один и тот же s-параметр не может быть получен от одного объекта дважды [2, с. 42].

3. На выбор типа системы «условия наблюдения – объект», следовательно – не результат, решающее воздействие оказывают знания наблюдателя и его личные характеристики [2, с.43].

4. «Всегда существуют, по крайней мере, два s-параметра, одновременное измерение которых невозможно. Измерение одного из них ведет к невозможности измерения второго в том виде, в каком он был бы, если бы первый параметр не измерялся» [2, с. 43].

5. Изоляция объекта исследования от внешнего мира невозможна. В любом случае она будет осуществляться через наблюдателя [2, с. 43].

6. Неизбежно существует самостоятельное (минуя наблюдателя) взаимодействие между средствами наблюдения и объектом, например при анкетировании [2, с. 44].

7. Применение одного класса эмпирических процедур исключает возможность применения к тому же объекту другого класса без утраты информации о состоянии объекта, полученной при применении процедур первого класса [2, с. 44].

Развитие исследовательской программы Т. И. Заславской в дальнейшем было переориентировано на управленческие задачи: конкретно оно было направлено на формирование целей и методов планирования миграции сельского населения в города [13]. Плановая экономика уделяет ключевое внимание распределению и перераспределению трудовых ресурсов. Недостаточная проработанность методов планирования миграции зависит от рассмотрения миграции как прямой функции размещения производства. «Автоматическая» связь между перераспределением рабочих мест и движением работников, обычно рассматриваемая советскими экономистами в качестве основного метода планирования, была признана автором недостаточным основанием для стимулирования миграции. Выход за пределы экономической парадигмы свидетельствует о сложившемся «переходе» Заславской и ее команды в другое качество – в социологов. Для них важно рассмотрение широкого круга стимулов и мотивов – идеологических (стремление принять участие в крупной стройке, принести больше пользу обществу), экономических (стремление повысить уровень доходов и условия жизни), социально-психологических (необходимость устроить семейную жизнь, изменить окружение, коллектив). Таким образом, следует изучать не только пространственную, но и социальную трудовую мобильность.

Таким образом, к концу 60-х годов представители НЭСШ предпринимают первые достаточно успешные попытки создания теорий среднего уровня. При этом встречая достаточно сильное сопротивление научной среды. К примеру, научные редакторы сборника, в котором была издана статья Алексева и Бородкина, дали в предисловии к книге достаточно жесткую критику подхода авторов, «одергивая» их не по идейно-политическим мотивам, а ссылаясь на необходимость опираться на довольно грубые, устаревшие идеи предшественников [21, с. 10].

Разрыв методологии с теоретической базой в таких условиях был трудно преодолим, но мы видим, что новосибирские социологи и экономисты находили в акцентировании внимания на методологии и дозированном внимании к теориям среднего уровня.

Список литературы

1. Аганбегян А. Г. Некоторые особенности применения математических моделей в социологических исследованиях / Моделирование социальных процессов : / Отв. ред. Э. П. Андреев и Ю. Н. Гаврилец. — М. : Наука, 1970. — С. 28–37.
2. Алексеев И. С., Бородкин Ф. М. Принцип дополнительности в социологии / Моделирование социальных процессов / Отв. ред. Э. П. Андреев и Ю. Н. Гаврилец. — М. : Наука, 1970. — С. 28–37.
3. Бессонова О. Э., Шабанова М. А. Новосибирская экономико-социологическая школа. URL: https://www.psychology.su/slovar/n/novosibirskaya_ekonomiko-sociologicheskaya_shkola_2/ (дата обращения 03.11.2022).
4. Бородкин Ф. М. Модель механического движения населения городов / Методологические вопросы изучения социальных процессов / Под ред. акад. А. Г. Аганбегяна, чл.-кор. АН СССР Т. И. Заславской. — Новосибирск : ИЭиОПП СО АН СССР, 1974. С. 226 — 235.
5. Бородкин Ф. М. Научный эксперимент в социально-экономических исследованиях : опыт экономико-математического анализа : диссертация ... доктора экономических наук : 08.00.13. — Новосибирск, 1975. — 368 с.
6. Бородкин, Ф. М., Миркин Б. Г. Некоторые проблемы систем измерения социологической информации. — Новосибирск, 1970. — 12 с. (Доклад на VII Международном социологическом конгрессе. Варна, сентябрь, 1970 / АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т экономики и организации пром. производства. Отд. социол. проблем труда и социального планирования трудовых ресурсов).
7. Воронов Ю. П., Ершова Н. П. Общие принципы социологического измерения / Измерение и моделирование в социологии : Вопросы методики, организации и техники социол. исследований / Отв. ред. Ю. П. Воронов — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1969. С. 3–15.
8. Воронов Ю. П., Москаленко Н. П. О моделировании адаптации молодежи к труду / Измерение и моделирование в социологии : Вопросы методики, организации и техники социол. исследований) : / Отв. ред. Ю. П. Воронов — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1969. С. 133–144.
9. Всесоюзный симпозиум по социологическим проблемам села (1968; Краснодар). Доклады Всесоюзному симпозиуму по социологическим проблемам села. (г. Краснодар, 27 мая – 1 июня 1968 г.) / Науч. ред. д-р экон. наук Т. И. Заславская ; АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т экономики и организации пром. производства. — Новосибирск, 1968. — 208 с.
10. Герчиков В. И. Взаимное ориентирование социологических шкал / Измерение и моделирование в социологии : Вопросы методики, организации и техники социол. исследований / Отв. ред. Ю. П. Воронов. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1969. С. 37–50.
11. Горяченко Е. Е. Обработка ранговых шкал и выделение типичных групп / Измерение и моделирование в социологии : Вопросы методики, организации и техники социол. исследований / Отв. ред. Ю. П. Воронов. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1969. С. 116–126.

12. Докторов Б. З. Судьба для романа. К 80-летию Татьяны Заславской / «Кстати». Сан-Франциско. (№650) 30 августа, 2007. С. 20–21. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/Tributes/zaslavskaya_doktorov.html (дата обращения 03.11.2022).

13. Заславская Т. И. О целях и методах планирования миграции сельского населения в города / Т. И. Заславская. — Новосибирск, 1970. — 21 с. (Доклад на VII Междунар. социол. конгресс. Варна, сентябрь 1970/ АН СССР. Сиб. отделение. Ин-т экономики и организации пром. производства. Отд. социол. проблем труда и социального планирования трудовых ресурсов).

14. Заславская Т. И. Развитие новосибирской экономико-социологической школы как процесс формирования новой методологии изучения российского общества. URL: http://nesch.ieie.nsc.ru/Hist_ch1.html#1 (дата обращения 03.11.2022).

15. Заславская Т. Н., Мучник И. Б. Лингвистический метод классификации многомерных социальных объектов / Методологические вопросы изучения социальных процессов : Сборник науч. трудов / Под ред. акад. А. Г. Аганбегяна, чл.-кор. АН СССР Т. И. Заславской. — Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1974. С. 174–206.

16. Измерение и моделирование в социологии : Вопросы методики, организации и техники социол. исследований / Отв. ред. Ю. П. Воронов. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1969. — 174 с.

17. Истошин И. Ю. Метод измерения латентных переменных социологических объектов средствами теории распознавания образов / И. Ю. Истошин. - Новосибирск, 1970. — 11 с. (Доклад на VII Международном социологическом конгрессе, Варна, сентябрь, 1970/ АН СССР. Сиб. отделение. Ин-т экономики и организации пром. производства. Отд. социологических проблем труда и социального планирования трудовых ресурсов).

18. Методологические вопросы изучения социальных процессов : Сборник науч. трудов / Под ред. акад. А. Г. Аганбегяна, чл.-кор. АН СССР Т. И. Заславской. Новосибирск : ИЭиОПП СО АН СССР, 1974. — 301 с.

19. Миркин Б. Г. Новый подход к обработке социологической информации / Измерение и моделирование в социологии : Вопросы методики, организации и техники социол. исследований / Отв. ред. Ю. П. Воронов. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1969. С. 51–61.

20. Миркин Б. Г. Об одном подходе к анализу первичной социологической информации / Б. Г. Миркин. — Новосибирск, 1970. — 10 с. — (Доклад на VII Международный социологический конгресс, Варна, сентябрь 1970 / АН СССР. Сиб. отделение. Ин-т экономики и организации пром. производства. Отд. социол. проблем труда и социального планирования трудовых ресурсов).

21. Моделирование социальных процессов : [Сборник статей] / [Отв. ред. Э. П. Андреев и Ю. Н. Гаврилец]. — Москва : Наука, 1970. — 228 с.

22. Новосибирский научный центр. Новосибирск : Изд-во СО АН СССР, 1962. — 207 с.

23. Психологические измерения : Сборник / Пер. с англ. Е. Ю. Артемьевой ; Под ред. Л. Д. Мешалкина. — Москва : Мир, 1967. — 196 с.

24. Распознавание образов в социальных исследованиях / отв. ред. Н. Г. Загоруйко, Т. И. Заславская ; АН СССР, Сибирское отд-ние, Ин-т экономики и организации пром. производства, Ин-т математики. — Новосибирск : Наука. Сибирское отд-ние, 1968. — 195 с.

25. Рассадин В. Н., Соколов В. М. Об одной схеме построения математических моделей социальных объектов / Измерение и моделирование в социологии : (Вопросы методики, организации и техники социол. исследований) / Отв. ред. Ю. П. Воронов. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1969. С. 126–132.

26. Розанов Г. В. Возможный подход к описанию динамики социальной системы / Измерение и моделирование в социологии : (Вопросы методики, организации и техники социол. исследований) / Отв. ред. Ю. П. Воронов ; АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т экономики и организации пром. производства. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1969. С. 145–154.

27. Рывкина Р. В., Черемисина М. И. О программе построения словаря социологической терминологии / Измерение и моделирование в социологии : Вопросы методики, организации и техники социол. исследований / Отв. ред. Ю. П. Воронов. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1969. С. 16–36.

28. Социальные проблемы трудовых ресурсов села: (На материалах Зап. Сибири) : Сборник статей / Науч. ред. д-р экон. наук Т. И. Заславская ; АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т экономики и организации пром. производства. — Новосибирск : Наука, 1968. — 349 с.

29. Справка о работе ЛЭМИ НГУ.
URL:http://odasib.ru/OpenArchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu1_pav1_635212335135781250_11923&eid=Ly_0009_0667 (дата обращения 03.11.2022).

30. Судьбы и перспективы эмпирической социологии / Л. А. Беляева, А. А. Давыдов, А. Н. Данилов [и др.] // Социологические исследования. — 2005. — № 10(258). — С. 3–21. — EDN OPCNHX.

31. Устюжанинов В. Л. Проблема классификации в социологии и теория информации / Измерение и моделирование в социологии : Вопросы методики, организации и техники социол. исследований / Отв. ред. Ю. П. Воронов. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1969. С. 94–115.

**Международное сотрудничество сибирских ученых
и его организационно-правовые формы**

**International cooperation of Siberian scientists
and its organizational and legal forms**

Армашова Алла Владимировна

кандидат юридических наук

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

Московский гуманитарный университет

Москва, Россия

aarmashova@mosgu.ru

Armashova Alla Vladimirovna

Candidate of Law

Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines

Moscow University for the Humanities,

Moscow, Russia

aarmashova@mosgu.ru

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, исследовательский проект № 21-011-43026 «Правовая политика Советского государства в сфере развития науки».

Аннотация: основная цель данного исследования заключается в рассмотрении международного сотрудничества через призму науки. В этом смысле представляется, что опыт Сибирского отделения Академии наук СССР, где реализованы многие перспективные решения в области организации и управления наукой, интересен и в аспекте его международной деятельности. Одна из важных форм международных связей – участие советских ученых и специалистов СО АН СССР в работе различных международных и национальных конгрессов, конференций, чтение лекций в зарубежных университетах. Многочисленные приглашения, получаемые сибирскими учеными, свидетельствовало об их высоком международном авторитете. СО АН СССР сотрудничало со всеми странами СЭВ, рядом развивающихся стран и практически со всеми промышленно развитыми капиталистическими странами. Сотрудничество с социалистическими странами осуществлялось по линии Академии наук, Совета Экономической Взаимопомощи и Государственного комитета СССР по науке и технике.

Ключевые слова: сибирские ученые, иностранные ученые, международное научное сотрудничество, международные научные конференции, зарубежные научные выставки, заграничные научные командировки, международный книгообмен, Сибирское отделение Академии наук СССР.

Abstract: the main purpose of this study is to consider international cooperation through the prism of science. In this sense, it seems that the experience of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, where many promising solutions in the field of organization and management of science have been implemented, is also interesting in the aspect of its international activities. One of the important forms of international relations is the participation of Soviet scientists and specialists of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences in various international and national congresses, conferences, lectures at foreign universities. Numerous invitations received by Siberian scientists testified to their high international prestige. The Siberian branch of the USSR Academy of Sciences cooperated with all the countries of the Council of Mutual Economic Assistance, a number of developing countries and almost all industrially developed capitalist countries. Cooperation with socialist countries was carried out through the Academy of Sciences, the Council of Mutual Economic Assistance and the USSR State Committee for Science and Technology.

Keywords: Siberian scientists, foreign scientists, international scientific cooperation, international scientific conferences, foreign scientific exhibitions, foreign scientific trips, international book exchange, Siberian Division of the USSR Academy of Sciences.

Становление науки в Сибири – пример огромных возможностей советского общества, способного сконцентрировать свои усилия на решении важных задач общегосударственного значения. Такой задачей в конце пятидесятых годов стало ускоренное развитие производственных сил Сибири. Небывалый масштаб освоения природных богатств Сибири потребовал усиления научной базы на востоке страны. В 1957 году решением партии и правительства было положено начало созданию Сибирского отделения Академии наук СССР. В его состав вошли все академические учреждения, существовавшие за Уралом, и много новых институтов.

Главными условиями небывало быстрого формирования нового научного центра явились постоянная помощь партийных и государственных органов, Академии наук СССР, выбор актуальных научных направлений, непосредственное активное участие в организации СО АН СССР ученых с мировым именем во главе с академиками М. А. Лаврентьевым, С. Л. Соболевым, С. А. Христиановичем, сыгравших решающую роль в привлечении к развитию сибирской науки талантливых кадров из западных районов страны, энтузиазм и самоотверженный труд всего коллектива Отделения. Успешному развитию науки в Сибири способствовало и установление тесных международных научных контактов.

Исследование международного научного сотрудничества важно проводить через призму информационной модели науки. В этом смысле наука интерпретируется как сложная динамическая информационная система. [2; 3; 5]

Система международных научных связей в организационном плане характеризуется такими параметрами, как направление связей (связи с социалистическими, капиталистическими, развивающимися странами), уровень со-

трудничества (двухстороннее или многостороннее), основание связей (межгосударственные или межакадемические соглашения, прямые связи). Основопологающим ее элементом являются формы связей. Через них прослеживается качественная эволюция системы научного сотрудничества. В практике СО АН СССР выделяется довольно много таких форм. В контексте конкретно-исторического исследования их можно сгруппировать, что позволит проследить качественное усложнение системы сотрудничества, переход от низших его форм к высшим. В наиболее общем виде целесообразно выделить следующие аспекты сотрудничества: 1) обмен научно-технической информацией и опытом; 2) взаимопомощь в подготовке научных кадров; 3) обмен научной продукцией; 4) совместное проведение научных исследований. Каждая группа включает в себя определенное число форм связей. Очевидно, что глубина сотрудничества возрастает при эволюции связей от обмена информацией до проведения совместных научных исследований. [1] В науке осуществляются процессы восприятия информации, ее передачи, хранения и переработки в целях получения нового знания. Соответственно, обмен информацией выступает существенным моментом информационного процесса, будучи его интегральным звеном, «необходимым условием... дальнейшего приращения научного знания», включенным в неразрывную цепь научного производства. [7, с. 107]

Обмен информацией, информационная связь в науке реализуется через систему коммуникаций. Функция коммуникации в науке заключается в реализации профессионального общения ученых, следствием чего и является движением научной информации. [4, с. 5–6, 9] Очевидно, что научная коммуникация является необходимым условием создания нового знания. Об этом пишет и один из крупнейших ученых Норберт Винер: «Я знаю много случаев, когда относительная бедность научных связей если не оказывалась совершенно губительной, то, во всяком случае, нанесла чувствительный урон. Ученый должен быть в курсе того, что происходит вокруг, иначе его работа не даст настоящих результатов. Он должен жить в мире, где занятие наукой обеспечивает возможность существовать, где есть товарищи, беседуя с которыми можно совершенствовать свои способности». [6, с. 24]

Обратимся теперь непосредственно к практике международной деятельности Сибирского отделения АН СССР. Удельный вес отдельных групп, а внутри них – форм связей в системе международных научных связей СО АН СССР на различных этапах его развития различался, и весьма существенно. Это в полной мере относится к такому аспекту сотрудничества, как обмен научно-технической информацией и опытом. Именно он занимал доминирующее положение в системе международных научных связей в организационный период деятельности СО АН СССР (конец 50-х – начало 60-х гг.). Особенно широко в эти годы развивался обмен первичной научной информацией. Его практиковали, в частности, институты биологического профиля, обменивающиеся с зарубежными партнерами семенами культивируемых растений и списками семян. Так, в 1962 г. Центральный сибирский ботанический сад СО АН СССР выслал образцы семян в адрес научных учреждений 19 стран ми-

ра¹. Широко использовался обмен первичной научной информацией в деятельности Сахалинского комплексного научно-исследовательского института, располагающего сетью сейсмического слежения на Тихоокеанском побережье СССР и постоянно обменивающегося информацией с соответствующими китайскими и японскими научными учреждениями. Активно осуществлял такой обмен и ряд других подразделений формирующегося Новосибирского научного центра и филиалов СО АН СССР². Впоследствии, в 60–70-е гг., продолжался количественный рост обмена первичной научной информацией. Так, в конце 60-х гг. Центральный сибирский ботанический сад СО АН СССР осуществлял обмен информацией с 83 учреждениями из 28 стран мира, причем наиболее активно – с организациями Аргентины, Бельгии, ГДР, СРР, Франции³. Однако в силу того, что в ходе развития СО АН СССР международное сотрудничество значительно расширялось, причем опережающими темпами развивались новые для отделения формы связей, обмен первичной научной информацией в системе научных связей отошел как бы на второй план.

Еще одним элементом в данной группе форм связей был международный книгообмен (МКО). В СО АН СССР он осуществлялся централизованно, через систему МКО Государственной публичной научно-технической библиотеки СО АН СССР. Вплоть до начала 70-х гг. наблюдался быстрый количественный рост объемов книгообмена, а также расширение его орбиты. Так, в конце 60-х гг. СО АН СССР обменивалось литературой более чем с 650 учреждениями из 41 страны; к этому времени количество полученной и отправленной литературы превысило 40 тыс. печатных единиц⁴. Однако в первой половине 70-х гг. произошло не только снижение темпов прироста, но и абсолютное уменьшение МКО. Подобная тенденция наблюдалась во всех научных библиотеках страны и была обусловлена изменением в комплектовании библиотечных фондов иностранной литературой. Все же объем международного книгообмена СО АН СССР оставался значительным. В середине 70-х гг. он по-прежнему являлся основным источником получения зарубежной научной литературы, превышая в некоторые годы «валютные» поступления в полтора раза⁵. По объему книгообмена ГПНТБ СО АН СССР уступала лишь библиотеке АН СССР (г. Ленинград) и Институту научной информации по общественным наукам АН СССР, устойчиво занимая одно из ведущих мест в системе Академии наук.

Формой обмена информацией и опытом, занимающей в первые годы деятельности СО АН СССР ведущее место в системе его международных связей, было участие сибирских ученых в работе международных научных конференций и симпозиумов. В конце 50-х – начале 60-х гг. на долю ученых и специалистов СО АН СССР, выезжающих за рубеж с этими целями, приходилось свыше 70% всех выездов из СССР. Сибирские ученые уверенно осваивали международную трибуну – получали информацию о развитии науки за рубежом, докла-

¹ НА СО РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 200. Л. 1

² НА СО РАН. Ф. 10. Оп. 4. Д. 618. Л. 5; Оп. 9. Д. 15. Л. 94

³ НА СО РАН. Ф. 10. Оп. 4. Д. 217. Л. 41; Ф. 6. Оп. 1. Д. 46 б. Л. 47–48

⁴ НА СО РАН. Ф. 10. Оп. 5. Д. 402. Л. 10

⁵ НА СО РАН. Ф. 10. Оп. 5. Д. 817. Л. 9

дывали свои научные результаты, устанавливали личные контакты. В ряде случаев участие в подобных мероприятиях вело к изменениям ориентаций в соответствующих областях исследований в пользу перспективных научных направлений.

В 60-е гг. значение этого канала обмена научной информацией еще более возросло. В 70-е гг. сотрудники СО АН СССР принимали участие приблизительно в ста международных конференциях в год. Однако постепенно удельный вес выездов сибирских ученых за рубеж с этими целями снизился до 50%. Это было связано с опережающим ростом других форм международных связей, прежде всего совместных исследований.

В период организации СО АН СССР международные научные конференции и симпозиумы по естественным причинам в Академгородке не проводились. Необходимо было время как для утверждения собственного международного авторитета, основой чего было получение крупных научных результатов, так и для создания материальной базы, которая бы обеспечивала возможность проведения подобных мероприятий с широким представительством. К середине 60-х гг. ситуация изменилась, и с этого времени организация международных конференций стала традиционной формой в системе международных связей Отделения. В эти годы в СО АН СССР ежегодно проводилось в среднем восемь международных научных форумов с участием до 200 зарубежных ученых. В 70-е гг. эти цифры возросли соответственно до 14 и 250. Абсолютное большинство таких мероприятий проходило в Академгородке Новосибирского научного центра, хотя с конца 60-х гг. число международных форумов, проводимых в других филиалах и научных центрах СО АН СССР, особенно в Иркутске и Якутске, стало возрастать.

Показательно конкретно-научная характеристика конференций, проводимых в СО АН СССР с участием зарубежных ученых. Она отражает степень вовлечения в сферу международного сотрудничества представителей различных отраслей знаний. По выборочным данным, за 1965–1970 гг. в СО АН СССР состоялось 49 конференций, совещаний и симпозиумов – международных и с участием зарубежных ученых. Из них к сфере физико-математических и технических наук относилось 53%, проблемам химико-биологического характера было посвящено 28,6%; наукам о Земле 10,2 и вопросам общественных, прежде всего экономических, наук – 8,2%. Это отражает сложившийся к этому времени научный профиль Отделения.

В 70-е гг. внутри этой формы международных связей шел поиск путей оптимизации и интенсификации научных коммуникаций. Наряду с организацией крупных международных форумов с большим числом участников и широкой проблематикой стало практиковаться проведение двусторонних проблемных семинаров и совещаний. Как правило, они были прямо связаны с тематикой совместных исследований по соответствующим научным программам и носили рабочий характер.

Рассматривая аспекты международного сотрудничества Отделения, связанные с обменом научной информацией и опытом, нельзя не отметить такую

форму связей, как проведение зарубежных научных выставок. Первые выставки состоялись в Отделении еще в период его организации. В эти годы проведение выставок в определенной степени способствовало улучшению технического оснащения институтов СО АН СССР – из числа экспонатов, иногда приобреталось оборудование.

Начиная с 1967 г. зарубежные научные выставки экспонировались в СО АН СССР ежегодно. Ряд из них был приурочен к международным конференциям и симпозиумам и тематически тесно связан с ними, большинство же носило самостоятельный характер. С начала 70-х гг. наряду с выставками стали регулярно проводиться демонстрационные семинары зарубежных фирм, в ходе которых представленные аппаратура и приборы демонстрировались в действии. В СО АН СССР ежегодно проходило примерно пять выставок и демонстрационных семинаров. Среди партнеров СО АН СССР были научные учреждения и предприятия НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СРР, ЧССР, Австрии, Великобритании, Дании, Италии, Нидерландов, США, Франции, ФРГ, Швейцарии, Швеции, Японии. Большинство (свыше 70%) выставок посвящено демонстрации оборудования и приборов, на остальных экспонировалась в основном научная литература.

Следствием развития взаимовыгодного научного обмена, расширения международных связей СО АН СССР стал переход к организации собственных ширококомаштабных экспозиций за рубежом. Он был обусловлен прежде всего огромным интересом к опыту создания и деятельности комплексного научного центра в Сибири, где были достигнуты фундаментальные результаты, получившие мировое признание. Крупные экспозиции Сибирского отделения в национальных выставках СССР, а также самостоятельные выставки Отделения в 70-е гг. были представлены в НРБ, ВНР, ГДР, КНДР, МНР, ПНР, Италии, США, Финляндии, Японии. Экспозиции СО АН СССР отличались широтой и комплексностью, отражая не только научные достижения сибирских ученых, но и принципы организации науки, апробированные в Отделении. Как правило, зарубежные выставки СО АН СССР вызывали большой общественный резонанс. Будучи специальным каналом обмена научной информацией между учеными, эти выставки наряду с другими формами научных связей способствовали улучшению взаимопонимания между народами.

Значительное место в практике международной деятельности Отделения занимали формы связей, ориентированные на сотрудничество в области подготовки научных кадров. Сначала они осуществлялись в основном в рамках приглашения ученых СО АН СССР для чтения лекций и стажировок за рубежом, а зарубежных ученых – в СО АН СССР. Выезды сибирских ученых за рубеж для чтения лекций и оказания научно-методической помощи по индивидуальным приглашениям иностранных организаций начали практиковаться сразу же после создания Отделения. В нем принимали участие в основном крупные ученые, пользовавшиеся широкой известностью в научном мире, лидеры научных школ и направлений, пришедшие в СО АН СССР после его организации и возглавившие соответствующие научные подразделения: академики И. Н. Векуа, М. А. Лаврентьев, Ю. Н. Работнов, С. Л. Соболев, А. А. Трофимук, члены-

корреспонденты АН СССР, впоследствии академики Г. К. Боресков, В. В. Воеводский, Ю. А. Косыгин и другие. Представительство специалистов различных отраслей наук было неодинаковым: такие командировки совершали преимущественно ученые физико-математического, технического и химического профиля. Однако к началу 70-х гг. расширилось участие в командировках для чтения лекций ученых-биологов, обществоведов, что свидетельствовало о росте авторитета и этих научных школ.

Сотрудники СО АН СССР регулярно выезжали на стажировки с целью освоения передового опыта зарубежной науки. Цель большинства стажировок состояла в прохождении специализированных практик в перспективных областях науки, в ходе которых осваивалась методика исследований, новейшая аппаратура, а нередко изучались и определенные теоретические курсы. Обычно стажировки осуществлялись по тем направлениям науки, к разработке которых в СО АН СССР лишь приступали. При этом стажерами выступали не только молодые ученые, не имеющие ученых степеней, но и кандидаты и даже доктора наук. По возвращении в Отделение они становились ведущими специалистами по перспективным проблемам исследований.

Начиная с первой половины 60-х гг. Отделение стало превращаться в «центр притяжения» зарубежных исследователей. Поначалу большинство стажеров из-за рубежа были представители социалистических стран. Однако с конца 60-х гг. в Отделении все чаще стажировались и ученые из исследовательских центров Западной Европы и Северной Америки. Значительное число стажировок зарубежных ученых было осуществлено в лабораториях Институтов гидродинамики, математики, катализа, цитологии и генетики, ядерной физики, Вычислительного центра. В бурятском филиале СО АН СССР периодически стажировались зарубежные ученые-тибетологи. Некоторые ученые из социалистических стран, находившиеся в долгосрочных командировках в СО АН СССР, успешно защитили здесь диссертации.

К началу 70-х гг. обнаруживается тенденция к снижению числа долгосрочных командировок с целью стажировок как по СО АН СССР, так и по Академии наук в целом. Однако при этом отмечается рост числа зарубежных командировок вообще и прежде всего по планам реализации совместных исследований. Это отражает смещение акцентов в области форм и направлений сотрудничества в подготовке научных кадров. Проблемы повышения квалификации специалистов-исследователей, их переориентации на перспективные направления наук стали решаться непосредственно в процессе проведения совместных исследований. Программы таких поездок часто были связаны не только с экспериментальными работами в зарубежных научно-исследовательских учреждениях, но и с освоением определенных знаний на курсах и семинарах. Очевидно, внимание к вопросам взаимопомощи и подготовке исследовательских кадров по перспективным областям знания не снизилось.

Особым аспектом в практике международных связей Отделения стал обмен научной продукцией. Его появление в системе международного сотрудничества СО АН СССР относится к середине 60-х гг. Понятие «научная продукция»

обширно и многозначно. В известном смысле сюда относятся все результаты завершенных научных разработок. Однако и по содержанию, и по форме конечный результат в отдельных направлениях фундаментальных исследований существенно отличался от конечного результата прикладных исследований или опытно-конструкторских работ. В первом случае он мог быть облечен в форму статьи, теоретической монографии или аналитического отчета по теме, во втором – представлен в виде опытного образца прибора или устройства, технологии производственного процесса, конструкторской документации и т. д. Существенные различия здесь наблюдаются и по отношению к отдельным отраслям наук. Мы остановимся лишь на одной из сторон процесса обмена научной продукцией, где конечным продуктом обмена выступает результат научного исследования, облеченный в форму патента.

Получение патента зарубежных стран свидетельствует о том, что данная разработка стоит на уровне лучших мировых образцов. Развитие практики патентирования разработок СО АН СССР за границей стало одним из важнейших критериев роста известности и авторитета Отделения на международной арене, объективным показателем научных достижений его ученых. До середины 60-х гг. формы международных связей в практике СО АН СССР не использовались. Это было естественно, так как предварительно нужно было получить крупные научные результаты и замкнуть цепь между фундаментальными исследованиями и прикладными разработками. К середине 60-х гг. ситуация изменилась.

В 1965 г. впервые в истории СО АН СССР было получено два зарубежных патента (во Франции и Бельгии) на разработку института гидродинамики «импульсный водомет»¹. Впоследствии число патентов на разработки институтов СО АН СССР возрастало год от года. В 70-е гг. Сибирское отделение продолжало удерживать одну из ведущих позиций в АН СССР в развитии этого аспекта международных связей. На разработки СО АН СССР было получено около тысячи патентов зарубежных стран. В то же время роль отдельных институтов Отделения в развитии патентно-лицензионной деятельности оставалась крайне неравноценной. Широко патентовались разработки СО АН СССР в области ядерной физики, вычислительной техники, гидроимпульсной, горной и других видов техники, приборостроения, химической технологии и биологии. Почти половина от общего числа патентов приходилось на долю Института горного дела, четверть – на разработки Вычислительного центра СО АН СССР. По сравнению с общими масштабами патентования незначительно была доля периферийных филиалов и научных центров Отделения. В СО АН СССР получены патенты более чем из 20 стран мира, среди которых многие ведущие капиталистические государства.

Следствием патентования изобретений и разработок, выполненных в СО АН СССР, было заключение лицензионных соглашений с иностранными фирмами. На рубеже 60-70-х гг. ряд лицензий был продан фирмам США. По одной из них американской стороне передавалось право производства пневмо-

¹ НА СО РАН. Ф. 10. Оп. 4. Д. 893. Л. 200

пробойников, созданных в Институте горного дела. Эти соглашения были одними из первых в отечественной академической науке. Впоследствии лицензии на производство и сбыт разработок сибирских ученых были приобретены в Австралии, Боливии, ГДР, Мексике, Швейцарии, Швеции и других странах. Развитие патентно-лицензионной деятельности свидетельствовало о высоком авторитете сибирской науки, о признании мирового класса разработок ученых Отделения.

Среди многочисленных форм научных связей особое место занимают формы, связанные с совместной научной деятельностью ученых разных стран. К их числу относятся координация исследовательских планов, координация исследований, создание совместных исследовательских коллективов, совместных исследовательских центров. Эта группа форм связей считалась наиболее эффективной. Роль совместных исследований в системе международной деятельности Отделения постоянно возрастала. В конце 50-х-начале 60-х гг. число работ, проводимых Отделением совместно с зарубежными партнерами, было невелико. Совместные исследования проводились на основе использования потенциала восточных филиалов СО АН СССР и затрагивали в основном проблемы геологии. В известном смысле это было продолжением развития научных связей этих подразделений Академии наук до их включения в состав Сибирского отделения. В первой половине 60-х гг. в проведении совместных работ стала возрастать доля учреждений Новосибирского научного центра, ставшего «ядром» Отделения. Одновременно происходил быстрый рост объемов сотрудничества. С конца 60-х гг. при сохранении определяющей доли Новосибирского научного центра в реализации совместных работ начинает возрастать вес филиалов СО АН СССР, причем изменяется и научный профиль проводимых ими совместно с зарубежными учеными исследований. Если раньше почти исключительная роль отводилась наукам о Земле, то теперь к совместно проводимым работам подключились специалисты в области физики, математики, химии. Это объяснялось спецификой академического строительства в Сибири, где рубеж 60-70-х гг. стал поворотным в развитии периферийных филиалов Отделения.

Преобладающее число совместных исследований относилось к сфере физико-математических, технических и химических дисциплин. Значительно меньше работ было в области биологических и общественных наук. В начале 70-х гг. практика совместных исследований занимала доминирующее положение в системе международных связей Отделения. Число совместно проводимых работ возрастало опережающими темпами. Основой международных связей Отделения стала практика двустороннего сотрудничества на базе межакадемических соглашений. Широко развивались научные связи практически со всеми социалистическими странами-членами СЭВ по значительному спектру научных проблем. Достаточно отметить, что к началу 80-х гг. число тем и проблем, по которым сотрудничали ученые, превысило 200. Одновременно в 70-е гг. утвердилось участие институтов СО АН СССР в осуществлении совместных работ по линии СЭВ. Принципиально важным был переход к долгосрочному сотрудничеству как в рамках связей академий наук, так и на основе организационного

механизма СЭВ. Примером тому служит деятельность Координационного центра социалистических стран по промышленному катализу, созданного в 1971 г. на базе Института катализа СО АН СССР. В ряде случаев связи институтов Отделения фактически переходят уровень интеграции исследований.

Поиск нового в области улучшения механизма научных связей демонстрирует опыт сотрудничества Отделения с Болгарской академией наук, накопленный в последние годы. В дальнейшем такое сотрудничество осуществлялось в рамках целевых комплексных программ, рассчитанных на выполнение всего цикла исследований вплоть до промышленного внедрения его результатов.

В конце 60-х – первой половине 70-х гг. развернулись широкомасштабные совместные работы институтов СО АН СССР с исследовательскими центрами капиталистических стран – США, Франции, ФРГ. Эти связи осуществлялись на основе соответствующих межгосударственных соглашений.

Особым звеном в цепи международных связей Отделения были в рамках международных программ и проектов, широко развернувшиеся в 70-е гг. В количественном отношении этот аспект связей был менее значительным, чем осуществление других форм совместных работ, однако сам факт участия СО АН СССР в международных проектах говорит о признании высокого уровня проводимых в Отделении исследований. Отметим, что в реализации таких программ, как «Международный геодинамический проект», «Год солнечного максимума», «Международные исследования магнитосферы», особенно заметен вклад филиалов СО АН СССР.

Таким образом, очевидно, что «механизм» международного научного сотрудничества СО АН СССР был и остается весьма сложным. Разнообразие форм международных связей обусловлено различием целей и задач, решаемых посредством тех или иных организационных форм.

В первые годы деятельности СО АН СССР ведущее место в системе международных связей Отделения занимали те его формы, которые обеспечивали «чистый» обмен научной информацией и сотрудничество в подготовке кадров исследователей по перспективным областям наук, причем в большей степени – именно для СО АН СССР. Впоследствии появились новые формы сотрудничества, а с начала 70-х гг. основу системы международных связей составили контакты, связанные с проведением совместных исследований в формах координации и кооперации работ. Эти формы связей носили интеграционный характер, они объединяли и подчиняли соответствующим задачам все остальные формы научного сотрудничества.

Такая эволюция форм организации международного научного сотрудничества СО АН СССР объяснялась действием ряда факторов в их взаимопереплетении. Во-первых, она протекала в русле развития международного сотрудничества академической науки в целом, где постоянно шел процесс поиска оптимальных, наиболее эффективных форм осуществления коммуникации ученых. В этом смысле в развитии системы организации международных связей СО АН СССР отразился общий характер данного процесса. Во-вторых, в развитии организационного механизма международного сотрудничества Отделения

нашли свое отражение и специфические процессы академического строительства в Сибири. Рост научного потенциала СО АН СССР определял его новые возможности в области научного сотрудничества, что требовало и соответствующих форм связей. Наконец, в-третьих, практика СО АН СССР свидетельствует о том, что в развитии международного сотрудничества в науке имеют место и процессы самодетерминации, связанные с поставленной эволюцией научных связей от простейших их форм ко все более сложным.

Очевидно, что процесс развития организационного механизма международных научных связей советской науки далеко не закончен. Задача заключается в выработке на основе использования предшествующего опыта новых, оптимальных форм международного сотрудничества, максимально удовлетворяющих потребности всех заинтересованных сторон.

Список литературы

1. Водичев Е. Г. Международные связи в науке: опыт системного исследования (на примере СО АН СССР) // Системный подход в изучении социальной культуры. — Новосибирск, 1985. С. 89–95.
2. Добров Г. М., Коренной А. А. Наука: информация и управление (Информационные проблемы управления наукой). — Москва : Советское радио, 1977. 255 с.
3. Добров В. Г. Наука о науке: Введение в общее науковедение. — Киев, 1970. 317 с.
4. Мирский Э. М., Садовский В. Н. Проблемы исследований коммуникаций в науке // Коммуникация в современной науке. — Москва : Прогресс, 1976. 438 с.
5. Налимов В. В., Мульченко З. М. Наукометрия: Изучение развития науки как информационного процесса. — Москва : Наука, 1969. 191 с.
6. Социализм и наука / под ред. С. Р. Микулинского, Р. Рихты. — Москва : Наука, 1981. 422 с.
7. Урсул А. Д. Проблема информации в современной науке: Философские очерки / АН СССР. Ин-т философии. — Москва : Наука, 1975. 287 с.

**Исследование истории арктических районных прокуратур,
методы исследования на примере прокуратур Момского и Жиганского
районов Республики Саха (Якутия)**

**Study of the history of Arctic district prosecutor's offices,
methods of research on the example of the prosecutor's offices
of the Momsky and Zhigansky districts of the Republic of Sakha (Yakutia)**

Сивцев Нюргун Иванович

аспирант 3 курса

кафедры теории и истории права и государства

Московский гуманитарный университет

г. Москва, Россия

sivtsev1982@yandex.ru

Sivtsev Nyurgun Ivanovich

3rd year graduate student

Department of Theory and History of Law and State

Moscow University for the Humanities

Moscow, Russia

sivtsev1982@yandex.ru

Аннотация. Исследователи посвящают работы истории прокуратур районного звена в основном в связи с памятными и юбилейными датами [9]. В основном, работы связаны с воспоминаниями работников прокуратур городов и районов, о работе в молодые годы. В связи с чем достаточно сложно найти интересующий научный материал по исследуемой тематике. История прокуратур небольших арктических районов на наш взгляд фактически не исследована с точки зрения науки, в связи с рядом объективных причин:

Арктические прокуратуры являются в основном малокомплектными, в штате состоят 1–2 оперативных работника, которые не являются местными жителями и по истечении срока работы уезжают в другие местности;

В арктические прокуратуры, как правило, прокурорами назначаются либо молодые работники в начале своего карьерного пути, либо работники, заканчивающие работу, которые наукой не занимаются;

Прокуроры, занимающиеся исследованиями в арктических условиях, не владеют научными методами и не могут воспользоваться архивными документами.

В связи с перечисленными и другими причинами, история арктических районных прокуратур в стране не исследована в достаточном объеме. В Республике Саха (Якутия) расположено наибольшее количество арктических районов в стране – 13. В их число входят Момский и Жиганский районы, являющиеся местами компактного проживания коренных малочисленных народов

Севера – эвенов и эвенков. До образования органов прокуратуры, северные народы находились в юрисдикции туземных советов и исполкомов, которые руководствовались нормами обычного права. Только с образованием районных прокуратур в арктических районах началось полноценное внедрение советской законности.

Автором было проведено исследование советского периода истории арктических малокомплектных прокуратур Момского и Жиганского национально-эвенкийского районов Республики Саха (Якутия) в советское время [8]. Целью статьи является исследование советского периода истории прокуратур арктических районов ЯАССР, персоналии первых прокуроров, методы исследования, поиска источников научной информации.

Ключевые слова: прокуратуры арктических районов, методы исследования, коренные малочисленные народы Севера, методы научного исследования, источники научной информации.

Abstract. Researchers devote their works to the history of district level prosecutor's offices mainly in connection with memorable and anniversary dates. Basically, the works are connected with the memories of employees of the prosecutor's offices of cities and districts, about work in their younger years. In this connection, it is quite difficult to find interesting scientific material on the subject under study.

In our opinion, the history of the prosecutor's offices of small Arctic regions has not actually been studied from the point of view of science, due to a number of objective reasons:

The Arctic prosecutor's offices are mostly small-scale, the staff consists of 1-2 operational workers who are not local residents and leave for other localities after the expiration of the work period;

In the Arctic prosecutor's offices, as a rule, prosecutors are appointed either young workers at the beginning of their career path, or workers finishing their jobs who are not engaged in science;

Prosecutors engaged in research in Arctic conditions do not possess scientific methods and cannot use archival documents.

The Republic of Sakha (Yakutia) has the largest number of Arctic regions in the country – 13. These include Momsky and Zhigansky districts, which are places of compact residence of the indigenous small peoples of the North – Evens and Evenks. Before the formation of the prosecutor's office, the northern peoples were under the jurisdiction of native councils and executive committees, which were guided by the norms of customary law. It was only with the formation of district prosecutor's offices in the Arctic regions that the full implementation of Soviet legality began.

The author conducted a study of the Soviet period of the history of the Arctic small-scale prosecutor's offices of Momsky and Zhigansky national Evenki districts of the Republic of Sakha (Yakutia) in Soviet times.

The purpose of the article is to study the Soviet period of the history of the prosecutor's offices of the Arctic regions of the Yakut ASSR, the personalities of the first prosecutors, research methods, searching for sources of scientific information.

Keywords: prosecutor's offices of the Arctic regions, research methods, indigenous peoples of the North, methods of scientific research, sources of scientific information.

С помощью архивных источников установлено, что до образования органов прокуратуры, в арктических районах ЯАССР действовало Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 14 октября 1927 г. «О выполнении судебных функций органами туземного Управления» и Инструкция по его применению.

Туземные советы и райисполкомы были наделены судебными полномочиями и применяли нормы обычного права при разрешении гражданских, семейных и мелких уголовных дел. Туземные советы имели право назначать наказания по уголовным делам и взыскивать имущество по гражданским делам. Зачастую их приговоры выносились устно и не исполнялись¹.

Туземные советы действовали вплоть до 1933 г., а затем их юрисдикция была отменена. Но в арктических районах ЯАССР они фактически функционировали до 1939 г. Отсутствие прокуратур в арктических районах ограничивало права коренных малочисленных народов севера на доступ к советскому законодательству.

Прокуратуры арктических районов ЯАССР были образованы приказами прокурора Якутского обкома ВКП(б) примерно в одно время – 1937–39 гг., гораздо позже прокуратур центральных районов республики. Их создание связано с принятием Конституции СССР 1936 г., Закона о судеустройстве СССР², ст. 10 Положения о прокуратуре СССР 1933 г., предусматривающих территориальное деление прокуратуры по районам и городам [4].

Один из основателей и идеологов советской прокуратуры, Прокурор СССР А. Я. Вышинский отмечал важность районных прокуратур. «Говоря об организации прокурорской системы на периферии, необходимо раньше всего остановиться на районной прокуратуре. Подобно тому, как в судебной системе основной ячейкой или основным звеном является народный суд, так в прокурорской системе основным звеном является районная прокуратура. И это вполне понятно, так как районная прокуратура как орган охраны революционной законности и социалистического правопорядка наиболее близко стоит к населению, к трудящимся массам города и деревни. Районный прокурор является наиболее тесно связанным с трудящимися массами; через районного прокурора в первую голову прокуратура осуществляет свою связь с населением, через него раньше всего центральная прокуратура осуществляет свои мероприятия»[1, с.332].

Ректор Университета прокуратуры РФ О. С. Капинус, в своем авторском материале «Прокуратуры городов и районов – ключевое звено системы органов прокуратуры России» отмечает важную роль районных прокуратур [3].

При исследовании советского периода истории прокуратур Момского и Жиганского районов были использованы методы исторического анализа и син-

¹ Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 492. Оп.1. Д.84. Л.63–67.

² Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 492. Оп.1. Д.84, Л. 26.

теза. Источниками исследования послужили документы архивных фондов Момского и Жиганского районов, фонды Национального архива Республики Саха (Якутия), а также воспоминания ветеранов прокуратуры Жиганского района.

Ветеран прокуратуры Жиганского района Никифоров А. А. в период службы в 2012 году провел определенную работу по исследованию истории прокуратуры района в Национальном архиве Республики Саха (Якутия) в г. Якутске. Но архивный фонд Жиганского района, а также часть фондов Национального архива Республики Саха (Якутия) оставались не изученными.

В прокуратуре Республики Саха (Якутия) считалось, что «вовремя не сохраненные, не собранные воедино документы, материалы деятельности этих прокуроров оказались утерянными безвозвратно» [5, с.66]. Это было написано в юбилейной книге к 280-летию прокуратуры России после воспоминаний бывшего прокурора Момского района С. С. Скрябина. В архивном фонде МО «Момский район» в полном объеме сохранились документы о годах работы прокурора Скрябина С. С. в Момском районе, они в настоящее время исследованы автором [7, с. 257]. Для полного изучения работы многих районных прокуроров, необходимо обратиться к районным архивным фондам.

Путем последовательного исследования районных архивных фондов было установлено, что прокуратура Момского района была образована в 1938 г., первый прокурор А. И. Кривошапкин прибыл на работу в район зимой 1940 г.

Прокуратура Жиганского района была образована в 1937 г. На заседаниях бюро Якутского обкома ВКП (б) в 1936-1937 гг. рассматривались вопросы о выделении штата райпрокурора и следователя по Жиганскому району. Постановлением бюро Якутского обкома ВКП(б) от 19.12.1936 г. вынесено решение: «Обязать в месячный срок подобрать и командировать в Жиганский район следующих работников: совторготделу – начальника НКВД, нарследователя, прокурора и паспортиста. Отделу пропаганды и печати – штатного пропагандиста». Постановлением бюро Якутского обкома ВКП(б) от 28.02.1937 г. внесло уточнение: «В дополнение решение бюро обкома ВКП (б) от 19.12.1936 просить прокурора РСФСР о включении в штат и отпуске средств на содержание райпрокурора в Жиганском районе». Постановлением бюро Якутского обкома ВКП (б) от 28.07.1937 демонстрирует последовательность в решении обеспечения кадрами Жиганского района: «Отметить невыполнение решения бюро обкома ВКП (б) от 19.07.1936 г. Предложить т. Страд обеспечить Жиганский район райпрокурором и следователем» [8, с. 118]. Архивные документы прокуратуры сохранились в архивном фонде МР «Жиганский национальный эвенкийский район» с 1949 г. [8, с. 4]

В архивном фонде МР «Момский район» документы сохранились лишь с 1966 г., причиной тому стало укрупнение прокуратур районов, проведенное Приказом Генерального прокурора СССР №148-л от 23 февраля 1963 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 февраля 1963 г. «Об укрупнении сельских районов и изменении подчиненности районов и го-

родов РСФСР». Момский район обслуживался Оймяконской межрайонной прокуратурой с дислокацией в п. Усть-Нера¹.

Первыми прокурорами Момского и Жиганского районов стали молодые люди, в самом начале карьерного пути, без высшего юридического образования.

Первым прокурором Момского района стал Кривошапкин А. И., которому в 1939 г. исполнилось 19 лет, таким образом, фактически прокуратура Момского района приступила к работе в 1940 г. [7, с. 256] Впоследствии Андрей Ильич работал прокурором Намского, Томпонского районов, г. Якутска [5, с. 138], и с 1962 г. по 1982 г. возглавлял уголовно-судебный отдел прокуратуры ЯАССР, несмотря на то, что имел среднее юридическое образование [5, с. 47]. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 22.05.1972 за заслуги в укреплении законности ему было присвоено почетное звание «Заслуженный юрист РСФСР», награжден орденом «Знак Почета» [5, 138].

Первым прокурором Жиганского района в 1939 году стал Попов Роман Константинович, 1917 г.р., прошедший обучение на юридических курсах [8, с. 118], на момент назначения на должность ему было 22 года.

Молодые специалисты, которые без подготовки включались в процесс работы, в связи с недостаточной подготовкой в арктических районах ЯАССР наблюдалась высокая текучесть кадров, несмотря на существенную поддержку со стороны Генеральной прокуратуры СССР².

В качестве положительного примера карьерного роста можно привести первого прокурора Момского района Кривошапкина Андрея Ильича, о котором указано выше.

Имелись и отрицательные примеры работы молодых неподготовленных прокуроров, направляемых в суровые северные условия.

Например, прокурором ЯАССР Артемовым Д. Л. приказом от 9 ноября 1950 г. был уволен с работы³ прокурор Момского района юрист 3 класса Ушницкий А. И., в связи с тем, что от 7 января 1949 г. в результате небрежного обращения с оружием из нагана-самовзвода тяжело ранил девочку 11 лет, которая по истечении 5 дней умерла. Об указанном факте А. И. Ушницкий в прокуратуру ЯАССР не сообщил, в течение 5 месяцев смерть девочки не была зарегистрирована в Загсе. В своем объяснении на имя прокурора ЯАССР от 17 декабря 1949 г. скрыл указанный факт, сказал, что девочка была ранена его 4-летним сыном, при неизвестных обстоятельствах. Лишь 15 сентября 1950 г. при личной беседе уличенный в ложности своего объяснения признал, что тяжелое ранение девочке было нанесено им самим, в чем признал себя виновным⁴.

Перед увольнением в Ушницкого А. И. в прокуратуру Момского района в 1950 г. был направлен с проверкой и. о. начальника УСО прокуратуры ЯАССР юрист 2 класса Грехов.

¹ Архивный отдел МО «Момский район». Ф.№18 оп.1. Д. 6. Л. 9.

² Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.492. Оп.1. Д. 229. С.90.

³ Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.492. Оп.1. Д. 93. Л.31–32.

⁴ Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.492. Оп. 1. Д. 93. Л. 24.

Согласно справке по результатам проверки, составленной Греховым, установлено следующее. Ушницкий А. И. с работой не справляется и работу провалил. Работа по общему надзору во исполнение указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на 8-часовой рабочий день», 15 апреля 1944 г., 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» не осуществлена. Проверки состояния охраны социалистической собственности, товарно-материальных ценностей не произведены, факты растрат и хищений не проверены. В результате в одном «Колымторге» сумма растрат и хищений достигла 148 800 рублей, аппарат торговой сети засорен людьми, в прошлом судимыми за растраты и хищения. Мер по ликвидации дебиторской задолженности в совхозах прокурором не принято, задолженность составляла на начало 1949 г. 713 068 рублей, и к концу года возросла на 67787 рублей. За год не предъявлено ни одного иска в порядке ст.2 ГПК РСФСР.

В проводимых партийными и советскими органами хозяйственно-политических мероприятиях (выполнение планов пушных заготовок, жилищного строительства, борьбы с туберкулезом) прокурор участия не принимал.

2 дела из 5 расследованных прокурором за год, возвращены судом на дознание. Надзор за органами милиции по уголовным делам, раскрываемости преступлений, о рассмотрении милицией заявлений граждан, законность содержания задержанных лиц прокурором не осуществлен.

Было установлено недостойное поведение прокурора района Ушницкого А. И., который с обвиняемым по расследуемому уголовному делу вместе употреблял спиртные напитки.

Приказ Генерального прокурора СССР от 25 июня 1948 г. №148-а частично не был выполнен, статистический отчет представлен за 7 месяцев, квартальные доклады о работе не представлены.

Нарушения прокурор Ушницкий А.И. объяснял тем, что в 1949 г. не работал в Момском районе 6 месяцев, находился в отпуске 4 месяца и 2 месяца исполнял обязанности соседнего Абыйского района и выезжал туда. К слову, соседними районами Момский и Абыйский район можно назвать лишь условно по карте, поскольку расстояние между районными центрами составляет свыше 800 км по горам, без дороги, и выезд туда и обратно можно осуществить лишь самолетом транзитом через г. Якутск, расстояние до которого свыше 1000 км.

Несмотря на серьезную критику, прокурором Ушницким А. И. была проведена определенная работа, с учетом низкого уровня местных властей. Например, прокурором было опротестовано незаконное решение райсовета Момского района от 4 января 1949 г. «О мероприятиях по борьбе с пожаром». В своем решении райисполком установил за уклонение от мобилизации на тушение лесных пожаров штраф в 100 рублей или один месяц исправительных трудовых работ или привлечение к уголовной ответственности. Решение было вынесено с нарушением ст.ст.10–21 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 30 марта 1931 г. и было отменено по протесту прокурора. 22 июля 1949 г. прокурором принесен протест на действия председателя райисполкома, который своим рас-

поряжением привлек на строительство аэродрома рабочих и служащих района под видом субботников, фактически в рабочее время с отвлечением от основной работы. В результате рассмотрения протеста субботники стали проводить в выходные дни и нерабочее время.

От прокурора района требовалось направлять в прокуратуру ЯАССР копии постановлений о возбуждении уголовных дел, а также справки об окончании расследования. Санкцию на привлечение к уголовной ответственности председателей колхозов, членов коммунистической партии давал заместитель прокурора ЯАССР.

В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» по уголовным делам о растратах и хищениях государственного имущества требовалось налагать арест на имущество обвиняемых, в целях исключения продажи ими имущества. Например, по уголовному делу Ефимова, растратившего 60830 рублей, арест на имущество не был наложен, вследствие чего обвиняемый продал все имущество, в т. ч. дойную корову и двух телят.

При надзоре за содержанием арестованных в камере предварительного задержание обращалось внимание на условия содержания, обеспечение задержанных пищей и на сроки содержания под стражей, на помещение в КПЗ без санкции прокурора. Приказом прокурора СССР №22/05 было установлено, что КПЗ подлежали проверке 3 раза в месяц.

Также прокурор обязан был проверять состояние паспортного режима, работу милиции по привлечению к административной ответственности лиц за несвоевременную прописку, утерю паспорта.

Исполнение приговоров милицией должно было проверяться прокурором, все осужденные должны были своевременно направлены в места лишения свободы.

Необходимо отметить, что указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» предусматривал весьма серьезные наказания. Например, похитивший бочку бензина Колымснаба Антипин, был осужден к 7 годам лишения свободы в ИТЛ, растративший средства Догдо-Чибагалахской фактории Колымторга в сумме 28 000 рублей Никулин осужден к 15 годам лишения свободы в ИТЛ.

Прокурор Ушницкий А. И. вел достаточно активную работу по опротестованию судебных приговоров, за 1949 год им принесено 12 кассационных протестов, на приговоры, удовлетворено 6 протестов с отменой приговора, 4 протеста отозвано.

При производстве гражданско-судебного надзора работа прокурора была оценена неудовлетворительно, поскольку за год им в суд направлено лишь 2 иска, один из которых был необоснованным, не принято участие в рассмотрении гражданских дел, 28% из которых рассмотрены с нарушением месячного срока. Также не проведена работа по надзору за исполнительными листами по растратам и хищениям, из 43780 рублей за год было взыскано 18900 рублей.

Необходимые меры по розыску имущества у растратчиков и его реализации не было принято.

Не по всем жалобам трудящихся прокурором были даны письменные ответы, а на многие жалобы ответы даны с нарушением сроков.

По результатам проверки Греховым были сделаны следующие выводы и предложения прокурору Момского района:

1. Завести учет работы в прокуратуре в соответствии с приказом Генерального прокурора СССР от 29 июня 1949 г. №117 «О введении в действие инструкции по делопроизводству в райгорпрокуратурах».

2. Директивные указания и распоряжения вышестоящих прокуроров исполнять в установленные сроки.

3. Всю работу строить в соответствии с планом работы, добиваться выполнения последнего.

4. Доклады и статистические отчеты предоставлять в прокуратуру ЯАССР своевременно.

5. Улучшить состояние общего надзора. Проверять выполнение устава сельхозартели в колхозах, выполнения постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 февраля 1949 г. «О ликвидации нарушений устава сельхозартели», состояние трудовой дисциплины в колхозах, развитию животноводства. Проверять правовые акты властей и иных организаций. Организовать надзор за заготовкой пушнины, а также за исполнением постановления Совета Министров ЯАССР «По борьбе с туберкулезом».

6. Не допускать фактов возвращения уголовных дел для доследования, прекращения уголовных дел и оправдания обвиняемых. После рассмотрения уголовных дел судом сообщать о результате в прокуратуру республики.

7. Ежемесячно проводить проверку следственных дел, находящихся в органах милиции, давать по каждому делу указания, проверять поступающие в милицию заявления о преступных проявлениях и добиваться их оперативного разрешения, добиться устранения волокиты в расследовании уголовных дел со стороны милиции. Три раза в месяц проводить проверку КПЗ и составлять акт.

8. Добиться выполнения приказа Генерального прокурора СССР от 4 сентября 1948 г. №199, участвовать в подготовительном заседании в качестве докладчика. Добиться полного участия в судебных заседаниях в качестве государственного обвинителя по делам особо-опасных категорий преступлений. По каждому делу готовиться к выступлению, составлять конспект обвинительной речи, по наиболее характерным делам, имеющим общественный интерес, организовывать открытые публичные процессы со сторонами.

9. Уделять внимание предъявлению исковых заявлений в порядке ст. 2 ГК РСФСР по делам колхозов, госучреждений, алиментным делам. По наиболее сложным гражданским делам давать в суде заключение.

10. По жалобам вести строгий учет, все поступающие жалобы регистрировать в учетные карточки по алфавиту, на каждую жалобу заводить отдельное

наблюдательное производство, не допускать длительного рассмотрения алиментных жалоб и жалоб особого контроля¹.

Вскоре после проверки прокурор Ушницкий А. И. был уволен с работы².

В ЯАССР в те годы было достаточно мало образованных юридических кадров [6, с. 49]. Некоторые образованные юристы работали и в арктических районах. В основном они имели среднее юридическое образование, и являлись выпускниками Якутской юридической школы.

Например, уроженец Усть-Алданского района Гуляев Илья Степанович, 1915 г. р., окончивший Якутскую юридическую школу в 1941 г., с ноября 1948 г. по июнь 1953 г. занимавший должность прокурора Жиганского района с 34 до 38 лет.

По свидетельству предыдущего прокурора Жиганского района Докторова П.И., Гуляев И.С., работал долго и неплохо [8, с.82].

Прокуратурой ЯАССР в лице начальника отдела по надзору за органами милиции прокуратуры республики юриста 1 класса Семенова было проведено комплексное обследование работы прокуратуры Жиганского района за 1950 – 1-е полугодие 1951 г. Проверка была проведена на основании приказа прокурора ЯАССР от 4 июля 1951 г. №156 и проведена в период с 7 по 14 июля 1951 г.

Коллектив прокуратуры Жиганского района представляли прокурор юрист 3 класса Гуляев И. С. и народный следователь Стручков П. Е.

Гуляев И. С. работал в прокуратуре с 1941 г. по 1948 г. народным следователем, прокурором был назначен в ноябре 1948 г., фактически приступил к обязанностям по прибытию в район с января 1949 г.³

Следователь Стручков П. Е. закончил Якутскую юридическую школу в 1949 г. и в том же году был назначен на должность.

Прокуратура Жиганского района помещалась в здании райлесхоза, совместно с райсудом, и занимала 3 кабинета.

Проверка имела следующую структуру:

1. В сфере общего надзора. Требовалось, чтобы по мерам общего надзора лица, виновные в нарушениях, обязательно были привлечены к дисциплинарной и уголовной ответственности. Проверки в районных организациях требовалось оформлять актами со справками. Проверялось исполнение требований выполнения Постановления ЦК ВКП(б) и СКН СССР от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений устава сельхозартели в колхозах», а также Указа от 26 июня 1940 г. в организациях. Несмотря на то, что претензий к качеству составляемых прокуратурой представлений и протестов не имелось, замечания прокуратуры ЯАССР касались состояния законности в сфере оленеводства в районе. Было установлено незначительное снижение поголовья оленей в колхозах и выполнение плана на 80%.

¹ Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.492. Оп.1. Д. 93. Л.25.

² Приказ прокурора ЯАССР от 06.02.1950 №3/с. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.492. Оп.1. Д. 93. Л.30.

³ Там же. Л.4.

2. Следственная работа: оценивалось распределение нагрузки по расследованию уголовных дел между следователем и прокурором, сколько уголовных дел было прекращено, возвращено для доследования, приостановлено, и осталось на конец отчетного периода.

3. Состояние работы по арестам должно было соответствовать требованиям приказа прокурора №172. Отрицательным показателем считалось освобождение из-под стражи судом арестованных прокурором лиц. В Жиганском районе были необоснованно арестованы 3 обвиняемых, 1 из которых впоследствии был оправдан Верховным судом ЯАССР, в отношении 1 уголовного дело прекращено.

4. Сроки следствия были установлены ст.116 УПК РСФСР, и не должны были превышать 2 месяцев. Прокуратура ЯАССР проводила проверку соблюдения процессуальных сроков по уголовным делам, расследованным прокуратурой. Наиболее распространенными преступлениями, расследованными прокуратурой Жиганского района в 1950 г. являлись преступления о хищениях социалистической собственности и должностные преступления. Положительным явлением считалось снижение количества уголовных дел, в частности дел о растратах госсредств и кооперативных средств.

5. Состояние борьбы с растратами и хищениями. Нарушениями и негативными явлениями считалось то, что торговая сеть РайПО не передавала в судебно-следственные органы материалы о растратах. Например, в 1949 г. из 11 выявленных случаев растрат и хищений в следственные органы были переданы 6 материалов и т.д. В задачи прокуратуры входило надзирать за тем, чтобы 100% материалов по фактам хищений и растрат были направлены торговой сетью в следственные органы и по ним были приняты процессуальные решения. Такое положение в РайПО объяснялось слабой работой РайПО по упорядочению подбора кадров на материально ответственные должности. Не выполнялись планы ревизий как плановых, так и внезапных. Плохо был поставлен учет и отчетность в самом РайПО и торговых точках, что не позволяло своевременно выявлять растратчиков и передавать эти материалы в следственные органы. Прокурор наряду с органами милиции должен был добиваться не только раскрытия преступлений, осуждения преступников, но и возмещения похищенных средств путем изъятия ценностей и наложения ареста на имущество, а также путем взыскания в пользу государства в судебном порядке. Об этом было изложено в указании Генеральной прокуратуры СССР в почте-телеграмме от 18 ноября 1949 г. Негативным показателем в работе считалось необоснованное возбуждение уголовных дел и неосновательный арест граждан. Положительно оценивалось снижение количества растрат и хищений в районе, влияние работы судебно-следственных органов на состояние преступности.

6. Надзор за органами милиции. Проводилась проверка уголовных дел, прекращенных органами милиции в ходе расследования. Милиция расследовала уголовные дела о хищениях государственного, общественного, личного имущества граждан, о хулиганстве. Имелись факты расследования дел об убийствах с нарушением подследственности в связи с невозможностью выезда в от-

даленные селения района, а также в связи с нахождением народного следователя в командировке. Учитывая причины, вызвавшие расследовать дела по ст.136–138 УК органами милиции, их рассматривать как нарушения требований ст.108 УПК РСФСР и закона о подследственности не имеется оснований – указал проверяющий прокуратуры ЯАССР. Проверялась работа по надзору за органами милиции в части сроков расследования уголовных дел, обоснованности арестов обвиняемых, количество участия прокурора при расследовании уголовных дел, дача письменных указаний о порядке расследования уголовных дел.

7. Судебный надзор за уголовными делами. Требовалось реагировать протестами на незаконные решения суда, в первую очередь на оправдательные приговоры, а также на условные наказания по уголовным делам о растратах и хищениях государственного имущества. Уголовные дела должны были быть рассмотрены судом в срок 10 дней. Существенным нарушением считалось рассмотрение уголовных дел судом в срок свыше 1 месяца. При этом приговоры районного суда не должны были отменяться Верховным судом. Недопустимым считалось возвращение уголовных дел для доследования, а также прокурор был обязан принимать участие в качестве государственного обвинителя по некоторым категориям уголовных дел, определенных приказом Генерального прокурора СССР. При поддержании государственного обвинения в действиях прокурора поддерживалась последовательность, даже несмотря на отрицательный результат. К примеру, и. о. прокурора Стручков отказался от поддержания обвинения и не принес протест в порядке кассации на оправдательный приговор суда. Прокурор Гуляев в другом случае полностью поддержал обвинение и обжаловал оправдательный приговор, за что удостоился положительной оценки проверяющего. Большая часть подсудимых приговаривались к реальному лишению свободы. В 1950 г. 11 человек было приговорено к лишению свободы в ИТЛ, 2 к условным срокам, оправдано 3 человека. От гособвинителя требовалось приносить протест, если суд назначал меру наказания ниже, чем требовал прокурор, при назначении наказания требовалось учитывать личность подсудимого и степень общественной опасности и вреда от преступления.

8. Судебный надзор по гражданским делам. В основном суд рассматривал гражданские дела по трудовым спорам. От прокурора требовалось принимать участие по своим искам в порядке ст.2 ГПК РФ, проверять решения суда по делам, в которых участие не было принято, вести учет решений по гражданским делам. Требовалось вести работу по дебиторской задолженности колхозов в целях ее снижения.

9. Работа по жалобам. Жалобы требовалось разрешать, своевременно направлять письменные ответы, заводить наблюдательные производства на каждую жалобу.

По итогам комплексной проверки в прокуратуре Жиганского района работа прокурора Гуляева И.С. была признана удовлетворительной и ему было строго указано на устранение недостатков.¹

¹ Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.492. Оп.11. Д. 43. Л.62.

Работали в арктических прокуратурах и опытные работники, имевшие солидный юридический стаж. Например, из статьи в районной газете Момского района «Индибир уоттара» («Огни Индигирки») от 12 февраля 2001 г. удалось установить, что будущий прокурор ЯАССР, доктор юридических наук и основатель высшего юридического образования в Якутии М. М. Федоров называл своим наставником прокурора Момского района в 1952–1956 гг. Николая Яковлевича Новоприезжего, 1908 г.р. который был одним из первых представителей народа саха, получивших высшее юридическое образование [2, с.2]. В справке по итогам комплексной проверки указано, что Новоприезжий в 1948 г., заочно закончил Якутскую юридическую школу¹. Опытный юрист В. Я. Новоприезжий был направлен в кризисный после отставки А. И. Ушницкого Момский район с целью восстановить авторитет органов прокуратуры, что в целом, ему удалось, и он завоевал уважение у местного населения.

В. Я. Новоприезжий ушел на пенсию с должности прокурора Момского района по итогам ревизии, проведенной заместителем прокурора ЯАССР советником юстиции Сидоровым Т. Е. 6–22 августа 1955 г.

Комплексная проверка прокуратуры ЯАССР проводилась в соответствии со структурой, установленной приказом прокурора СССР №1763 от 26 ноября 1938 г.:²

1. Кадры. Проанализирована общественная нагрузка прокурора района, который являлся членом пленума и бюро Момского РК КПСС, депутатом районного совета депутатов и трудящихся, секретарем первичной партийной организации судебно-следственных работников, внештатным лектором райкома партии. Планировать работу прокуратуры было сложно в связи с отсутствием собственного автомобиля, лошадей, оленей, собак или подвод. Выезды на места производились на случайных подводах.

2. Организация работы райпрокуратуры. Прокуратура ЯАССР требовала каждое полугодие составлять план работы прокуратуры района, проводить общие организационно-оперативные мероприятия, направленные на улучшение работы прокуратуры, производить обобщение и изучение тех или иных категорий уголовных и гражданских дел, обобщать общенадзорную работу по отдельным вопросам, подводить итоги выполнения важнейших приказов Генерального прокурора СССР. По итогам работы ставить перед районным комитетом КПСС и райисполкомом вопросы по укреплению социалистической законности. Копии протестов и представлений по общему надзору требовалось предоставлять в прокуратуру ЯАССР.

3. Состояние законности в районе. В первую очередь обращалось внимание на состояние борьбы с хищением, растратой, порчей и разбазариванием социалистического имущества, передавать материалы по фактам растрат и недостач в следственные органы. От прокуратуры требовалось опротестовывать незаконные решения райисполкома, в основном о незаконном распоряжении

¹ Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.492. Оп. 1. Д. 277. Л. 35.

² Приказ по прокуратуре Союза ССР №1763 от 26.11.1938. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.985, Оп.1. Д.5. Л.33.

имуществом колхозов. Прокуратура добивалась ликвидации дебиторской задолженности «Колымторга» перед колхозами за выполненную работу и сданную пушнину, путем взносов в неделимые фонды колхозов. Вследствие наличия дебиторской задолженности колхозы не могли исполнить требования Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 21.09.1953 г. в части зачисления в отделение Госбанка до 25% от всех денежных доходов, полученных колхозами от животноводства. Требовалось приносить протесты по вопросам нарушений Устава сельхозартели и закона об охране социалистической собственности. Прокуратура республики добивалась улучшения качества актов прокурорского реагирования. Представления не должны были походить на простые письма, их форма и содержание должны были соответствовать установленному образцу и затрагивать существенные вопросы нарушения законности, а не единичные факты нарушений дисциплины.

4. Надзор за правовыми актами, издаваемыми местными органами власти и другими органами. От прокурора района требовалось регулярно посещать заседания райисполкома, проверять законность его решений райисполкома.

5. Надзор за следствием и милицией:

5.1. Состояние следствия по делам о хищениях и растратах государственного и общественного имущества. От прокурора требовалось составлять план расследования по уголовным делам, системно вести следственные действия, с разработкой версий, в целях отсутствия возвратов уголовных дел судом для доследования, либо переквалификации. Требовалось производить допросы лиц, не владеющих русским языком с участием переводчика в соответствии со ст. 22 УПК РСФСР, объявлять обвиняемым о назначении экспертиз, составлять обвинение с указанием времени, места и обстоятельств совершения преступлений. От прокурора требовалось оказывать помощь следователю путем участия в производстве важнейших следственных действий, личного изучения уголовных дел, дачи указаний, а также самому расследовать уголовные дела. От следователя требовалось изучать методические пособия по следственной практике, необходимую литературу, в целях изучения тактических приемов производства отдельных следственных действий. По делам о хищении и растрате государственного и общественного имущества требовалось принимать меры к розыску имущества обвиняемых, при наличии налагать арест на имущество обвиняемых.

5.2. Состояние работы по выполнению приказа Генерального прокурора СССР №225 с. Приказ от 31 августа 1953 года относил к особо опасным преступлениям, находившимся на контроле прокурора бандитизм, разбойное нападение, умышленное убийство, изнасилование, кража личной собственности граждан и хулиганство. Приказ №225с был издан на основании Постановления Совмина СССР от 27 августа 1953 года «О мерах по усилению охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью». Они являлись контрмерами всплеска преступности в стране, возникшего в связи с амнистией по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г., в связи со смертью Сталина. В Момском районе в 1954 г. были расследованы следователем прокуратуры 1 кража имущества граждан, 4 убийства, 2 хулиганства.

В 1955 г. – 1 кража, 1 убийство, 1 причинение тяжких телесных повреждений повлекшее смерть, 2 хулиганства. За совершение убийств 4 лиц были осуждены к 8-10 годам лишения свободы, за причинение тяжких телесных повреждений, повлекшее смерть 1 лицо к 10 годам лишения свободы, за хулиганство 4 лиц к лишению свободы от 2 до 5 лет. Основную массу преступлений составляло хулиганство, дела о хулиганстве, за исключением дел о преступлениях, представляющих сложность, расследовались милицией. Удельный вес хулиганств составлял 73,3% от общего количества преступлений в Момском районе.

5.3. Обоснованность арестов граждан. Арестам с санкции прокурора подвергалось значительное количество граждан – за 1954–55 гг. 33 лиц, из них освобождено 4 лиц, 1 из которых оправдан.

5.4. Сроки следствия. В основном уголовные дела расследовались в срок до 30 дней. В 1954 г. – 12 дел из 14, в 1954 г. 14 из 14, в 1955 г. – 4 из 5.

5.5. Качество следствия. Прокуратура ЯАССР анализировала причины возвращения уголовных дел судом для дополнительного расследования. Дела возвращались судом на доследование за недостаточностью произведенного следствия, неправильностью квалификации преступления.

6. Надзор за судом:

От государственных обвинителей требовалось приобщать к наблюдательным производствам тезисы обвинительных речей, составлять планы обвинительных речей. В тезисах обвинительных речей требовалось разбирать объяснения подсудимых и приводить доводы по опровержению защитной линии подсудимых. Давать оценку доказательствам с точки зрения юридической силы, почему именно эти доказательства заслуживают доверия к ним, почему обвинение доказывается ими. Необходимо было делать ссылки на доказательства, если государственный обвинитель считал тот или иной факт доказанным, делать анализ доказательств, для большей убедительности обвинительных речей.

6.1. Сроки рассмотрения уголовных дел судом. Существенным нарушением закона считалось рассмотрение уголовного дела судом свыше 3-х месяцев. В Момском районе длительное рассмотрение уголовных дел было обусловлено необходимостью выездов в отдаленные населенные пункты, что в связи с отсутствием гужевого транспорта у суда и прокуратуры представляло сложность с учетом протяженности пути в сотни километров.

6.2. Сроки рассмотрения гражданских дел судом. Нарушением процессуальных сроков по гражданским делам считалось рассмотрение гражданского дела свыше 1 месяца. Нарушение сроков объяснялось отсутствием в районе судьи.

6.3. Стабильность решений, под которой предусматривалась утверждаемость решений суда после обжалования.

7. Состояние взыскания материального ущерба от хищений и растрат государственного и общественного имущества. От прокурора требовалось надзирать за законностью действий судебных исполнителей по взысканию ущерба, а также алиментов по исполнительным листам.

8. Состояние работы по разрешению жалоб. Необходимо было завести журнал для регистрации поступающих заявлений, жалоб и сообщений граждан, по каждой жалобе заводились наблюдательные производства.

9. Краткие выводы. По итогам ревизии в прокуратуре Момского района были сделаны выводы о ненадлежащей организации работы, поскольку проверки проводились в отсутствие плана, поверхностно и без учета состояния законности. Большое количество уголовных дел было возвращено судом для исследования.

10. Предложения. Прокурору В. Я. Новоприезжему было предложено в соответствии с распоряжением Генерального Прокурора СССР от 30 декабря 1943 г. планировать работу, составлять планы работ на квартал, в эти планы работ включать мероприятия, направленные на выполнение важнейших основных приказов Генерального прокурора СССР, вопросы и задания, которые требовали последовательного проведения соответствующих общих организационно-оперативных мероприятий: обобщение и изучение той или другой категории уголовных или гражданских дел, обобщение общенадзорной работы по определенным вопросам, подведение итогов по выполнению приказов Генерального Прокурора СССР, выезды в колхозы, проверки постановлений и решений общих собраний, правлений колхозов, нассоветов и райисполкома. При организации работы по общему надзору требовалось обратить основное внимание на соблюдение Устава сельхозартели, законов и постановлений Правительства по вопросам организационно-хозяйственного укрепления колхозов, ликвидации практики разбазаривания земель и неделимых фондов колхоза, надзор за укреплением трудовой дисциплины в колхозах и законов об охране социалистической собственности, надзор за законностью правовых актов, издаваемых местными органами власти и другими организациями¹.

Биография Н. Я. Новоприезжего интересна тем, что он, после выхода на пенсию с должности прокурора Момского района вновь был призван в 1965 г. ряды прокуратуры в качестве следователя и работал в Таттинском районе до 59 лет. Источники Национального архива Республики Саха (Якутия) и воспоминания Момских старожилов, касательно биографии В. Я. Новоприезжего существенно разнятся. Если в справке комплексной проверки указано, что В. Я. Новоприезжий был 1908 года рождения, то из газетной статьи установлено, что он был 1903 года рождения. Что касается сведений о его образовании, то в архивных документах указано о среднем юридическом образовании. Согласно информации, изложенной в газетной статье, В. Я. Новоприезжий служил в Усть-Алданском районе в милиции, и благодаря природной смекалке сумел вычислить место, куда местный кулак зарыл сокровища. В награду за раскрытое преступление он был награжден часами и направлен учиться в г. Ленинград на юридический факультет университета, где он несколько лет проходил обучение в одно время с первым писателем эвенского народа Н. С. Тарабукиным. В. Я. Новоприезжему по каким-то причинам не удалось получить высшее юридическое образование, и впоследствии он окончил Якутскую юридическую

¹ Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.492. Оп.1. Дело 93. Л.62.

школу. Назначение в 1965 г. на должность народного следователя, подорвало здоровье ветерана прокуратуры. Он участвовал в задержании особо опасного преступника, который был застрелен в ходе операции. Когда в 1967 г. В. Я. Новоприезжий умер, М. М. Федоров организовал комиссию по его похоронам на его родине в с. Соттинцы [2].

Информацию и газетную статью передала местная жительница Ушницкая. Следовательно, источником информации для научного исследования в Арктических районах могут быть сведения местных старожилов, которые в силу малочисленности населения могут достоверно помнить интересные факты.

В 2022 г. на основе исследованных архивных материалов, а также материалов, собранных бывшим прокурором Жиганского района Никифоровым А. А., воспоминаний бывших и действующих сотрудников прокуратуры, была издана юбилейная книга к 300-летию юбилею прокуратуры России «Прокуратура Жиганского района: история и современность». Значительный вклад в издание книги внес коллектив Жиганского краеведческого музея, во главе и директором Сивцевой Л. Е. Ими было проведено качественное редактирование книги и подготовка версии для печати. Кроме того, были представлены исторические фотографии, а также справка по ранее жившим в районе работникам различных организаций.

Необходимо подвести следующие итоги настоящему исследованию.

Установлено, что прокуратуры Арктических районов ЯАССР были образованы гораздо позже прокуратур центральных районов республики, формирование которых началось с 1930 г.

Научная информация по теме исследования была установлена из следующих источников:

1. Архивный фонд субъекта;
2. Архивный фонд района;
3. Архивный фонд прокуратуры;
4. Юбилейные издания прокуратуры субъекта;
5. Информация ветеранов прокуратуры;
6. Районный краеведческий музей;
7. Информация старожилов района.

Несмотря на то, что прокуратуры арктических районов были образованы позже, чем в центральных районах ЯАССР, их работа являлась вполне успешной, благодаря энтузиазму молодых сотрудников и профессионализму опытных прокурорских работников, направленных на помощь из центра.

Список литературы

1. Вышинский А. Я. Курс уголовного процесса: Учебник для правовых вузов. Том I: Судостроительство. М., 1933. С.332.
2. Индигир уоттара. Районная газета Момского района. 12.02.2011. Л. 2. «Бастын юрист этэ». («Он был первым юристом»).
3. Капинус О. С. «Прокуратуры городов и районов - ключевое звено системы органов прокуратуры России». Прокурор, 2014. № 1.

4. Положение о прокуратуре Союза ССР. Утв. пост. ЦИК и СНК СССР 17.12.1933. СЗ СССР 1934 г. №1. Ст. 2-б.
5. Прокуратура Республики Саха (Якутия). История и современность. К 280-летней истории прокуратуры России. Под ред. Полятинского, Н. Е. Якутск, Бичик, 2001 г. С. 66.
6. Прокуратура Республики Саха (Якутия): история и современность. Под ред. Алексеевой, А. Е. Якутск, Айар, 2021. С.49.
7. Сивцев Н. И. Особенности и пути совершенствования работы прокуратура в условиях Арктики (На примере прокуратуры Момского района). Право в контексте устойчивого развития Арктики: вызовы времени и новые возможности. Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию доктора юридических наук, профессора Михаила Михайловича Федорова. Казань, 2021. ООО «Бук» (Казань). С. 257.
8. Сивцев Н. И., Никифоров А. А. Прокуратура Жиганского района: история и современность. Якутск, Офсет, 2022. С.4.
9. Чулков Р. А., Фоменко О. Н. Девяносто лет прокуратуре Карымского района. 295 лет прокуратуре России: история и современность. Сборник научных и творческих работ учащихся средних и старших классов, студентов учреждений высшего профессионального образования Забайкальского края. ФГБОУ высшего образования Байкальский государственный университет. Читинский институт (филиал). Прокуратура Забайкальского края. С. 117–121.

**Исследование влияния стойких органических загрязнителей
на здоровье жителей Сибири и Дальнего Востока**

**Study on the effects of persistent organic pollutants on the health
of residents of Siberia and the Far East**

Львова Ольга Степановна

инженер Института проблем нефти и газа

Сибирское отделение РАН

Якутск, Россия

olyalvova96@yandex.ru

Lvova Olga Stepanovna

Engineer, Oil and Gas Institute

Siberian Division of the Russian Academy of Sciences

Yakutsk, Russia

olyalvova96@yandex.ru

Аннотация: рассмотрены объекты мониторинга стойких органических загрязнителей и подведены результаты исследований. Здоровье человека и уровень качества жизни во многом определяется состоянием окружающей среды. Результаты проведенных исследований показывают, что существует тенденция повышения содержания СОЗ в различных сферах окружающей среды: в почве, водных объектах, животном и растительном мирах. Наблюдается рост накопления СОЗ на арктических территориях страны, что наглядно доказывает устойчивость данных соединений и их способности к переносам на дальние расстояния.

Ключевые слова: стойкие органические загрязнители, влияние СОЗ на окружающую среду, арктическая экология, мониторинг загрязнения среды.

Abstract: persistent organic pollutant monitoring objects were considered and the results of the research were summarized. Human health and quality of life are largely determined by the environment. The results of the studies show that there is a trend of increasing POP content in various areas of the environment: soil, water, animal and plant worlds. The accumulation of POPs in the Arctic is increasing, demonstrating the persistence of these compounds and their potential for long-range transport.

Keywords: Persistent organic pollutants, environmental effects of POPs, Arctic ecology, pollution monitoring.

Синтез новых химических соединений является востребованным процессом во многих отраслях деятельности человека. Однако желание ускорить или улучшить промышленность или сельскохозяйственную деятельность приводит к негативным последствиям для окружающей среды и здоровья человека. Хи-

мические факторы в таких случаях формируют недопустимый риск и способны привести к возникновению массовых отравлений и ухудшению химической безопасности страны. К примеру, промышленная и сельскохозяйственная деятельность в XX в. привела к появлению в среде обитания человека качественно новых высокотоксичных веществ и соединений, многие из которых чрезвычайно устойчивы во внешней среде [9].

В мае 2001 была принята Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях является основным международным правовым актом [2]. Главная цель конвенции направлена на охрану окружающей среды и защиту здоровья населения от воздействия чрезвычайно опасных химических соединений, именуемые СОЗ. Их объединяют в группу органических загрязняющих веществ, характеризующихся высокой токсичностью, устойчивостью к разложению в окружающей среде, биоаккумуляцией, происходящей в большой степени в жировых тканях животных, и способностью к переносу на дальние расстояния по воздуху и водным путям за счет своей гидрофобным и липофильным свойствам. В водной среде СОЗ распределяются строго в органической фазе. Еще одни из важных свойств СОЗ является летучесть. Именно благодаря данному свойству СОЗ способны переноситься на большие расстояния, что является причиной их обнаружения на территориях, где СОЗ не производился в промышленности. На данный момент список включает в себя 30 химических веществ (пестициды, промышленные химикаты, побочные продукты). Основными задачами конвенции является прекращение производства, сокращение использования и последующая ликвидация СОЗ. Наиболее известные из них – хлорорганические пестициды (ХОП) и полихлорированные бифенилы (ПХБ), или дифенилы.

Регулирование сбросов и выбросов в промышленных предприятиях с использованием принципов технологического нормирования, особенно развитых странах, запрет применения ряда коммерческих хлорорганических препаратов во второй половине XX в. привели к снижению загрязнения. Но остаточные количества СОЗ все еще представляют риск для окружающей среды. В то же время, во многих развивающихся странах СОЗ используются как пестициды в сельском хозяйстве из-за отсутствия альтернативного способа борьбы с насекомыми-вредителями, или средства для обработки древесины.

Российская Федерация подписала Стокгольмскую конвенцию в 2002 г. в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 18 мая 2002 г. № 320 «О подписании Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях». В 2011 г. Российская Федерация ратифицировала Стокгольмскую конвенцию в соответствии с Федеральным законом от 27 июня 2011 г. №164-ФЗ «О ратификации Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях» [5].

Особую опасность выбросы СОЗ представляют для экологии Арктики [3]. Из-за специфических климатических факторов на Арктике, такие как низкая температура и малая продолжительность светового дня в зимний период, арктические регионы чрезвычайно уязвимы к воздействию со стороны стойких ор-

ганических загрязнителей. Поэтому в ряде стран с арктическими территориями ведется мониторинг загрязнений атмосферного воздуха, водоемов, почв, продуктов питания, в частности рыбы, на предмет присутствия СОЗ. Арктическая зона России — часть Арктики, находящаяся под суверенитетом и юрисдикцией РФ. 2 мая 2014 года Президент России подписал Указ «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» [6]. Таким образом, в арктических зонах России расположены следующие территории регионов Дальнего Востока:

- Чукотский автономный округ;
- Территории Аллаиховского улуса, Анабарского национального (Долгано-Эвенкийского) улуса, Булунского улуса, Нижнеколымского района, Усть-Янского улуса (Республика Саха (Якутия));

Регулярные мониторинговые исследования СОЗ на арктических зонах регионов Дальнего Востока не проводились, но имеются несколько научно-исследовательских работ, которые проводили мониторинг по некоторым объектам накопления СОЗ,

Стойкие органические загрязнители в окружающей среде

СОЗ являются самыми опасными поллютантами, которые поступают в окружающую среду в результате деятельности человека. Они нанесли огромный вред живой природе и здоровью человека, вызывая злокачественные новообразования и повреждая нервную, репродуктивную и иммунную систему, провоцируя появления патологий [8]. Обладая свойством биоаккумуляции, они накапливаются в органах и тканях животных.

Основной мониторинг на территории арктической зоны Российской Федерации ведется по следующим стойким органическим загрязняющим веществам: полихлорированные бифенилы (ПХБ), дихлордифенил трихлорэтан (ДДТ), гексахлорбензол (ГХБ), а также по некоторым хлорорганическим пестицидам (ХОП) и их метаболитам, а также полициклические ароматические углеводороды (ПАУ), которые по некоторым свойствам примыкают к СОЗ.

Полихлорированные бифенилы или полихлорированные дифенила (ПХД) представляют собой группу искусственных органических химических соединений, состоящих из атомов углерода, водорода и хлора. Использовались как диэлектрические жидкости в трансформаторах и конденсаторах, как добавки в гибких покрытиях электрических проводов и электронных компонентов. ПХБ не обладают каким-либо запахом, негорючие, не проводящие электричество, устойчивы к высоким температурам кипения. Они могут попасть в окружающую среду через участки с опасными промышленными отходами, утечек или выбросов из электрических трансформаторов, сжиганию некоторых отходов в муниципальных и промышленных установках. Среди СОЗ ПХБ является самым распространённым. Существует около 209 индивидуальных конгенов ПХБ, различающихся числом и положением атомов хлора в молекуле и имеющие общую формулу $C_{12}H_{10-n}Cl_n$, где $n = 1-10$. Они массово производились в СССР и использовались, начиная с 1934 до конца 1995 г.. Но несмотря на прекращение

производства, ПХБ до сих пор находятся в эксплуатации в составе электротехнического оборудования (конденсаторы, трансформаторы и др.) на объектах разных отраслей промышленности, а также гидравлического и другого оборудования. Наиболее частыми последствиями воздействиями ПХБ на организм человека являются изменение уровней гормонов – эстрогена, прогестерона, тестостерона и тироида, что разрушает репродуктивную функцию. Также попадая через плаценту воздействует на плод, в результате чего наблюдается изменение нервной системы и развития ребенка [7].

Дихлордифенил-триметилметан (ДДТ) является веществом пестицидов, который ранее использовался в сельском хозяйстве (в 40-70-е года XX века) для борьбы с вредителями, в частности, разносчика малярии комара *Anopheles*. В бывшем СССР производство ДДТ началось в 1946 году в Москве, а использование официально запрещено в 70-х годах. Подсчитано, что в биосферу Земли было внесено более 5 млн. тонн ДДТ, что составляет примерно 1 кг на каждого жителя планеты [7]. Основным источником поступления ДДТ в организм является пища, после поступления в организм он накапливается в жировых тканях. Хроническое воздействие данного загрязнителя приводит к печеночной и почечной недостаточности. Механизм токсичного действия большинства соединений основан на разрушении ацетилхолина, который является одним из главных нейромедиаторов человека. На данный момент отсутствуют в списках пестицидов, разрешенных для применения. Представляет собой белое кристаллическое вещество, которое малорастворимое в воде, обладающее ощутимым запахом [1]. После введения запрета уровни ДДТ продолжают обнаруживаться во всех образцах окружающей среды.

Гексахлорбензол (ГХБ) является химическим соединением, которое применялось для борьбы с головневыми грибами злаков, а также в смеси с другими препаратами использовалось в качестве протравки семян зерновых культур. Это побочный продукт синтеза и производства промышленных химикатов, таких как тетрахлорид углерода, перхлорэтилен, трихлорэтилен и пентахлорбензол, а также примесь в ряде пестицидных составов. Это бесцветные кристаллы, нерастворимые в воде и мало малорастворимые в этаноле и бензоле. Является политропным ядом, т.е. может поражать различные органы и системы в организме. ГХБ воздействует на печень, сердце и центральную нервную систему. Соединение отличается высокой устойчивостью и переносится на большие расстояния.

Хлорорганические пестициды (ХОП) представляют собой группу химических веществ с галогенопроизводными алициклических и ароматических соединения. Также являются продуктом жизнедеятельности человека. ХОП – это твердые кристаллические вещества, которые обладают высокой термостабильностью, то есть способны сопротивляться изменению химической и физической структуры при относительно высокой температуре. К тому же они плохо растворимы в воде, но обладают хорошей растворимостью в жирах и липидах.

ПАУ представляют собой молекулы, в составе которых присутствуют три или более бензольных колец. Их основными источниками попадания в окру-

жающую среду являются ископаемое топливо, включающая сырую нефть, и неполное сгорание органических материалов, таких как древесина, уголь, нефть. Максимальные уровни содержания 4 ПАУ – бензо(а)пирена, бензо(б)флуорантена, бензо(к)флуорантена и индено(1,2,3-сд)пирена – в воздухе достигает лишь единиц нг/м^3 , а минимальные концентрации лежат в диапазоне 10^{-4} - 10^{10-2} нг/м^3 (Никитин В.А. Стойкие органические загрязняющие вещества в атмосфере Российской Арктики, автореферат, 2007). По отношению к живым организмам проявляют канцерогенные, мутагенные и токсические свойства. ПАУ включены в список приоритетных загрязнителей Европейским сообществом и Агентством по охране окружающей среды США. В России нормирование и контроль содержания канцерогенных ПАУ в почвах осуществляется по бенз[а]пирену (ПДК 20 нг/г). Массовое появление в окружающей среде техногенных ПАУ произошло на стыке XIX и XX вв. Обусловлено оно было бурным развитием тяжелой промышленности [7].

Объекты мониторинга стойких органических загрязнителей и результаты исследований

Мониторинг загрязнения окружающей среды в России проводится на сети наблюдений Росгидромета. Однако из числа СОЗ, попавшие под действие Стокгольмской конвенции, в программу мониторинга Росгидромета включены только ДДТ, гексахлорциклогексан (ГХЦГ) и ГХБ. Поскольку СОЗ обладают устойчивостью к разложению и свойством к биоаккумуляции, поэтому показательными объектами исследования в плане воздействия на здоровье населения являются атмосферный воздух, поверхностные воды (донные осадки) и биообъекты.

В Российской Федерации мониторинг на Дальнем Востоке в арктической зоне проводился на станции Дунай, находящийся в районе Тикси (Республики Саха (Якутия)) в 1993 –1994 гг., в дельте реки Лена, а также на полярной станции Валькаркай на побережье Восточно-Сибирского моря Чукотского полуострова [3]. Работа по мониторингу проводилась в рамках международной программы мониторинга и оценки Арктики в сотрудничестве с исследователями из Канады. В работе [3] приведены результаты по проведённому мониторингу, где суммарная концентрация 10 реперных конгенов ПХБ в районе полярной станции Валькаркай значительно выше, в сравнении с другими станциями, расположенных на арктических зонах. Мониторинг по другим СОЗ, например по ДДТ и ГХБ, показывает, что концентрация содержания данных загрязнителей находится на уровне фонового.

Причиной такого уровня содержания СОЗ могут стать локальные источники и глобальные перенос. В работе [3] повышение уровня ПХБ связывают с выносом этих загрязнителей с более южных территорий России или других государств, что доказывает их способность к дальнему переносу.

Так же мониторинг на территории Дальнего Востока проводился на объектах водной среды. Несмотря на возрастающий интерес к распространению, биоаккумуляции, токсичности и распределению СОЗ, территория Дальнего Во-

стока исследована неполно. Причиной является удаленность данного региона страны, что замедляет продвижению по изъятию и уничтожению опасных для окружающей среды веществ. Основными объектами для исследований на содержание СОЗ стали водные среды и их абиотических и биотические компоненты. Попадая в водную среду, большая часть СОЗ связываются с частицами взвеси и оседают на дно, накапливаясь в донных отложениях. Поэтому для оценки содержания СОЗ в объектах водного пространства используют биоиндикаторы.

В работе [8] представлены результаты мониторинга дальневосточных морей России, таких как Берингово море, Охотское море, Японское море. Материалом для исследований послужили образцы тихоокеанских лососей, камбал, морских птиц и др. Изучаемыми органами и тканями стали печень, икра, мышцы. Также были отобраны образцы крови и грудного молока жителей Приморского края и Чукотского АО.

В результатах работы [8] отмечается, что хлорорганические поллютанты обнаружены в крови у большинства обследованных жителей Дальнего Востока. В тканях рыб, птиц и млекопитающих Японского, Охотского и Берингово морей обнаружены в основном соединения ДДТ, ПХБ и ГХЦГ, что говорит о давности поступления и длительности циркуляции в среде этих поллютантов. Отмечается, что существует потенциальный риск развития онкологии от употребления в пищу лососей из-за присутствия в тканях рыбы ГХЦГ. Риск от потребления камбал Японского моря возможен от ПХБ. За счет содержания ГХЦГ в печени серого кита и тихоокеанского моржа существует потенциальный риск отравления и развития рака у жителей Чукотского АО. Концентрация ПХБ в грудном молоке женщин Чукотского автономного округа и Приморского края аналогичны. Содержание СОЗ указывает на влияние активного судоходства, применение трансформаторов, конденсаторов, гидравлических систем и прочего оборудования, которые содержат ПХБ.

Еще одним возможным источником поступления СОЗ в организм человека является употребление в пищу северных оленей. Оленеводство является важной отраслью сельского хозяйства в районах Крайнего Севера Российской Федерации [4].

Причинами повышенного накопления поллютантов в печени оленей становятся биохимические особенности: частая смена мест выпаса, повышающая вероятность попаданий на загрязненный локальный участок, попадание в организм животных частичек почвы при выпасе.

Содержание диоксинов и дПХБ в мышечной ткани северных оленей не превышало допустимых значений (табл. 1) В тоже время количество диоксинов в печени оленей из Мурманской области, Ненецкого автономного округа, Республики Коми и Ямало-Ненецкого автономного округа было выше допустимого.

Накопление диоксинов и диоксиноподобных полихлорированных бифенилов (дПХБ) у северных оленей в регионах Крайнего Севера России (2014–2016 годы)

Регион/число образцов	Д	Д+дПХБ
	<i>Печень</i>	
Мурманская область/34	42,20±10,55	145,60±23,99
Ненецкий АО/155	23,90±5,98	85,20±13,95
Республика Коми /10	20,71±5,18	-
Ямало-Ненецкий АО/79	14,01±3,50	-
Полуостров Таймыр (Красноярский край)/22	5,06±2,43	18,60±5,34
Республика Саха (Якутия)/5	1,10±0,53	-
Чукотский АО/10	3,50±1,68	-
	1,20±0,58	-
	<i>Мышечная ткань</i>	
Мурманская область/24	1,30±0,62	
Ненецкий АО/5	0,67±0,32	
Полуостров Таймыр (Красноярский край)/35	Менее 0,5	

Из исследований работы [4] был сделан вывод, что употребление мяса северных оленей из исследуемых регионов не несет существенного риска для здоровья человека.

Вывод

Здоровье человека и уровень качества жизни во многом определяется состоянием окружающей среды. Результаты проведенных исследований показывают, что существует тенденция повышения содержания СОЗ в различных сферах окружающей среды: в почве, водных объектах, животном и растительном мирах. К тому же наблюдается рост накопления СОЗ на арктических территориях страны, что наглядно доказывает устойчивость данных соединений и их способности к переносам на дальние расстояния.

Таким образом, можно сформулировать следующие задачи в области развития системы мониторинга СОЗ:

- создать систему специализированных и региональных центров мониторинга СОЗ, которые будут выполнять анализ СОЗ в окружающей среде во всех регионах Российской Федерации;
- разработать или адаптировать существующие методы исследования с последующим их расширением для различных объектов исследований;

- провести оценочный мониторинг СОЗ на территориях промышленной отрасли и близким к ним;
- создать базу данных по содержанию СОЗ в окружающей среде Российской Федерации.

Список литературы

1. Fedorov L. A. Persistent organic chemicals in the former Soviet Union. *Environ Pollut* 1999; 105: 283 — 7.
2. Конвенция о принятии международных мер в отношении отдельных стойких органических загрязнителей. — Стокгольм, 2001. — 44 с.
3. Коноплев А. В. Полихлорированные бифенилы и хлорорганические пестициды в атмосфере дальневосточной российской Арктики / А. В. Коноплев, В. А. Никитин, Д. П. Самсонов [и др.] // *Метеорология и гидрология*. — 2005. — № 7. — С. 38–44.
4. Макаров Д. А., Комаров А. А., Овчаренко В. В. Загрязнение диоксидами и токсичными элементами субпродуктов северных оленей в регионах Крайнего Севера России. *Сельскохозяйственная биология*. — 2018. 53. № 2, 2018, С. 364–373.
5. Минприроды России. Пресс-центр: Приняты поправки к Стокгольмской конвенции: https://www.mnr.gov.ru/press/news/prinyaty_popravki_k_stokgolmskoy_konventsii/
6. Указ Президента Российской Федерации «О Сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» от 2 мая 2014 года.
7. Хавкина, Т. К. Антропогенные изменения окружающей среды и здоровья человека : учебное пособие / Т. К. Хавкина ; Т. К. Хавкина. — Саратов : Научная книга, 2008. — 353 с. — ISBN 978-5-9758-0869-1. – EDN QLTQQB.
8. Цыганков В. Ю. Хлорорганические загрязняющие вещества в организмах рыб, морских млекопитающих и птиц северо-западной пацифики и экологический риск для человека: автореф. дис. ... доктора биологических наук: 1.5.15. — Владивосток, 2021. — 39 с.
9. Цыганков В. Ю., Донец М. М., Христофорова Н. К. Стойкие органические загрязняющие вещества (СОЗ) в Дальневосточном регионе: мря, организмы, человек: монография. — Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2020. — 344 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Коллин К. К.</i> Стратегические приоритеты государственной политики России в сфере науки в современных геополитических условиях	6
<i>Ящук Т. Ф.</i> Становление и развитие юридической науки и высшего образования в Сибири	23
<i>Васильев А. А.</i> Кодификация законодательства о науке, научно-технической и инновационной деятельности	32
<i>Кожеева М. А.</i> Развитие юридической науки в ведомственной системе высшего образования (на примере Омской Академии МВД России)	42
<i>Колганов Е. С.</i> Возможности научно-образовательного центра «Север: территория устойчивого развития» для технологического развития Сибири	49
<i>Гоголев П. В.</i> Об отдельных вопросах правовой политики Республики Саха (Якутия) в сфере науки	58
<i>Дюсюпова А. Д.</i> Правовая политика в сфере аграрных отношений в Сибири: состояние, проблемы, перспективы инновационной деятельности и науки	64
<i>Милинчук Д. С.</i> Из истории сибирской науки: юриспруденция в лицах	70
<i>Корольков В. В.</i> Дискуссия о природе советской федерации в науке государственного права (1960–1977 гг.): предпосылки, ход, последствия	74
<i>Максимова О. Д.</i> Правовые и организационные основы создания Сибирского отделения Академии наук СССР 1956–1958 гг.	96
<i>Корякина З. И.</i> Организационно-правовые основы регулирования и стимулирования научной деятельности в высшем учебном заведении	107
<i>Окунева М. О.</i> Взаимодействие Сибирского отделения Академии наук с партийными и государственными органами	113
<i>Львов С. В.</i> Сибирские методологи: вклад новосибирских ученых в развитие прикладной социологии	120
<i>Армашова А. В.</i> Международное сотрудничество сибирских ученых и его организационно-правовые формы	136

<i>Сивцев Н. И.</i> Исследование истории арктических районных прокуратур, методы исследования на примере прокуратур Момского и Жиганского районов Республики Саха (Якутия)	147
<i>Львова О. С.</i> Исследование влияния стойких органических загрязнителей на здоровье жителей Сибири и Дальнего Востока	164

Научное издание

**Организационные проблемы научной деятельности
и правовая политика государства в сфере науки
и ее реализация в Сибири**

Сборник статей Всероссийской междисциплинарной
научной конференции

Макет подготовлен авторами

Подписано в печать 10.12.2022 Формат 60*84 1/16
Печ. л. 11. Тираж 100 экз. Заказ № 105.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательства Московского гуманитарного университета
111395, Москва, ул. Юности, 5.